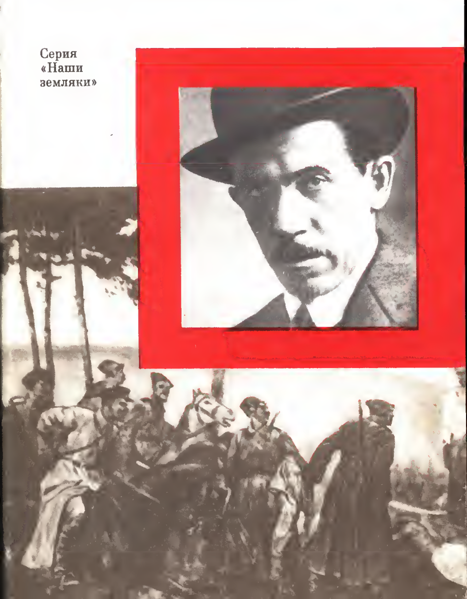
Р. И. Валек

А.Я. ВАЛЕК

Серия
«Наши
земляки»

**Кончая с Колчаком,
мы кончаем войну навсегда.
Необходимо напряжение всех сил,
поголовное участие
сознательного пролетариата в мобилизации.
Каждый свободный день, каждый свободный час
сознательного рабочего и работницы
должен быть употреблен
на личную агитацию.
Это напряжение... будет последним и окончательным,
ибо победа наша несомненна.
В. И. Ленин**

Р. И. Валек

А.Я. ВАЛЕК

Серия
«Наши
земляки»

Издание второе,
исправленное и дополненное

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство · 1983

ББК 66.61(2)8
В15

Воспоминания о героической жизни выдающегося революционера Антона Яковлевича Валека написаны его женой и соратницей Раисой Исааковной Валек.

В книге рассказывается о работе Надеждинской (Серовской) социал-демократической организации в период первой русской революции, о борьбе екатеринбургского подполья с колчаковщиной на Урале, о последних днях Антона Валека и его боевых товарищей, погибших от руки белогвардейцев.

Мечты и думы первых большевиков даже в черные дни царского произвола и белогвардейского террора были обращены к светлому будущему. Сбылись их чаяния. Сегодняшним строителям коммунизма адресован этот рассказ о начале славного пути партии Ленина.

Литературная обработка Н. Куштума

В $\frac{10202-010}{М158(03)-83}$ 0902030000

НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Подлинный смысл жизни я постигла, лишь встав на путь революционной борьбы. На этом пути судьба свела меня с замечательным человеком, революционером-подпольщиком Антоном Валеком. Я стала женой этого несгибаемого солдата революции и многие годы плечом к плечу с ним шла по тернистому, но славному пути борьбы за народное счастье.

Вот об этом я и хочу поведать нынешним поколениям. Молодым полезно знать, как их деды и отцы боролись за свободную и счастливую жизнь трудящихся нашей страны.

Итак, начинаю свои воспоминания о былом.

Родилась я 18 августа 1886 года в городе Чистополе бывшей Казанской губернии в бедной многодетной семье кустаря-часовщика Исаака Ронина.

Наша семья жила сначала в Витебске.

Я начала работать с одиннадцати лет ученицей в пошивочной мастерской, а позже получала за пару сшитого белья 5—6 копеек.

Нищенское существование, погоня за каждой копейкой, вечный страх перед безработицей и неумение приспособиться к витебской жизни заставили меня пятнадцатилетним подростком уехать в Казань (где жили знакомые отца) на заработки.

В Казани я, как еврейка, не имела права на жительство и более двух лет прожила без прописки. Это были годы невзгод и вечного страха высылки по этапу. Пользуясь моим бесправным положением, хозяйка пошивочной мастерской жестоко меня эксплуатировала. За три рубля в месяц и плохонькие харчи я должна была ежедневно шить двадцать пар рабочих шаровар или десять рубашек.

Зимой 1903 года моя участь была решена. Под угрозой высоких штрафов квартиросдатчикам предлагалось в суточный срок заявить о живших у них евреях.

По требованию хозяйки мастерской я сама явилась

в полицейский участок, где меня встретил сердитый околоточный. Стуча кулаком по столу, он закричал:

— Как ты смеешь, кто тебе разрешил проживать в Казани?

Он выхватил из моих рук только что полученный паспорт и написал на уголке: «На выезд в 24 часа».

После высылки из Казани я недолгое время пожила в Витебске, а затем осенью 1904 года вместе с матерью отправилась на Урал, в Надеждинский завод, где в ту пору работал отец.

Восемнадцатилетняя девушка, я чувствовала себя старше своих лет. После всего пережитого я возненавидела царских чиновников, была готова на борьбу с самодержавием, но не знала, как бороться, с чего начать.

Отец встретил меня приветливо. А когда я заявила, что буду учиться часовому делу, очень этому обрадовался:

— Умница! Теперь мне будет полегче, да и ты верному ремеслу обучишься.

ВХОЖУ В СЕМЬЮ ПОДПОЛЬЩИКОВ

Надеждинский завод, основанный в 90-х годах прошлого столетия, был по тем временам одним из передовых предприятий Урала. От старых демидовских и строгановских заводов он отличался более совершенной техникой. Да и по производственной мощности равных ему на Урале не было. Получив от правительства крупный заказ на изготовление рельсов для Великого Сибирского пути, заводчик Половцев построил завод с размахом.

Слухи о новом рельсовом заводе разнеслись далеко за пределы Урала. В Надеждинск со всех концов России группами и в одиночку хлынули рабочие в поисках заработка. В большинстве случаев приезжали молодые рабочие-одиночки, наиболее восприимчивые к революционным идеям, которые к тому времени начали уже проникать в среду рабочих. Некоторые из рабочих там, в центре и на юге России, состояли в социал-демократических кружках и уже имели представление о путях революционной борьбы с самодержавием. Таким образом, в Надеждинске складывалась благоприятная почва для революционной пропаганды.

Приехав в Надеждинск, я старалась как можно скорее

познакомиться с участниками нелегальной рабочей организации, о которой ходили слухи в поселке. Мне очень хотелось войти в их среду, принять посильное участие в подпольной работе. Присматриваясь к людям, приходящим в часовую мастерскую отца, я осторожно, исподволь расспрашивала: где они работают, чем занимаются в свободные часы, что читают.

Вскоре я подружилась с чулочницей Бертой Будницкой, жившей с нами по соседству. Отец ее служил приказчиком на заводе фруктовых вод. Берта знала нескольких революционно настроенных товарищей и помогла мне познакомиться с ними. Это были Василий Чащин, Герасим Носков, Николай Гусев и некоторые другие. Конечно, они не сразу со мной стали откровенными — нет, сначала осторожно испытывали меня, спрашивали, где я жила до Надеждинска, что делала, каковы мои интересы. Первое время меня такое недоверие очень обижало, но позднее я поняла, что иначе они поступить не могли.

Помнится, сближению кроме всего прочего помог один случай. Как-то я показала Николаю Гусеву свой паспорт. Он прочитал надпись казанского околоточного «на выезд в 24 часа» и очень этому удивился:

— За что это они вас выслали?

— Только лишь за то, что я еврейка.

— Не может быть!

Оказывается, на севере Урала мало знали о бесправном положении евреев в царской России, о притеснениях, которым они подвергались. После этого случая товарищи стали относиться ко мне теплее и доверчивее.

С Василием Андреевичем Чащиным — одним из активных участников подполья — я познакомилась так.

Забежала к нам Берта Будницкая. Посудачили о том о сем, уговорились вместе провести вечер в городском сквере. В это время в мастерскую вошел молодой рабочий со связкой книг в руках. Среднего роста, с рыжевато-темными длинными волосами, он чем-то был похож на молодого Максима Горького, портрет которого мне довелось видеть в журнале. Когда он достал из кармана часы и заговорил с отцом, Берта тихо спросила:

— Узнаешь?

Я присмотрелась. Чащин жил на той же Торговой улице, что и мы. Каждый день он дважды проходил мимо нашей квартиры — на завод и с завода. И обязательно с книгой в руках.

— Познакомьтесь,— сказала Берта, когда Чащин закончил разговор с отцом.— Это и есть та самая Рая.

— А-а, очень приятно. Чащин,— улыбаясь, он пожал мне руку.— Я о вас уже слышал.

— Как так? — удивилась я.

— Очень просто. Надеждинск — город маленький. Здесь каждый новый человек приметен.

Разговорились и не заметили, как прошло больше двух часов. А когда я пожаловалась, что тоскую по хорошим книгам, Чащин тут же предложил:

— Пойдемте ко мне, кое-что интересное найдем.

Чащин жил недалеко от нас в небольшом домике. Просидели мы у него с подругой еще с час, и я ушла, унося с собой три книги. Это были «Спартак» Джованьоли, «Углекопы» Золя и «Овод» Войнич.

Книги были изрядно потрепаны, кое-где не хватало страниц — так усердно их читали. Несколько ночей подряд я не отрываясь читала их, так увлекла меня описываемая в них революционная борьба против угнетателей. Правда, все это происходило во Франции и в Италии и не в наши дни, но я уже знала, что и у нас, в России, рабочие так же борются за свободу и лучшую жизнь.

Когда я уходила от Чащина, он приветливо сказал:

— Приходите, Рая, снова, когда прочитаете эти книги. Что-нибудь еще поищем. Рад быть вам полезным.

Воспользовавшись приглашением, я дней через десять пришла к нему. И тогда у нас состоялся долгий и откровенный разговор. Я рассказала Чащину о себе решительно все, просила совета, как у более опытного товарища. Заканчивая беседу, он сказал:

— Ну, что же, товарищ Ронина. Думаю, что будем вместе работать и бороться. Я еще, конечно, кое с кем посоветуюсь... Зайдите-ка, скажем, через недельку.

Позднее на квартире Чащина я познакомилась еще с некоторыми товарищами. Помню, очень помог мне определить свои взгляды рабочий механического цеха Алексей Чукавин.

Он был страстный книголюб и хранил у себя маленькую библиотечку. Это было его партийным поручением. В библиотечке кроме художественной литературы было и немало политических, революционных книг. С каким жадным и неослабным интересом читала я эти книги!

Как мне хотелось сделать что-то большое, значительное для дела революции!

К тому времени в Надеждинске имелась крепкая организация РСДРП, наиболее активными членами которой были Николай Сенокосов, Дмитрий Добрынин, братья Михаил и Александр Горшковы, Василий Чащин, братья Иван и Петр Лапины, Павел Колмогоров, Герасим Носков, Николай Гусев и другие.

БУРНЫЙ 1905 ГОД

Первое мая 1905 года мы в Надеждинске ознаменовали загородной массовкой. Собралось нас на лесной поляне немного, человек пятнадцать-двадцать. Но для начала и это было неплохо.

Раскинув на поляне скатерти, разложили на них принесенную с собой еду, в котелках вскипятили чай. Если бы вдруг нагрянули полицейские, наша массовка могла бы сойти за обыкновенный, безобидный пикник. Но все обошлось благополучно.

Все, кто собрался на массовку, с большим вниманием слушали взволнованный рассказ Михаила Горшкова, который только что вернулся из Центральной России. Мы узнали от него, что после Кровавого воскресенья (9 января) рабочие перестали верить царю и начали все больше прислушиваться к голосу большевиков. По многим городам России, по заводам и фабрикам катится волна забастовок, идет революционная борьба за свержение самодержавия, за новый, демократический строй в России.

— И нам, надеждинцам, негоже отставать от революционных рабочих,— закончил свою речь Михаил.— Надо смелее выходить на бой за свои права.

Мы, молодые участники массовки, как говорится, с открытыми ртами слушали зажигательные слова оратора.

На примерах из нашей заводской жизни Горшков показал, что среди надеждинских рабочих зреет протест против грубого произвола мастеров, против штрафов, обсчетов и неаккуратной выплаты заработка. Нужно направить этот протест в русло организованной революционной борьбы.

Разошлись по домам поздно вечером, глубоко взволнованные всем услышанным, с верой в лучшее будущее, которое мы непременно завоюем.

С этого времени в Надеждинске заметно оживилась общественно-политическая жизнь. Следуя примеру рево-

люционных рабочих других городов России, руководимые подпольной партийной организацией, наши рабочие все смелее стали предъявлять свои требования администрации завода. Официально возглавил эту борьбу заводской совет уполномоченных, избранный рабочими всех цехов. Позднее его, как и в других местах, стали называть Советом рабочих депутатов.

Совет взял в свои руки Народный дом, который раньше для рабочих был недоступен. Он стал центром политико-массовой и культурно-просветительной работы среди заводского населения.

При Народном доме был создан любительский драматический кружок. В нем играли рабочие механического цеха В. Чащин, П. Колмогоров, Б. Будницкая, Е. Колмогорова, И. Медведев и многие другие.

Помню, с каким огромным успехом, при переполненном зале, прошел спектакль «Рабочая слободка». Рабочим-артистам бурно аплодировали. После этого спектакль пришлось повторить еще несколько раз. А в то же время под видом репетиций здесь собирались участники подполья и решали свои неотложные партийные дела.

В одной из больших комнат Народного дома была открыта общедоступная чайная, где рабочий мог выпить чаю и отдохнуть — почитать газеты и журналы, поиграть в шашки, шахматы.

Чайную организовал и руководил ею наш активист рабочий Павел Колмогоров. Это был скромный, вдумчивый молодой человек, среднего роста, с темными волосами. Он заметно выделялся своей культурой и начитанностью.

Дежуря в чайной, Павел обходил столики, спрашивал, нет ли каких пожеланий, предлагал газеты и журналы, рекомендовал, какую статью или заметку следует прочитать. Довольные такой заботливостью, рабочие охотно посещали нашу чайную.

Мне было поручено руководить кружком девушек, который тоже занимался в Народном доме. Моей помощницей, чем-то вроде старосты кружка, была Лиза Колмогорова, стройная, красивая, бойкая девушка. Как и ее брат Павел, она была начитанна и отличалась какой-то особой сердечностью в отношениях с подругами.

Наиболее активно в работе кружка участвовали Берта Будницкая, Евдокия Помыткина, Устинья Медянкина, Валентина Зуева, Анастасия Чащина и другие.

В кружке мы по очереди вслух читали политическую и художественную литературу и горячо, часами обсуждали прочитанное. Особенно сильное впечатление на девушек произвели «Спартак» и «Овод». Обсуждая роман Золя «Углекопы», мы сравнивали положение французских рабочих с нашим собственным.

С большой охотой разучивали в кружке революционные песни.

Наш рабочий Совет не ограничивался только культурно-просветительной работой, он вникал во многие стороны заводской жизни. Так, например, рабочие были очень недовольны состоянием медицинского обслуживания. Особенно их возмущало грубое обращение главного врача заводской больницы Токарева. Этот лекарь мало походил на врача. Обрюзглый, с изрядным брюшком, с заплывшими глазами, он бегло осматривал пришедшего к нему рабочего и при любой болезни тут же, на приеме, давал выпить большую дозу касторки. Да еще, издевательски ухмыляясь, говорил:

— Ну вот, прочистит, и все пройдет.

И тут же гнал больного обратно на работу.

Совет предложил администрации убрать Токарева, что было, хотя и после долгих проволочек, выполнено. Рабочие с радостью наблюдали, как этот врач-чиновник с позором покидал Надеждинск. Это была победа Совета.

Перед надеждинскими большевиками стояла большая задача: разоблачая вредное влияние и оппортунистическую демагогию меньшевиков и эсеров, завоевать на свою сторону заводских рабочих. На это и была направлена вся наша агитационно-пропагандистская работа.

И все же в ту пору среди рабочих Надеждинска, да и в самом Совете, не было еще настоящего единства. Причиной тому были недостаточная организаторская работа немногочисленной группы большевиков в рабочих массах и яростное противодействие со стороны меньшевиков и эсеров. Вот что сказано по этому поводу в книге «Большевики Урала в революции 1905—1907 годов» [1]:

«К октябрю 1905 года Надеждинский Совет значительно расширил свои функции, стал активно влиять на все области жизни и завода и поселка. Это встревожило «отцов города» — заводовладельцев и торговцев. Надеждинская буржуазия повела усиленную агитацию

[1] Издана Свердловским издательством в 1956 году.

против Совета, буржуазии помогали меньшевики. Меньшевики Ротман, Зарудный, Ивицкий на собраниях и митингах рабочих, проведенных Советом, внушали неприемлемую в условиях царской России идею о ненужности вооруженной борьбы, убеждали, что всего можно «достичь мирным путем, без крови». После выхода лживого царского манифеста 17 октября меньшевики заявили, что якобы вопреки утверждениям большевиков самодержавие идет на уступки без давления на него вооруженной силой, что демократические свободы уже завоеваны без крови. Меньшевики нашли себе поддержку внутри Совета в лице отдельных примиренцев, которые носились с идеей «умеренных мер» и вслед за меньшевиками взывали к рабочим «против актов насилия».

В результате оппортунистической деятельности меньшевиков у рабочих не было единства, а Совет в период нового революционного подъема в стране, в дни Всероссийской октябрьской стачки, проявил недопустимую пассивность. Этим воспользовались черносотенцы: 21 октября они провели свою манифестацию с восхвалением «дарованных царских свобод» и разгромили Совет».

Подробнее расскажу, как все это происходило.

Октябрь 1905 года. Полиция и администрация завода пытались скрыть царский манифест. Лишь 18 октября нам сообщили о нем сочувствующие почтовые работники.

Считая, что вынужденный куцый царский манифест — все же есть победа над самодержавием, партийная организация сразу же приступила к подготовке демонстрации. Всю ночь на 19 октября девушки из нашего кружка обшивали позументом красное знамя с надписью «Долой монархию! Да здравствует Республика!» и черное знамя — «В память павших борцов за свободу». Сшили красные банты и нарукавники.

В воскресенье утром мы поспешили с знаменами к Народному дому.

Там уже собралась масса народа. Рабочие радостно поздравляли друг друга с победой, женщины плакали. Многие тогда еще не понимали истинного смысла царской «милости».

На кратком митинге с яркой речью выступил приехавший из Екатеринбурга Петрович (С. Е. Чуцкаев). Он дал правильную большевистскую оценку царскому манифесту как вынужденному маневру и призвал рабочих не

прекращать борьбы за свои политические и экономические права.

После этого демонстрация в несколько тысяч рабочих и служащих двинулась могучим потоком по Надеждинскому проспекту.

Впереди запели:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Песню дружно подхватили сотни голосов.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

На случай возможных выпадов со стороны черносотенцев демонстрацию охраняла рабочая дружина под командой Михаила Горшкова. С боков колонны шли полицейские «для соблюдения порядка», хотя в этом не было необходимости, так как никто из демонстрантов порядка не нарушал.

На каждом углу колонна останавливалась. Взобравшись на какое-либо возвышение, с краткими речами поочередно выступали Петрович, Михаил Горшков, Чащин. Они еще и еще раз разоблачали смысл царского манифеста и призывали не ослаблять борьбы за революцию.

А в это время в церкви шел благодарственный молебен и поп Африкан с амвона грозил небесной карой крамольникам, идущим против бога и царя. Черносотенцы готовили злодейский удар в спину революции.

21 октября, в день престольного праздника, поп Африкан в исступленной проповеди открыто призвал всех православных, верных слуг царя, к расправе с «крамольниками». Из церкви с иконами и хоругвями с пением гимна «Боже, царя храни» двинулась по улицам процессия во главе с попом и купцами Шведовым, Чертищевым, Шадриным. Они же организовали группу черносотенцев, которые после изрядного возлияния стали на улицах хватать и избивать передовых рабочих и служащих — участников воскресной демонстрации.

Позже мы узнали, что в организации черносотен-

ного погрома деятельно участвовал и сам директор завода Васильев. По его приказу черносотенцам платили наличными за избиение передовых рабочих.

Черносотенцы зверски избили братьев Лапиных, Гужова, Будницкого и многих других. Эти же молодчики, повязав через плечо белые полотенца, помогали ловить и арестовывать наиболее активных участников демонстрации. В тот день было арестовано более 30 человек, в том числе и я с братом Матвеем. По дороге в каталажку черносотенцы били нас и оскорбляли, в пьяной злобе выкрикивая:

— Эй вы, нехристи!

— Идете против бога и царя!

— Так вам и надо, не будете мутить православных!

Это был мой первый арест, мое боевое крещение. Полицейский участок, куда нас посадили, был переполнен. Однако, несмотря на тесноту, темноту и грязь, настроение у арестованных было бодрое, даже веселое — помогало чувство товарищеской спайки. Хотелось скорее вырваться на волю и снова окунуться в революционную работу, беспокоило, что там, на воле, делают наши товарищи. К счастью для организации, некоторым товарищам удалось избежать ареста и скрыться.

Правда, после демонстрации полиция и заводская администрация взяли «на заметку» наших активистов. За ними стали следить, придирались по всякому поводу, за малейшие пререкания с мастерами им грозил штраф и даже увольнение. Но теперь наши товарищи почувствовали свою силу, и их не так-то легко было запугать.

В Надеждинск постепенно вернулись укрывшиеся от ареста Добрынин, Горшковы, Чащин и другие и энергично принялись за прерванное дело.

А через три недели по требованию рабочих и нас выпустили на свободу. Мы вышли из заключения совершенно другими людьми, более подготовленными к борьбе.

Если до ареста многие из нас довольствовались пропагандистским чтением, то теперь нам этого было мало, хотелось делать что-то более значительное, и немедленно.

Большинство наших партийных активистов работало в механическом цехе завода. О Чащине я уже писала, теперь скажу несколько слов о других товарищах.

Душой подпольного комитета был Аркадий Тягунов, токарь механического цеха.

Это был человек среднего роста, худощавый. Из-за близорукости он носил пенсне. Очень начитанный и эрудированный, любил поспорить с товарищами на политические и философские темы. На любой вопрос мы получали от него ясный, исчерпывающий ответ.

Тягунов отличался большой жизнерадостностью, физической силой и смелостью.

С одним из товарищей он совершил рискованный налет на полицейский участок и забрал там оружие для боевой дружины. В 1908 году Тягунов был арестован за революционную деятельность и после тюремного заключения сослан на три года в Енисейскую губернию.

В советское время Тягунов занимал руководящие посты, в 1929—1930 годах был деканом кафедры марксизма-ленинизма Свердловского горного института, затем переехал в село Никольское Сысертского района, где работал директором школы.

Очень любила молодежь Дмитрия Добрынина за добрый нрав, за открытое, симпатичное лицо, за большой ораторский талант. Его горячие речи неизменно увлекали слушателей.

После Октябрьской революции, в 1918 году Добрынин был избран председателем Нижнетагильского исполкома.

Баженова, хотя он был старше нас, все почему-то звали просто Федей. Работал он чертежником в конторе. Всегда добродушный, улыбающийся и приветливый, он располагал к себе. Общительный по натуре, Федя очень любил, чтобы у него собирались товарищи. Мы были частыми гостями в его комнате, зная, что у него всегда можно встретить нужных людей, а то и просто договаривались встретиться у Феди. Особенно мы любили собираться здесь в ненастные или морозные вечера. Сколько у нас было споров, с каким оживлением обсуждали мы только что прочитанные книги!

Любили и уважали мы и Герасима Носкова — высокого, худощавого, веселого рабочего. Это был страстный книголюб. Он даже на вечерних прогулках не расставался с книгой.

Дружок Герасима по механическому цеху Николай Гусев был его полной противоположностью. Маленький ростом, он казался еще моложе своих девятнадцати лет.

Был он удивительно молчаливым человеком. Николай отличался исполнительностью и аккуратностью, был из тех, о ком говорят: «На этого вполне можно положиться». Он успешно вел индивидуальную революционную пропаганду среди рабочих своего механического цеха. После Октябрьской революции Гусев много лет работал мастером на Верх-Исетском металлургическом заводе. Умер он в 1957 году.

Нельзя не вспомнить и Николая Николаевича Сенокосова. Бывалый человек, он изъездил всю Центральную Россию, работал на Путиловском и других заводах Петрограда и всюду вел революционную пропаганду. На Урал, в Богословский горный округ, Сенокосов был сослан после тюремного заключения.

Имея большой опыт партийной работы, Николай Николаевич был одним из организаторов Надеждинской группы РСДРП. Но встречались мы с ним редко, так как он жил в Турьинских рудниках и работал там машинистом паровоза на узкоколейке. Иногда мы навещали его целой гурьбой. Он радушно встречал нас и охотно отвечал на все вопросы. Эти посещения для нас, молодежи, были очень полезны.

Позднее, когда Сенокосов перебрался в Надеждинск, он был организатором и руководителем драматического кружка рабочих.

НАШ РАБОЧИЙ ДЕПУТАТ

И в 1906 году наша организация продолжала быть активной. Народный дом по-прежнему оставался в руках рабочих, там часто проходили многолюдные собрания. Проводили их, как правило, Добрынин, Чащин и Горшков, а иногда приезжавшие из Екатеринбурга товарищи. На собраниях принимались резолюции с большевистскими требованиями к заводской администрации, вплоть до введения восьмичасового рабочего дня.

Все уже поняли, что из себя представляют царский манифест 17 октября и Булыгинская дума, которую товарищи остроумно называли «недоноском».

Я старалась по возможности не пропустить ни одного собрания, это было для меня лучше всякой учебы. Проходили они очень активно, люди на них говорили свободно, не боясь «блюстителей порядка». Да соглядатаи

и не рисковали появляться у нас после того, как рабочие дважды бесцеремонно выставили их из Народного дома.

— Проваливайте! — говорили полицейским.— Нам без вас сподручнее.

В конце 1906 года и начале 1907 года большим событием в жизни нашей партийной организации была кампания по выборам депутата во Вторую Государственную думу. Буквально все были поставлены на ноги.

Члены партии вели широкую агитацию за своего рабочего кандидата не только в обеденные перерывы в цехах, но и в рабочих квартирах и общежитиях, используя любую возможность побеседовать с избирателями.

Незадолго до этого, в сентябре 1906 года, Общеуральская конференция РСДРП, поддерживая разработанную В. И. Лениным революционную думскую тактику, высказалась за участие в выборах во Вторую Государственную думу.

В новых условиях большевики решили принять участие в этих выборах, чтобы использовать предвыборную кампанию, а затем и думскую трибуну для укрепления связи партии с рабочими и крестьянскими массами, для разоблачения антинародной политики русского самодержавия, для высвобождения крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии.

В ноябре 1906 года в Екатеринбурге были переизданы написанные В. И. Лениным обращение «К избирателям» и листовка «Кого выбрать в Государственную думу». В них разоблачались черносотенцы и кадеты как партии помещиков и капиталистов. Этим партиям Ленин противопоставлял рабочую партию, борющуюся за политические свободы, за власть — народу. Листовка призывала: «Граждане! Голосуйте на выборах за кандидатов социал-демократической рабочей партии!»

В связи с подготовкой к выборам у нас, в Богословске, в январе 1907 года состоялась первая районная партийная конференция, на которой кандидатом в депутаты был выдвинут большевик-рабочий Василий Андреевич Чащин.

С разъяснением политики и тактики партии в избирательной кампании на этой конференции выступал товарищ Лядов, специально приехавший для этого из Екатеринбурга.

Конференция одобрила и приняла к исполнению ленинские директивы.

Через несколько дней после конференции в надеждинском Народном доме состоялось многолюдное предвыборное собрание рабочих завода. На это собрание пожаловали полицейские во главе с надзирателем Шаньгиным. Против их присутствия горячо и решительно выступил большевик фельдшер Кузьма Стрелков:

— Полицейским нечего здесь делать. Мы и без них сами управимся со своими делами. Они помешают каждому свободно высказать свое мнение. Требую удалить полицию из зала.

Выступивший после него активист рабочий Михаил Оссолихин в таких же резких выражениях поддержал его предложение.

Их речи вызвали бурное одобрение собравшихся.

Когда вопрос был поставлен председателем собрания В. А. Чащиным на голосование, поднялся лес рук за удаление полицейских. И тем ничего не оставалось, как под свист и резкие выкрики позорно ретироваться из зала.

Эта маленькая победа очень всех воодушевила.

Вскоре после этого по доносу полицейского надзирателя пермский губернатор Наумов приказал арестовать и отправить в тюрьму большевистских агитаторов Кузьму Стрелкова и Михаила Оссолихина. Арест этих товарищей вызвал бурные протесты рабочих. Сразу же была объявлена политическая забастовка, которая прошла с большим подъемом.

В те же дни по поручению партийной организации Герасим Носков и Матвей Серебряков провели в мелкосортном цехе большой митинг протеста. На нем был единодушно одобрен текст телеграммы пермскому губернатору с требованием немедленно освободить арестованных.

Любопытно, что рабочие заставили полицейского надзирателя подписаться под текстом этой телеграммы. И в конце концов после долгих проволочек властям пришлось все же освободить наших товарищей, настолько решительным было возмущение рабочих, возглавленных партийной организацией.

Наши труды не пропали даром.

На всех цеховых собраниях рабочим кандидатом был единодушно избран Василий Андреевич Чащин. Это была самая подходящая кандидатура, так как наш избранник пользовался большим авторитетом среди рабочих.

Проводы товарища Чащина в Петербург в начале

февраля 1907 года превратились во внушительную демонстрацию рабочего единства.

После коротенького митинга у Народного дома мы с красными знаменами направились к вокзалу. По пути пели революционные песни, выкрикивали лозунги.

На вокзале собралась масса провожающих. И здесь раздавались горячие речи и революционные песни. В торжественной тишине был зачитан напутственный наказ нашему депутату. Затем — прощание, рукопожатия, поцелуи, и вот уже поезд под громогласное «ура!» медленно тронулся в дальний путь.

Демонстрация и проводы Чащина проходили в присутствии урядника Юшкова. Он то и дело шнырял между провожающими, вглядываясь в лица. Мы же, увлеченные проводами, не обращали на него внимания. Но через неделю в результате его доноса пришло распоряжение пермского губернатора: «Участников демонстрации по случаю проводов депутата Второй Государственной думы подвергнуть аресту сроком на три месяца».

В числе других была арестована и я.

Вот как царские власти отнеслись к выборам в Думу.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С АНТОНОМ

На всю жизнь запомнила я день, когда меня приняли в члены партии. Это было в конце 1905 года, вскоре после моего освобождения из-под ареста.

Собрание проходило в Новом поселке, на квартире Аркадия Тягунова. Длилось оно недолго. Поскольку присутствующие хорошо знали меня как участницу массовок, демонстраций и по занятиям в кружке, вопросов ко мне было немного и я сразу же была принята в партию открытым голосованием. Я испытала тогда чувство огромной радости. Подумать только — я стала полноправным членом боевой рабочей партии!

Тут же на собрании мне было дано важное поручение — печатать на гектографе нелегальную литературу.

Из Екатеринбургского партийного центра мы частенько получали через приезжих товарищей или в почтовых посылках на надежные адреса листовки и прокламации.

Тексты для перепечатки я обычно получала от Чащина или Добрынина. Я их переписывала печатными буквами специальными химическими чернилами. Перепи-

санные листки уносила на квартиру Ольги Будницкой на 7-й линии, где мы и печатали листовки на гектографе.

Распространение нелегальной литературы было возложено на Матвея Серебрякова и Герасима Носкова. Они всяческими путями умудрялись подсовывать листовки в инструментальные ящики и в карманы рабочих спецовок не только в своем механическом, но и в других цехах завода. Часть листовок мне удавалось распространять через мастерскую отца, куда за ними под видом заказчиков приходили знакомые мне рабочие и солдаты.

В начале июня 1907 года в Надеждинск по путевке Екатеринбургского комитета приехал бежавший из ссылки Антон Валек. Нелегальное имя его в то время было Яков Черников. Приехал и сразу же с помощью товарищей устроился на работу монтером в газомоторный цех.

Об его приезде мне в тот же день сообщила Лиза Колмогорова. Антон пришел с явкой к ее брату Павлу. Я же познакомилась с Антоном на ближайшей массовке. Могла ли я предполагать тогда, что большая и прочная дружба свяжет нас на всю жизнь.

За несколько дней до приезда Антона к нам прибыл из Екатеринбурга профессионал-подпольщик по кличке «Иван». Это был товарищ Гилев Иосиф Григорьевич. В 1907 году Екатеринбургским комитетом большевиков он был послан делегатом на V Лондонский съезд РСДРП. По возвращении со съезда по заданию комитета он должен был в Надеждинске, Богословске и Сосьве отчитаться о работе и решениях съезда, о выступлениях Ленина. Он остановился в доме у Соломиных. Это был высокий, стройный, красивый молодой человек. Он тут же собрал актив партийной организации и ознакомил нас с политической обстановкой в России. Было решено провести в воскресенье большую массовку в лесу, за речкой Каквой.

Теплый, солнечный июньский день. По лесной дороге в одиночку и группами идут празднично одетые рабочие с корзинами и кошелками. Их встречают наши патрули и, услышав пароль, указывают, как пройти к месту массовки.

На большой поляне собралось несколько сот рабочих. Первым перед ними выступил товарищ Иван. Он рас-

сказал о том, с какой свирепой жестокостью царское самодержавие подавило первую русскую революцию 1905 года, как оно преследует рабочих-революционеров и какой чинит произвол в стране.

— Товарищи! Сейчас в России царит черная реакция. Но мы не сдадимся, не встанем на колени. Наоборот, с еще большей энергией будем бороться и накапливать силы для грядущей революции! — закончил он свою речь.

Рабочие выслушали его с большим вниманием. Затем слово взял Антон.

На массовке Антон сразу же обратил на себя всеобщее внимание. Худощавый шатен с продолговатым лицом, с серьезным и открытым взглядом серых лучистых близоруких глаз, говорил он с заметным украинским выговором. Вид у него был очень изнуренный. Это следствие лишений, перенесенных в царских тюрьмах и ссылках.

Он тоже рассказал о политических событиях в России, о баррикадных боях в Харькове, о расстрелах революционных рабочих в ряде городов, о переполненных тюрьмах, о произволе царских сатрапов.

Не докончив, он умолк и присел на пенек. Его окружили встревоженные рабочие, а он, виновато улыбаясь, успокаивал их:

— Ничего, ничего... Голова немного закружилась, скоро пройдет.

Он поднялся, но продолжать свою речь уже не смог.

Ко мне подошел товарищ Иван.

— Ну как, Раиса, готовы? Смелее, смелее!

Дело в том, что перед началом массовки он уговорил меня выступить и рассказать о положении девушек на работе и в семье. И вот сейчас товарищ Иван громко объявил:

— Слово предоставляется товарищу Раисе Рониной.

До этого я занималась с группой девушек, вела кружок молодых рабочих, но на многолюдном собрании выступать мне еще не приходилось. Я очень волновалась, и с первых слов у меня под ногами как бы заколебалась почва. Но внимательные, дружеские взгляды рабочих ободрили меня.

Я говорила о том, что наши заводские девушки очень отсталые, полны предрассудков, верят во всякую чертовщину. Они вместе со старушками ходят в церковь, слушают проповеди попов, верят им. Отцы их и братья

приобщаются к великим идеям, к борьбе с самодержавием за освобождение рабочего класса от гнета и эксплуатации. А девушкам, своим дочерям и сестрам, не помогают выйти из темноты и невежества.

— Помогите же девушкам получить больше знаний и не препятствуйте их стремлениям к свету! — призвала я.

Моя речь на массовке вызвала дружное одобрение. Ведь это было первое выступление девушки в Надеждинске. Ко мне подошел Антон и пожал руку.

После массовки мы с Антоном долго гуляли по улицам Надеждинска. Он рассказывал много интересного и поучительного для меня. Поздним вечером Антон проводил меня до дома, ласково пожелал «спокойной ночи» и быстро зашагал к своей квартире.

День за днем крепла наша дружба с Антоном. Мы стали часто встречаться. О чем только мы не говорили! Передо мной все глубже раскрывалась его обаятельная душа.

С приездом Антона работа нашей партийной организации заметно оживилась. Он был человеком кипучей энергии. На собраниях, на занятиях кружка, в индивидуальных беседах он неизменно завладевал нашим вниманием. Учил нас правильно оценивать политическую обстановку, делился своим богатым революционным опытом. Каждый раз мы узнавали что-то полезное, доселе нам, молодым, неизвестное.

Вот, например, собрались мы как-то в «доме холостяков» у Феди Баженова. После очередного политзанятия Антон заговорил с нами о конспирации.

— Большевикам случается попадать в разные переделки, жить на нелегальном положении. Часто приходится смывать свой или чужой паспорт и вписывать в него другую фамилию. А как это делается?

И Антон тут же продемонстрировал.

В другой раз он поделился опытом шифрованной переписки с помощью условленной книги, а также показал нам, как вести секретную переписку молоком.

— Вам до сих пор не приходилось прибегать к таким методам конспирации, но вы обязаны быть во всеоружии подпольщика. Это вам в будущем пригодится.

За время пребывания в Надеждинске Антон сделал очень многое для сплочения нашей группы, настойчиво учил нас искусству революционной борьбы.

После того как Василий Андреевич Чащин уехал в

Петербург, а Дмитрий Добрынин был арестован, единственным членом подпольного комитета остался Аркадий Тягунов. Возникла необходимость довыборов комитета.

В погожий летний день 1907 года на этой же лесной поляне возле деревни Медянкино состоялось собрание партийного актива. Его открыл Аркадий Тягунов. Помнится, кроме него на собрании присутствовали Герасим Носков, Николай Гусев, Андриан Сергеев, Алексей Чукавин, Матвей Серебряков, Алексей Медянкин, Антон, я и еще некоторые товарищи, чьи фамилии сейчас не вспомню.

Помимо текущих дел стоял вопрос о довыборах двух членов комитета. После краткого обмена мнениями были выдвинуты кандидатуры Антона и моя. На время обсуждения кандидатур нас попросили отойти в сторону — такое существовало правило. Обсуждение было недолгим. Меня все товарищи знали давно, Антон с первых же дней отлично проявил себя на партийной работе.

Вскоре Герасим Носков позвал нас.

— Ну, что же, товарищи,— обратился Тягунов к собравшимся,— отводов у нас не было, будем голосовать. Кто за то, чтобы членом комитета был избран товарищ Яков? Кто за товарища Ронину?

Нас избрали единогласно.

Мне Тягунов тут же поручил сбор членских взносов и всю секретарскую работу, на Антона возложили руководство политическими кружками.

В середине августа меня взволновало неожиданное событие: на квартиру ко мне заявились околоточный и двое понятых. Думая, что они пришли к отцу в мастерскую, я вышла им навстречу:

— Отца нет, заказов временно не принимаем.

— А мы не по часовому делу,— высокомерно ответил околоточный,— мы с обыском.

— У отца?

— Да нет, наоборот, у вас.

— У меня? Тогда пройдите наверх, там моя комната.

Пыхтя и отдуваясь, околоточный поднялся по узкой крутой лесенке на верхний этаж. За ним плелись понятые. Я была рада, что родителей не оказалось дома, они уехали в Казань на свадьбу старшей сестры, а то поднялсы бы переполох. С обыском ко мне пришли впервые.

Околоточный встал посреди комнаты, видимо, не зная, с чего начать. В Надеждинске обыски были редкостью, их производили обычно прибывшие из Перми жан-

дармы. Для местного блюстителя порядка это дело оказалось непривычным.

В комнате было мало мебели — стол с книгами, кровать, пара стульев. Все на виду. Заглянул околоточный под кровать, ощупал постель и принялся перебирать на столе книги. Обратил внимание на бутылочку с чернилами.

— Это у вас какие чернила, что вы ими пишете?

— Чернила обыкновенные, пишу сочинения, я ведь учусь, уроки беру.

По вопросам околоточного я поняла, что он ищет технику — гектограф. Напрасные труды! Все, что относилось к печати, хранилось на конспиративной квартире у Ольги Будницкой, где мы и печатали листовки, а вот чернила предназначались для гектографа.

Не найдя ничего подозрительного, околоточный, понюхав чернила, забрал их с собой. Все-таки вещественное доказательство о проделанном обыске.

Так первый обыск обошелся для меня благополучно. Но все же я была озабочена тем, что нахожусь у полиции на подозрении.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

С каждой встречей наши отношения с Антоном становились все сердечнее. Мы делились друг с другом радостями и заботами, вели долгие задушевные разговоры, мечтали о будущем.

В одну из таких встреч Антон рассказал мне о своей жизни до приезда в Надеждинск.

Его жизнь, полная лишений, скитаний и опасностей,— это типичная судьба профессионального революционера, рядового солдата революции.

Родился Антон Валек 19 января 1887 года на окраине Харькова в доме № 8 по Монастырской улице (ныне улица Дацко) в семье бедного железнодорожного сторожа Якуба Валека. Семья состояла из отца, матери — Макрины Петровны, двух девочек, Фроси и Насти, и сына Антона.

Якуб Валек, в прошлом польский повстанец, высланный в Россию царскими властями, под старость был сломлен тяжкой нуждой и с горя частенько пил запоем.

В свободное от работы время Якуб любил плотничать,

используя для этой цели шпалы, списанные на железной дороге. Во дворе он высадил несколько яблонь, груш и десятка два ягодных кустов. Маленький садик служил для семьи местом отдыха.

Макрина Петровна — мать Антона — была женщина богомольная. Она часами простаивала перед иконами и заставляла Антошу класть земные поклоны, повторять за собой слова молитвы, которые порой и сама не понимала.

Старый Якуб в этих случаях, бывало, встанет во весь свой высокий рост, иронически приговаривая: «Ну, опять с богом заговорила»,— махнет рукой и выйдет из комнаты.

Так старились старые, росли молодые... Девочки были смирные, послушные, помогали матери по хозяйству. Антон — впечатлительный мальчик, под влиянием матери даже собирался уйти в монастырь, рано начал читать истрепанные божественные книги. Но, начав учиться в школе, забыл молитвы и увлекся приключенческими книгами, которые доставал у товарищей.

Забившись в любимый уголок в саду, он со своим товарищем соседом Колей Сухоносовым зачитывался книжками. Как герои приключенческих романов, друзья мечтали о путешествиях. Часами обсуждали и строили планы стать робинзонами, достичь необитаемого острова. Экономили из получаемых копеек на школьные завтраки, собирали сухари на дорогу. Об их намерениях в доме никто не знал. Они уже большие, им по двенадцать лет!

С наступлением летних каникул, ранним погожим утром, друзья двинулись в путь. Но далеко они не уехали.

В первой же от Харькова деревне наши путешественники попросились на ночлег и здесь встретили дядю Коли, который очень удивился смелому поступку своего племянника и его товарища. Задав им трепку, он посадил мальчиков на подводу и возвратил восвояси — в Харьков.

Дома за самовольную отлучку и пережитые тревоги им дополнительно всыпали по первое число, а отец к тому же долго с Антоном не разговаривал, не садился с ним за один стол, что было для мальчика горше розг.

Вскоре у любознательных друзей зародилась новая идея. Появились в небе первые самолеты. Где-то мальчики достали рисунки аэропланов, задумали сами смастерить летательный аппарат. Собрали куски фанеры, кар-

тона и принялись за дело. Лишь младшая сестренка Настенька, с которой Антон очень дружил, была посвящена в их замысел.

Долго Антон и Коля мастерили свой «самолет», наконец решили его испробовать. Взобравшись на крышу домика, начали спорить, кто первый полетит. Поскольку Антон был заправилой, он не уступил Коле и полетел первым... Сильно отшиб себе ноги, долго хромал...

Отец старился, часто недомогал, трудно было нести сторожевую службу. Стали держать семейный совет. Антону четырнадцать лет, он уже может работать, благо по росту выглядит старше своих лет. Хотелось Якубу дать своему единственному сыну хорошее образование, но из-за большой нужды пришлось забрать Антошу из городского училища и устроить учеником в мастерские Харьковского депо.

Так пришел конец всяким мечтам о путешествиях, забыты детские забавы. Не заброшены лишь любимые книги. Тяжелые условия работы, постоянные грубые окрики мастеров вызывают у Антона чувство протеста против несправедливости. Он все чаще прислушивается к разговорам рабочих, недовольных порядками в депо. Впечатлительный, начитанный юноша начинает понимать, что выход из безотрадного положения рабочих — только борьба.

Шестнадцатилетним юношей Антон примыкает к группе подпольщиков, которые дают ему отдельные поручения. Он расклеивает и разбрасывает прокламации, распространяет нелегальную литературу, созывает рабочих на массовки, на нелегальные собрания и в кружки. С гордостью и страстностью выполняет поручения, быстро усвоив приемы конспирации.

Не раз выручала его находчивость. Однажды ему поручили расклеивать и разбрасывать прокламации. Получив пачку листовок, он засунул ее под пиджак за пояс и с клейстером в ведерке и помазком отправился расклеивать их на видных местах.

Все шло благополучно. Подходит он к забору железнодорожных мастерских, наклеивает листовку у самой проходной будки и вдруг слышит окрик:

— Эй, малец, что ты тут робишь?

Сзади Антона выросла фигура старика жандарма — постоянного блюстителя порядка у депо. Екнуло сердце, но Антон не растерялся:

— Вот видите, объявление наклеиваю, квартиру сдаем, квартирантов ищем! — смело ответил Антон и быстро ретировался. Подслеповатый жандарм принялся медленно читать «объявление».

— Ах ты бес, вон какое объявление прилепил! — С остервенением сорвал он прокламацию. А «беса» и след простыл.

Постепенно из увлекающегося революционной романтикой юноши Антон становится сознательным борцом за революцию. С 1903 года он член РСДРП(б) и ведет за собой товарищей значительно старше себя. Матвей Константинович Муранов (бывший депутат Четвертой Государственной думы) в беседе со мной вспоминал, что первую в своей жизни нелегальную брошюру и прокламацию получил от Антона. Антон же впервые привел его на нелегальное собрание железнодорожников. Это было в Харькове.

К 1905 году партийная организация депо выросла и активизировалась. Рабочие предъявляли администрации не только экономические требования, но и политические. Поражение в войне с Японией и Кровавое воскресенье в Петербурге явились толчком к волнениям рабочих масс в городах и крестьянской бедноты в деревнях. Назревали бурные события первой русской революции.

В Харьков стянуты воинские части. Рабочие вооружаются, ломают заборы, спиливают фонарные столбы, разбирают мостовые, строят баррикады. Антон с оружием в руках борется на баррикадах. Но силы сторон неравны. Солдаты слепо выполняют приказания царских командиров, стреляют в рабочих.

Революция отступает, царские опричники со зверской жестокостью расправляются с активными участниками борьбы. Днем и ночью агенты охранки преследуют и вылавливают передовых рабочих.

Антон часто посещал казармы 201-го Лебединского пехотного полка, вел агитацию среди солдат и распространял революционные прокламации, за что 21 ноября 1905 года был арестован и посажен в тюрьму. 4 января 1906 года он вышел из тюрьмы и снова занялся партийной работой. А 6 февраля 1906 года вновь арестовали Антона за расклеивание прокламаций.

Тюрьмы переполнены, и заключенных «сплавляют» в близкие и отдаленные места ссылки на разные сроки. «За попытку свержения существующего строя», «за госу-

дарственные преступления» Антон 20 апреля 1906 года был административно сослан в город Грязовец Вологодской губернии сроком на три года. Этап, пересыльные тюрьмы приводят его наконец к месту ссылки — в глухой уголок царской России. Но Антон не мог смириться с пассивным отбыванием ссылки. Как можно терять три года молодой жизни, быть в стороне от революционной борьбы, ежедневно являться к ожиревшему, тупому уряднику «на отметку»... Бежать, бежать! Эта мысль неотступно преследовала Антона. Он изучал обстановку, анализировал условия, при которых можно успешно бежать.

Принял решение некоторое время жить тихо, спокойно, чтобы заслужить доверие урядника, получить возможность отлучаться якобы для некоторого заработка на стороне. Такое разрешение он получил после трехмесячного пребывания в ссылке. На первый раз вернулся аккуратно. Через несколько дней снова получил разрешение на отлучку и — благополучно бежал. Уряднику ничего не оставалось делать, как донести своему начальству: «Ссыльный Валек Антон бежал».

Ссылка осталась позади, но куда направить свои стопы? Антону 19 лет. Он впервые оказался без документов и без средств. «Харьков — город большой, буду жить в другом конце его»,— решил Антон. В родном городе он нашел некоторых уцелевших товарищей по работе и подполью, получил в городской парторганизации паспорт на имя Сергея Ивановича Артемьева, поселился на конспиративной квартире и целиком отдался партийной работе.

Очень хотелось Антону повидать своих стариков, сестренку Настеньку. Ведь тюрьма, этап и ссылки отняли у него больше года. И вот глухими переулками, через заборы пробрался он к дому. Отец, мать и сестренки были очень рады встрече, и не меньше их радовался сам Антон.

Но при следующей попытке пробраться к своим, несмотря на осторожность, 2 октября 1906 года Антон был схвачен агентом охранки и снова водворен в тюрьму.

На этот раз Валек дольше пробыл в харьковских арестантских ротах, о которых впоследствии часто вспоминал как о своеобразном университете. Здесь с помощью политически более подготовленных товарищей ему удалось много узнать из теории и практики классовой борьбы и революции, глубже изучить произведения Маркса, Энгельса, Ленина. С особой теплотой Антон вспоминал

товарища Артема (Сергеева), который в тюрьме организовал кружок по истории и теории классовой борьбы. Большевики готовились к новой схватке с самодержавием. Артем не давал молодежи зря тратить время в тюрьме.

Прошло почти четыре месяца заключения. За участие в работе РСДРП(б), за проживание по чужому паспорту, за побег из ссылки суд приговорил «сослать Валек Антона в Сибирь, в город Тару, сроком на пять лет».

13 декабря 1906 года родные и друзья провожали Антона. Старик отец Якуб Валек напутствовал сына. Он вспомнил свои счеты с самодержавием, свою ссылку. И дал Антону наказ: «Не сворачивай, сынок, с выбранного пути. Лучше быть мертвым, чем отступником». С таким напутствием молодой большевик Валек под строгим конвоем в составе большой партии заключенных двинулся в дальний путь, в сибирскую ссылку.

От Омска до города Тары партию триста верст гнали пешком в трескучий мороз, замотанных в башлыки, в легкой, продуваемой одежонке, в кожаной обуви. Редко попадавшиеся деревни по берегу Иртыша служили привалом, местом для ночлега, где заключенные обогревались, отдыхали.

Наконец после изнурительного этапа партия добралась до города Тары — захолустного сибирского городка, на шесть-семь месяцев в году отрезанного от культурного центра — Омска. Оживление в городе наступало лишь с навигацией, когда по Иртышу начинали курсировать пароходы.

Город был окружен непроходимым лесом. Деревянные одноэтажные дома из бревен в обхват, с крытыми дворами представляли типичные его постройки. Здесь не было крупной промышленности, существовали только кустарные частные мастерские да развито было рыболовство.

Стояла зима. Триста верст до ближайшей железнодорожной станции — рано думать о побеге. Антона окружали товарищи — харьковчане и примкнувшие в пути из других пересыльных тюрем. Он познакомился и со старожилами. Общительность помогала Антону быстро сходиться с людьми. Молодой, задорный, он умел петь, играть на гитаре, и это несколько скрашивало жизнь ссыльных. В то же время под видом вечеринок с музыкой Антон собирал марксистский кружок.

Позднее мне удалось побывать в городе Таре. Я встретила супругов Вишневских, после отбытия ссылки оставшихся там на постоянное жительство. У них сохранились групповые фотографии политических ссыльных. На одном из снимков я увидела Антона.

Вишневские рассказали о нем следующее. Он был самым молодым среди ссыльных. Едва оказавшись в Таре, сразу же организовал кружок по теории марксизма.

Запомнилась история его побега. О том, как Антон к нему готовился, никто ничего не знал. А готовился он очень тщательно. Целыми днями просиживал на берегу Иртыша, вел беседы с местными рыбаками, иногда помогал им в промысле.

За зиму он сумел сэкономить несколько рублей на дорожные расходы.

Началась весенняя навигация. Приходили и отплывали от пристани большие и малые пароходы, но бежать на них значило наверняка «засыпаться». На пристани неотлучно находились жандармы и зорко следили за отъезжающими.

Антон решил воспользоваться знакомством с рыбаками, которые ему симпатизировали. И, повторив опыт побега из первой ссылки, он прикинулся тихим, дисциплинированным ссыльным. Урядник даже в пример его ставил.

Как-то Антон попросил разрешение на трехдневную отлучку в поисках заработка. Разрешение было дано. Антон точно, в срок вернулся, о чем и доложил уряднику.

Недели через две после этого он снова выхлопотал себе отпуск, выпросил у знакомого рыбака утлую лодчонку и среди белого дня на глазах урядника отплыл из Тары.

Когда позади остались десятки километров, Антон запрятал лодку в кусты, а сам пешком добрался до ближайшей пристани. Погони он особенно не опасался, так как урядник отпустил Антона на пять дней.

На пристани Антон сел на попутный пароход, добрался на нем до Омска, а оттуда поездом прибыл в Екатеринбург.

Ссылка осталась позади, а впереди — полная неизвестность. Но у Антона была партийная явка, он связался с подпольщиками. Его снабдили паспортом на имя Якова Черникова, дали денег на первое время и с путевкой Екатеринбургского комитета большевиков направили в Надеждинск.

Таково начало жизни Антона Валека, запомнившееся мне по его рассказам. А вся его дальнейшая судьба уже проходила на моих глазах.

В ЧЕРНЫЕ ДНИ

Итак, Антон Валек снова оказался в родной революционной среде. С первых же дней жизни в Надеждинске он включился в работу большевистского подполья. Теперь у него за плечами был богатый опыт, приобретенный в харьковском подполье и в двух ссылках. Но тюрьмы и этапы заметно отразились на его здоровье: он выглядел утомленным и казался значительно старше своих двадцати лет.

С приездом Антона начались регулярные занятия политкружка, которым он умело руководил. В хорошую погоду занятия обычно проходили на укромной поляне в ближнем лесу. Антон доходчиво излагал кружковцам теорию классовой борьбы, политэкономию, знакомил их с формами и методами конспирации в сложных условиях подполья. Речь свою он умело оживлял русскими и украинскими пословицами и поговорками, острыми шутками и злободневными фактами из местной жизни. Рабочие охотно ходили на занятия кружка.

После того как нас с Антоном избрали в комитет, мы почти ежедневно встречались по партийным делам, и это, конечно, способствовало нашему сближению.

Как-то Антон пришел на занятие кружка девушек, которым я руководила.

Мы все смутились и замолчали. А он успокаивающе поднял руку:

— Продолжайте, пожалуйста!

Не помню уже, какую книгу мы в тот вечер читали. Антон сел поодаль и стал слушать.

Когда занятия кончились и девушки разошлись, он подсел ко мне и серьезно заговорил:

— Знаете, Рая, то, что вы читаете художественную литературу, неплохо, но этого недостаточно. Вы не обижайтесь, но я вам советую повернуть дело по-иному. Будьте ближе к жизни. Ваши девушки должны проникнуться конкретными революционными идеями, понимать, что в борьбе рабочих всей России и нашего завода общие цели. Привлеките в свой кружок побольше заводских

работниц, будьте в курсе их жизненных условий и интересов.

Я внимательно выслушала все замечания и поблагодарила Антона за советы.

А через несколько дней произошло событие, которое потрясло всех девушек и показало, насколько был прав Антон.

Лиза Колмогорова, придя в кружок, сообщила о трагической смерти нашей кружковки Вали Зуевой.

Валя — красивая круглолицая блондинка с длинными косами — дружила с чертежником из заводской конторы П. А. Сухоросовым. Это был высокий, интеллигентного вида, худощавый молодой человек в очках. Мы знали, что они любили друг друга, часто встречали их вместе на гулянье, в Народном доме и в других местах.

Отец Вали, крутой нравом мастер Зуев, не одобрял этого знакомства и запретил дочери встречаться с чертежником. Он прочил выдать ее за солидного человека.

Последнее время мы замечали, что Валя ходит чем-то опечаленная, но как-то не обратили на это внимания — мало ли у кого какие заботы.

Когда Валя наотрез отказалась подчиниться воле отца, тот начал ее всячески притеснять, не выпускал из дома, отбирал и прятал одежду, туфли. Девушка, доведенная до отчаяния, повесилась у себя в комнате.

Весь наш кружок ходил на ее похороны. Мы были потрясены и до глубины души возмущались реакционным укладом жизни во многих семьях, где женщины живут на положении бесправных рабынь. Мы долго говорили на эту тему у себя в кружке и с тех пор стали глубже вникать в условия жизни и быта наших девушек. По совету Антона я постепенно вовлекла в кружок более десяти работниц.

На очередном занятии после чтения брошюры В. Либкнехта «Пауки и мухи» возник большой разговор о том, что классовая борьба неизбежна и у нас.

Через некоторое время произошло знаменательное событие. Берта Будницкая в одном ситцевом платье ушла из родительского дома к Аркадию Тягунову. Мы знали, что они любят друг друга, и любовались этой красивой парой. Но мы знали также, что ее родители — евреи, довольно состоятельные и религиозные люди, не соглашались на брак дочери с революционно настроенным русским парнем.

Я гордилась смелым поступком подруги. В нем сказалось благотворное влияние нашего кружка и революционной среды.

* *
*

В конце июля 1907 года в Надеждинск прибыл известный на Урале анархист-террорист Лбов со своей дружиной. Бывший рабочий Мотовилихинского завода, политически весьма недалекий, он в борьбе с самодержавием встал на путь индивидуального террора и экспроприаций, который всегда резко осуждался нашей большевистской партией.

Зная о недовольстве рабочих тяжелыми условиями жизни и желая завоевать их симпатии, Лбов решил убрать ненавистного всем директора завода Прахова.

22 августа 1907 года, в три часа дня, на заводской площадке лбовец Змей застрелил наповал Прахова, а член правления Сципио был убит другим лбовцем. Змею в суматохе с помощью рабочих удалось скрыться.

Тотчас же после террористского акта ко мне пришел Антон и сообщил, что через час на квартире Феди Баженова состоится экстренное заседание комитета. Комитет резко осудил террористов и решил разъяснить широким массам рабочих вредность террора и рассказать, каким путем большевики предлагают бороться с самодержавием. Но мы мало что успели сделать. Реакция тоже не дремала.

23 августа администрация никого не допустила к работе, завод объявили закрытым и свыше пяти тысяч рабочих были выброшены на улицу.

Вот к чему привела медвежья услуга анархиста Лбова. Локаут был на руку администрации завода, которая своевременно не выплатила рабочим заработную плату.

После террористского акта пошли массовые аресты. Тюрьма была переполнена заподозренными в соучастии с террористами.

Заключенных зверски истязали. Отца и сына Тихомировых пытали так, что они обезножели. У вышедшего из тюрьмы Ивана Медведева долго не заживали глубокие раны на спине, рубцы так и остались на всю жизнь.

После террористского акта и закрытия завода Надеждинск и весь Богословский округ были наводнены ингушами и солдатами. Они были вызваны администрацией

для усмирения бунтующих рабочих. У рабочих отняли Народный дом, в нем разместили ингушей и солдат. Конные ингуши были поставлены на охрану завода. Они гарцевали по улицам, и не одна сотня рабочих испытала их нагайки. Беседующих рабочих или молодежь, идущую с гармошкой и песнями, разгоняли. Ингуши, не зная русского языка, гикали, махая плетками, и кричали «нелза!»

Иногда рабочие пробовали по-мирному поговорить с ингушами, разъяснить им их палаческую роль, но из этого ничего не выходило — полуграмотные ингуши, плохо знавшие русский язык, были слепым орудием в руках эксплуататоров.

Другое дело солдаты. С наиболее сознательными вскоре удалось наладить связь. Они приходили в мастерскую отца под видом заказчиков, я незаметно снабжала их листовками и полулегальной литературой, которая сохранилась у меня. К тому же и Екатеринбургский комитет продолжал направлять нам посылки с нелегальной литературой.

После закрытия завода, естественно, многие наши товарищи уехали из Надеждинска в поисках работы (Тягунов, Носков, Сергеев, Чукавин и др.). Некоторые из них получили в Екатеринбургском комитете адреса и партийные явки в те места, где они рассчитывали устроиться на работу. Но устроиться было очень трудно, так как во все уральские заводы надеждинская администрация разослала «черные списки» на передовых, активных рабочих.

Антон дольше всех задержался в Надеждинске, чему, видимо, и я была причиной. Перебивался он случайной временной работой. В эти тяжелые дни мы еще крепче сдружились.

Однажды вечером Антон зашел ко мне. Я, сидя за верстаком, заканчивала спешный заказ. Воспользовавшись отсутствием отца, Антон поделился со мной своими планами. Он решил временно переехать в Турьинские рудники, подыскать работу и начать заново сколачивать подпольную организацию. Я дала ему адреса Сенокосова, Алексеева и других, мы договорились о связи и взаимной информации.

И тут вдруг у нас произошла размолвка.

Антон о чем-то задумался, а затем будто между прочим сказал:

— Завтра утром уезжаю. Но, думаю, вам здесь скучать не придется.

— То есть? — удивленно спросила я.

— К вам чертежник Баранов частенько заглядывает.

— Ну и что ж? — посмотрела я на Антона.

Его серые глаза при тусклом свете керосиновой лампы казались совсем темными.

Я отвернулась и излишне резко проговорила:

— Как это глупо!

Мы замолчали. Баранов — франтоватый молодой человек — не состоял в нашей группе, но не отказывался участвовать в сборе средств для заключенных, когда я к нему обращалась с подписным листом.

Посидев несколько минут, Антон резким движением встал и спросил:

— Это ваше последнее слово?

— Какое? — в свою очередь спросила я.

— Что я глупости говорю...

— Ах да... Ну конечно, глупость сказали...

Он не ответил ни слова и быстро вышел, холодно простившись со мной.

Мне стало тяжело, досадно. Хотелось догнать его, сказать ему что-то теплое, сердечное, но гордость помешала это сделать.

Рано утром Антон тяжелым, медленным шагом прошел мимо нашей квартиры в сторону вокзала. Я долго его провожала взглядом, но он не оглянулся. Прошла целая мучительная неделя. Ни Антона, ни письма. «Что же это такое? — спрашивала я себя.— Если дружбу двух товарищей можно одним словом порвать, значит, она не стоит сожаления». Но самовнушение мало помогало. Мне было до слез обидно и грустно.

Как-то в субботу, поздно вечером, когда родители уже спали, я с тяжелыми думами сидела в мастерской. В руках держала раскрытую книгу, да только было не до чтения. Много раз проверяла я свое отношение к Антону. Все-таки я, наверное, в чем-то виновата. А в чем? Все бы отдала, лишь бы снова видеть его, говорить с ним, заглядывать в милые серые глаза. Неужели все кончено, он уедет с Урала и я его больше не увижу?

С улицы осторожно постучали. С сильно забившимся сердцем я подошла к двери.

— Кто там?

— Это я, Раиса, откройте,— послышался голос Антона.

Когда я отодвинула задвижку, мне захотелось кинуться на грудь любимому, сказать ему все, что пережила за неделю, как тосковала. Но я сдержала себя и молча пропустила его в комнату.

А он протянул мне руку и, как прежде, задушевно сказал:

— Здравствуйте, милая Рая! Не прогоните?

Я только смущенно улыбнулась и сделала отрицательный жест.

Так завершилась наша недолгая размолвка. Расстались мы с ним после долгой беседы, из которой я узнала, что Антон должен уехать с Урала, но предварительно побывает в Екатеринбурге, получит партийную путевку.

У него еще было дело в деревне Медянкино, и он пригласил меня утром прогуляться с ним туда. Я с удовольствием согласилась.

У калитки мы еще ненадолго задержались.

— Этакая скучища на рудниках, без товарищей, без вас, Рая,— горячо говорил Антон.— Страх! Вот и надумал нагрянуть к вам на воскресенье.

— И хорошо сделали. Чего вам сидеть там, как медведю в берлоге.

— Правда? — обрадовался Антон.

— Конечно. Я ведь тоже скучала. Все думала, что-то вы там поделываете, не сердитесь ли на меня?

— Что вы! — замахал руками Антон.— Это я во всем был виноват.

Прощаясь, Антон задержал мою руку, пытливо заглянул в глаза.

— Знаете, Рая... Мне хотелось вам многое-многое сказать. Но это потом... когда-нибудь. А пока до свидания! Значит, завтра день проведем вместе?

— Обязательно!

Антон, помахав на прощание рукой, пошел по ночной улице, весело насвистывая. А мне было так хорошо!

В начале октября 1907 года друзья, остававшиеся в Надеждинске, в том числе и я, провожали Антона. Из провожающих я запомнила Санчика. Это — Александр Белобородов, самый молодой член нашей подпольной партийной организации. Работал он в газомоторном цехе. После убийства лбовцами директора завода Прахова Санчик переехал на Луньевские копи, где вскоре организовал подпольную группу, выпустил прокламацию, размно-

жил ее на гектографе, за что был арестован и осужден на четыре года. В 1912 году он вышел на свободу зрелым большевиком, поселился в Надеждинском заводе, где показал высокий талант организатора и пропагандиста.

Третий звонок. В тамбуре мы втроем.

— Санчик! — вдруг решительно сказал Антон.— А ну-ка, выйди.

Тот понимающе улыбнулся и спрыгнул с подножки. Антон нагнулся, крепко поцеловал меня и ласково подтолкнул к выходу. Не было сказано ни слова, да и к чему они в такую минуту! Ошеломленная и счастливая, я соскочила на перрон.

Поезд ушел уже, а я все смотрела ему вслед.

Как после стало известно, на станции Гороблагодатская Антона чуть было не арестовали. Выручили его находчивость и знание жандармской психологии.

Отъезжающих молодых рабочих и служащих на вокзалах жандармы бесцеремонно обыскивали и при малейшем подозрении в их политической неблагонадежности задерживали и отправляли в Николаевские роты (тюрьма в Нижней Туре).

Когда жандармы подошли к Антону, тот смело, даже с некоторой развязностью, жуя записку с адресом явки, открыл свою плетеную дорожную корзинку и сделал выразительный жест, дескать, пожалуйста. Жандарм смутился и не решился обыскивать прилично одетого молодого человека. Так счастливо Антон избежал обыска, который мог иметь тяжелые последствия — на дне корзинки были спрятаны нелегальные брошюры.

Уже сидя в вагоне, Антон заметил, что от слежки он все же не избавился. Шпик не отступал от него ни на шаг. Антон перешел в другой вагон и убедился, что не ошибается.

Выход был один. Не доезжая до станции, Антон, куря в тамбуре вагона, стремительно рванул дверь и выпрыгнул по ходу поезда. Шпик что-то громко прокричал, но последовать за Антоном не рискнул.

Прыжок был удачен. Антон отделался легким ушибом, но зато избавился от преследователя.

По полотну железной дороги Антон быстро добежал до высокого забора, огораживающего прилегающие улицы. Прохода в заборе не было. Не долго думая, он махнул через забор, но большой гвоздь, вбитый сверху, вырвал целый клок из пальто. Пришлось разыскать портного,

выдумать какую-то небылицу и хоть как-нибудь заделать зияющую в пальто дыру. Впоследствии Антон не раз вспоминал, как он оставил шпика в дураках, как повис на заборе, и каждый раз заразительно хохотал.

Через неделю после отъезда Антона я получила записку от мастера одного из цехов — Грязнова. Он просил зайти к нему за вещами. Я только руками развела — какие вещи, от кого? Прихожу к Грязнову. Тот с холодной любезностью протянул мне плетеную корзинку и подушку, завернутую в лоскутное одеяло. Все зто было перевязано веревкой. Я сразу узнала вещи Антона.

— Как зти вещи попали к вам? И почему вы их передаете именно мне? — спросила я, боясь услышать что-то страшное.

Мастер пожал плечами.

— Эти вещи мне в вагоне сунул какой-то молодой человек, дал вот эту записку с вашим адресом и сам ровно в воду канул. Пассажиры потом говорили, что он на ходу из вагона выпрыгнул, но я сам не видел. Вот и все. Забирайте, пожалуйста, вещи, да поскорее, я больше знать ничего не хочу.

Вещи я унесла, но что случилось с Антоном, узнала много позднее.

Наконец от него пришло первое письмо. Я узнала, что Антон намерен, как ему рекомендовали в Екатеринбурге, двинуться в сторону Ташкента, где было легче устроиться на работу и укрыться от преследований полиции.

В последующих письмах он сообщал, что из-за безденежья ему пришлось задерживаться в попутных городах, чтобы подзаработать на дорогу. Пока добрался до Коканда, работал мельником, грузчиком, маляром.

Дольше всего Антон задержался в Оренбурге. У него были явки к нескольким товарищам, но оказалось, что разыскать их не так-то просто. Денег на ночлег не было, но Антон и здесь нашел выход. Через какую-то лазейку он пробирался в заколоченный на зиму цирк и там ночевал. Наконец на одной из явок отыскал сочувствовавшего нам врача. Тот на время приютил Антона, а затем добыл для него денег на дальнейший путь.

И вот Антон в Коканде. Здесь он нашел соратника по харьковскому подполью товарища Петрова и с его помощью устроился на работу по специальности — электромонтером.

НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ

Из членов подпольного комитета теперь в Надеждинске я осталась одна. Как могла, старалась поддерживать связь с Богословском и Турьинскими рудниками. Но с каждым днем делать это становилось труднее — обрывались последние связи. Товарищи один за другим скрывались от преследования местных властей, разъезжались в разные концы России. То была самая глухая пора царской реакции.

В конце концов пришлось и мне решиться на отъезд из Надеждинска. Жаль было покидать полюбившийся завод, с которым связано столько незабываемого! Разве забудешь учителей и наставников по революционной борьбе: Чащина, Добрынина, Тягунова и многих других. Но оставаться здесь было небезопасно. Да и родители мои к тому времени уехали из Надеждинска.

Я надумала перебраться в Томск, куда меня не раз звал живший там старший брат. Кстати, в Томске обосновались и некоторые надеждинцы — Сергеев, Корсуков, порвавший с лбовцами, и другие. Но выехать было не так просто: я находилась под надзором полиции, с меня взяли подписку о невыезде.

Уехать из Надеждинска мне помогли товарищи по организации — Гусев, Ямов и Нагибин. В марте 1908 года тайком я уехала в Томск, передав все партийные дела остающемуся пока в Надеждинске активисту Николаю Гусеву.

На Томском вокзале меня очень радушно встретил старший брат, часовой мастер, с которым мы не виделись несколько лет. Он предложил мне работать в его мастерской и жить на его квартире. Меня это вполне устраивало.

Отыскала Андриана Сергеева. После долгих скитаний, устав от безработицы, он вынужден был поступить писарем в один из судебных участков. А ведь у него было среднее техническое образование. Сергеев свел меня с несколькими товарищами из бывшей подпольной организации. Из-за жестоких преследований активной работы они в то время почти не вели.

С Антоном мы регулярно переписывались. И странное дело. В Надеждинске мы крепко сдружились, но так и не объяснились до конца. А вот в разлуке с первых же писем сказались наши обоюдные чувства.

Через год после разлуки Антон написал: «Хватит, моя милая, переписываться, приезжай сюда. Надеясь на твой приезд, я даже переехал на лучшую квартиру и приобрел кой-какую обстановку».

Сердечность Антона выражалась не только письмами. Я получила от него несколько посылок с виноградом, что для суровой Сибири было большой редкостью.

Но переезд в Коканд я считала преждевременным — в Томске я должна была усовершенствоваться в часовом деле, сдать экзамен и получить звание мастера и право на жительство в городах России.

По поводу этих моих хлопот Антон ответил: «Став моей женой, ты будешь уже не Рониной, а Богдановой. Все мытарства с правом на жительство окажутся ненужными. Ну, а работать ты сможешь и без официальных прав...»

Но почему же Богдановой, разве он уже не Черников? Оказалось, в Коканде, включившись в работу подполья, Антон вынужден был сменить паспорт.

Антон, однако, не стал настаивать на моем переезде в Коканд и согласился перекочевать в Сибирь еще и потому, что здесь в то время жили многие революционеры с Урала.

* *
*

Наконец-то мы вместе! 20 марта 1909 года Антон приехал в Томск.

Этот памятный для меня, радостный день был отнюдь не весенним. По календарю пора быть весне, а на улице завывала свирепая вьюга. Снегом замело все пути и дороги. Из-за снежного заноса поезд опоздал на несколько часов, и я вся продрогла, ожидая Антона.

Но вот подкатил поезд. Антон спрыгнул с подножки. Это была счастливейшая минута! Мы целовались, смеялись, перебивали друг друга, спеша сказать самое главное, снова целовались, не обращая внимания на бушевавшую метель.

Почти за два года разлуки Антон заметно возмужал, отпустил небольшую бородку и выглядел очень мужественным и сильным.

На другой день мы сняли комнату по Солдатской улице, уплатили задаток за две недели, купили на двоих один

абонемент в частную столовую и на все это истратили весь наш наличный капитал.

Оформление нашего брака было несложным: мы попросили Андриана Сергеева вписать своей рукой в паспорт Якова Семеновича Богданова его жену Зинаиду Петровну Богданову. К этому новому имени мне пришлось долго привыкать.

Я работала в часовой мастерской брата. Антон, потеряв почти месяц на поиски работы, устроился наконец монтером на частное электромонтажное предприятие. Все, казалось, сложилось хорошо, но, к сожалению, ненадолго.

В канун Первого мая Антон призвал рабочих предприятия к забастовке. Воспользовавшись скоплением рабочих на дворе конторы по случаю получки, он вскочил на пустой ящик и громко заговорил:

— Товарищи! Завтра Первое мая — день солидарности рабочих всего мира, которые борются против эксплуатации, за лучшее будущее. В честь праздника завтра мы на работу не выйдем, объявим однодневную забастовку в знак солидарности с рабочими всей России!

Его короткую речь поддержали дружными аплодисментами, но забастовала только небольшая часть рабочих, остальные боялись увольнения и преследований.

Первомайская, даже частичная, забастовка вызвала большое беспокойство у администрации, которая быстро узнала имя ее зачинщика, и уже 3 мая Антон был уволен. Но он радовался тому, что и в условиях черной реакции удалось отметить пролетарский праздник. А к безработице и голоду ему было не привыкать.

Целыми днями бродил Антон по городу в поисках работы, домой возвращался серый от усталости. Я старалась всячески подбодрить его.

— Ну, что так приуныл? Смотри,— показала я маленькую вывеску «Ремонт часов», принесенную от брата,— видишь, открываю собственное дело. Уже и окно сняла у парикмахера на Никольской улице. Я ведь теперь опытный часовщик. Возражать не будешь?

— Нет, конечно,— обнимая меня, ответил Антон.— Ты у меня молодец! Пока не нашел работу, буду тебе помогать. Как-нибудь перебьемся.

Нас обоих очень угнетало, что мы в свое время не смогли получить необходимого образования, и вот мы решили посещать вечерний рабочий университет. Занятия

в нем проходили по вечерам три раза в неделю и бесплатно, рабочих и служащих принимали без ограничений. Лекции читали профессора и преподаватели Томского технологического института и других высших учебных заведений.

Такие относительно свободные порядки казались очень странными в условиях царского режима. Но вскоре мы поняли, чем это объясняется. Дело в том, что Томск издавна славился как один из университетских центров России, где сосредоточилось немало либерально настроенных ученых и преподавателей. Вечерний рабочий университет был создан здесь в дни всеобщего революционного подъема, и царские сатрапы пока не удосужились прикрыть его, видимо, считая университет безвредным культурно-просветительным учреждением.

Много хорошего и полезного дал нам этот университет.

Так прошел первый год нашей трудной, но счастливой совместной жизни.

Наконец Антон устроился монтером на электростанцию при государственном университете. Здесь же, во дворе, нам предоставили маленькую квартирку из двух комнат. Жить стало легче.

Частную мастерскую я пока что закрыла, так как ждала ребенка. Наш первенец Сеня родился 26 июня 1910 года. В квартирке я постаралась создать хотя бы некоторый уют, столь для нас непривычный. Повесила на окна драпировки, украсила стены портретами любимых писателей, поставила цветы. Антон любил все красивое, и мне было приятно доставить ему это удовольствие.

Но наше благополучие и на этот раз оказалось недолгим.

Начальник электростанции черносотенец Петушин заметил, что монтер Богданов ведет с рабочими и студентами «вредные» разговоры. Ему не нравилось также, что Антон не хотел участвовать с ним в попойках. Словом, он явно невзлюбил Антона.

Причин же к увольнению не было. Антон был аккуратен, дисциплинирован и знал свое дело. Петушин решил подло, с помощью клеветы, выжить своего помощника. Однажды поздно вечером, в дежурство другого монтера, на всей территории университета погас свет. Когда проверили причину аварии, оказалось, что в ди-

намо-машину засыпан песок. Выставленные начальником свидетели показали, что Богданов вне своего дежурства заходил на станцию. В доносе начальника электростанции профессору Грамматикате, который ведал хозяйственной частью университета, говорилось: «...монтер Богданов вообще неблагонадежный человек. Он был уволен за первомайскую эабастовку, ведет вредную агитацию среди рабочих, и никто, как он, всыпал в машину песок».

Профессор Грамматикате, грек по национальности, известный реакционер, на основе ложного обвинения издал приказ об увольнении Антона. Понятно, что ни о каком обжаловании не могло быть и речи. Не было такого органа, который защитил бы рабочего от произвола администрации.

Итак, опять безработица. Антон бегает по городу в поисках работы, мне снова пришлось открыть маленькую часовую мастерскую, но доход от нее не покрывал даже самых скромных потребностей. Но, пожалуй, еще тяжелее, чем материальные лишения, Антон переживал временный застой в революционной работе. В Томске жестоко преследовалось всякое проявление «свободомыслия и бунтарства», тюрьма была переполнена. Поэтому подпольные группы распались, многие товарищи в условиях реакции и полицейского террора впали в уныние, разуверились в силе рабочего класса, отошли от революции.

Но не таков был Антон. Его ничто не могло согнуть и поколебать. Он неустанно искал возможностей для продолжения борьбы с царским самодержавием.

У нас на квартире стали собираться наиболее передовые студенты, знакомые нам по университету. Антон поставил перед ними вопрос о нелегальной революционной работе. Для начала он предложил организовать материальную помощь политическим заключенным и их семьям.

— Если мы сейчас пока активно не двигаемся к революции, так давайте хоть поможем тем, кто страдает за решетками царских тюрем,— горячо убеждал он.

Тут же собрали несколько рублей и через день организовали первую передачу политзаключенным, а в дальнейшем стали оказывать им регулярную помощь.

До поздней ночи, бывало, шли у нас жаркие споры, иногда переходившие в резкие, принципиальные стычки. Отдельные товарищи считали, что в 1905 году револю-

цию начинать было преждевременно, что она заранее была обречена на поражение, что теперь следует ограничиться лишь легальной деятельностью и отказаться от всякой подпольной борьбы.

Антон резко выступал против таких пораженческих настроений и, опираясь на статьи В. И. Ленина, доказывал, что ни в коем случае нельзя складывать оружия, что победоносная пролетарская революция не за горами, а поэтому уже сейчас надо сочетать легальные методы революционной борьбы с нелегальными и во что бы то ни стало сохранить боевую марксистскую партию.

Часто у нас собирались надеждинцы из бывшего подполья, землячества, как мы это называли. Сергеев чуть ли не в сотый раз рассказывал о Пятом съезде нашей партии, о выступлениях на нем Владимира Ильича Ленина, об участии в съезде Максима Горького. И мы не утрачивали интереса к его рассказу. С грустью вспоминали мы отгремевшие боевые 1905—1907 годы. Сейчас, как темная непроглядная ночь, царила черная реакция.

Партийные организации были рассеяны, революционная работа здесь, в Томске, как-то не клеилась. Но мы жили надеждой на новый подъем революционного движения, верили, что скоро накопятся новые силы для грядущей революции.

Так прожили мы в Томске почти три года. Конечно, вынужденная изолированность от революционной среды нас очень тяготила, но духовная общность скрашивала наши дни.

Часто до глубокой ночи мечтали мы о грядущем, о лучшей, справедливой жизни на земле.

По совету знакомого преподавателя Соловьева мы зимой 1912 года переехали в Иркутск, где, по его мнению, легче было прожить. Но и в Иркутске свирепствовала безработица. Тогда Антон решил освоить специальность фотографа. Еще в юности он занимался этим делом как любитель. Теперь он поступил работать в фотоартель.

В сентябре 1912 года в Иркутске у нас родился второй сын — Миша.

Прожили мы в Иркутске год, и нас неудержимо потянуло на Урал. Зимой 1913 года с двумя малышами в переселенческом поезде в вагоне четвертого класса мы выехали из Иркутска.

Добравшись до Урала, мы немного пожили в Нижнем Тагиле и Алапаевске и несколько дольше задержались в

Верхней Туре. И всюду нас преследовала одна забота — где и как заработать на кусок хлеба. Сложность была в том, что все это время мы жили на нелегальном положении, под чужими фамилиями и под вечной угрозой ареста.

А тем временем на радость нам росли наши малыши. Я часто любовалась, как закаленный революционер-подпольщик Антон часами возился с малышами, радовался их развитию. Он осторожно и нежно по очереди высоко поднимал их и сам счастливо улыбался. Старший Сеня протягивал ручонки и лепетал: «Есцо». Летом в ясную погоду мы частенько всей семьей уходили к берегу реки, катались на лодке, взбирались на вершину горы.

* *
*

1915 год. Кровопролитной войне с Германией, казалось, не видно конца. Резко растет недовольство рабочих и крестьян. Начинается подъем революционного рабочего движения, накапливаются новые силы революции. Чувствуется, что назревает взрыв, более мощный, чем в 1905 году.

Антон не находит себе места, его все больше охватывает чувство неудовлетворенности, он не может оставаться вдали от кипучей жизни, от борьбы. Но здесь, на Урале, ему трудно развернуться, мешает нелегальное положение. Он мечтает приобрести легальные права и перебраться в другое место, лучше всего в Питер, в центр революционной борьбы. И ему удается этого добиться.

Антону стало известно, что в Харьковской городской управе служит его старый друг Петров. Он тут же списался с ним и вскоре получил от него вполне легальный паспорт на имя Антона Валека. Не было предела радости Антона — теперь он на законном основании мог ехать куда угодно.

— Вот что, Рая,— с надеждой заглядывая мне в глаза, сказал Антон,— я думаю, мне надо быть в Питере. Что ты скажешь? А?

Видя, как он мечется и нервничает, понимая, что для него значит эта поездка, я беспрекословно согласилась с его решением. Условились, что я с малышами останусь пока в Верхней Туре, а при первой возможности переберусь к нему в Питер. Благо и я под руководством

мужа научилась сносно фотографировать и могла зарабатывать на пропитание в своей примитивной фотографии. В ноябре 1915 года Антон уехал.

Вскоре мы получили от него восторженное письмо. Антон поступил токарем в шрапнельный цех Путиловского завода, связался с большевистской организацией и стал участвовать в ее работе. Опыта ему не занимать.

Соскучившись по семье, Антон на Новый, 1916 год приехал в Верхнюю Туру, прожил с нами три дня и вернулся в Питер, где его ждали партийные дела.

А весной 1916 года, оставив мальчиков на попечение хороших знакомых, я сама поехала к Антону. Он взял трехдневный отпуск и за это время познакомил меня с историческими местами и музеями Петрограда. Побывали мы и в театре — слушали Шаляпина. Поездка доставила мне большую радость.

С легализацией Антона и мне необходимо было сначала вернуться к своей прежней фамилии — Ронина, а потом уже хлопотать о праве жительства вне черты оседлости, чтобы приехать в Петроград. Получить это право можно было, лишь перейдя в православную веру. И мне предстояло крещение, хотя я ни в бога, ни в черта не верила.

Но тут меня постигла неудача: екатеринбургский архиерей не дал разрешения на крещение.

Антон с нетерпением ждал нашего приезда, тосковал по детям. Узнав о моей неудаче, он быстро решил вопрос по-своему: «Оставь свои хлопоты с попами и скорее приезжай. Столичные попы сговорчивее уральских, все устроим здесь без особых мытарств».

Сборы мои были недолгими. Я вызвала с Турьинских рудников товарища по подполью, ссыльного питерского рабочего Алексеева, отдала ему безвозмездно фотографию со всем оборудованием, весьма скромную квартирную обстановку и приготовилась к выезду.

Но тут случился курьез. Нижнетагильский поп, перед которым я хлопотала о крещении, вдруг заинтересовался моей личностью. Накануне моего выезда явился урядник.

— Вы не скажете, где здесь проживает фотограф Ронина? — обратился он ко мне с вопросом.

— А в чем дело?

— Да вот есть запрос о Рониной от нижнетагильского священника. А у нас таковая не числится.

— Ронина — это моя девичья фамилия, так и сообщите в Нижний Тагил,— ответила я.

Непринужденный, спокойный ответ обескуражил урядника.

— Ну, извините, пожалуйста, за беспокойство.— И он ушел.

Живя в Верхней Туре почти два года, мы были у полиции вне подозрения, а здесь на тебе! Перед самым отъездом и вдруг такое... Необходимо было торопиться, а то сегодня извинения, а завтра... Ведь ни паспорта, ни других документов у меня не было.

Вряд ли мне удалось бы выбраться, если бы не товарищеская помощь соратников по подполью Алексеева, Заякина и Пшенникова. Они достали подводу и, пользуясь темнотой, довезли меня с малышами до вокзала. Там с помощью знакомого кондуктора загодя погрузили вещи в вагон, а перед самым отходом поезда провели нас в купе через тыльную дверь тамбура. Билет до Петрограда купил Алексеев.

Опасаясь, как бы нас не задержали в пути, Алексеев проводил нас до станции Гороблагодатской под видом своей семьи. Славный товарищ!

Забегая вперед, скажу, что через неделю после нашего приезда в Петроград мы получили от Алексеева письмо. Он сообщал, что провожавшие меня друзья назавтра были задержаны полицией, шли допросы о нас, но товарищи не выдали ничего и через четыре дня были освобождены. «Однако ждите у себя незваных гостей»,— предупредил Алексеев.

За десять лет нелегальщины мы так устали от ожидания «гостей», что сейчас, в преддверии революции, просто не думали об этом.

Итак, в октябре 1916 года мы благополучно приехали в Петроград.

Не стоит описывать, насколько радостной и трогательной была наша встреча с Антоном.

— Наконец-то вы со мной, дорогие мои! — возбужденно воскликнул он, крепко обнимая малышей и меня.

Антон жил в маленькой квартире у Нарвских ворот, близко от Путиловского завода. День и ночь пропадал он на заводе, принимая деятельное участие в работе большевистской организации. Оказывается, ему сразу же по приезде в Питер посчастливилось встретить двух друзей

по харьковскому подполью. Они и свели его с заводскими большевиками, которые в это время развернули активную агитационную работу в цехах.

Руководимые большевиками рабочие выдвигали перед администрацией требования о повышении заработной платы, об улучшении условий труда, отмене штрафов, об удалении с завода наиболее реакционных инженеров и мастеров, притеснявших рабочих. А главное, партия все активнее готовила рабочих к решающему штурму самодержавия. На заводе часто возникали летучие митинги не только после смены, но и в рабочее время. Руководящую роль на них играли большевики. Они разъясняли рабочим гибельность политики прогнившего царизма, рассказывали о катастрофическом положении на фронтах, о надвигающемся голоде и призывали к свержению самодержавного строя.

Антон приходил с завода возбужденный, рассказывал, что делается в цехах, во всем Питере.

— Самодержавие трещит по всем швам! — радостно восклицал он.— А мы убираем камушки из-под колес истории, расчищаем пути для революции.

Как я завидовала мужу! Вынужденная из-за малышей сидеть дома, я не могла активно участвовать в революционных делах и о том, что делается вокруг, знала лишь от Антона.

— Ничего, Раечка, ничего,— смеялся Антон.— Мы и без тебя управимся.— Заметив тень досады на моем лице, торопливо добавлял:— Так ведь и ты находишься на важном посту как хозяйка конспиративной квартиры. А кто принимает приходящих товарищей, передает мне их записки и поручения, укрывает их на ночь? Разве не ты?

Я развела руками и иронически согласно кивнула головой.

К этому времени я приобрела полные гражданские права. Поп путиловской церкви за приличную мзду совершил обряды крещения и венчания. Больших моральных переживаний стоило наше законное оформление в самодержавной России. Мальчики наши оказались счастливее, они были оформлены уже по советскому закону в Петроградском загсе после Великой Октябрьской социалистической революции.

Наступил 1917 год. Революция назревала с каждым днем, с каждым часом. Казалось, что вот-вот разруши-

тельный шквал прорвется наружу и смоет все старое, гнилое со своего пути. Рабочие Путиловского завода находились в первых рядах революции.

Самодержавие чувствовало себя как на пороховой бочке.

Петроград был объявлен на военном положении. За подписью генерала Трепова на всех перекрестках были вывешены приказы о том, что на улицах воспрещаются сборища, группы числом более трех человек будут подвергнуты аресту. Не подчиняющиеся чинам государственной охраны будут расстреливаться на месте без суда. После девяти часов вечера ходить по улицам воспрещается. Ночами на улицах дежурили усиленные патрули, по мостовым громыхали военные повозки. Чувствовалось сильное смятение правительства. И не удивительно. С фронта приходили вести о поражении за поражением. В столице усиливался голод. Чтобы получить фунт хлеба, жители, захватив табуретки, с вечера занимали очередь, которая тянулась от Нарвских ворот почти до Обводного канала. Были дни бесхлебные, когда выдавали подсолнух или сухую соленую воблу. Считалось большой удачей, если, выстояв громадную очередь, получал кусочек конины.

В конце февраля Антон достал пропуска на заседание Государственной думы. По заявлению депутата Керенского, хлеба в городе осталось всего на полдня. Заседание быстро закончилось, все вопросы, кроме продовольственного, были перенесены на следующее заседание, но... ему не суждено было состояться.

По пути домой мы встретили большую женскую демонстрацию: отмечался международный женский день 8 Марта (23 февраля по старому стилю). Женщины пели революционные песни, несли красные флаги с лозунгами: «Долой войну, верните наших мужей и сыновей в семью!», «Мы требуем хлеба!» Эта женская демонстрация была первой ласточкой Февральской революции.

Мы сели в трамвай. Через несколько кварталов кондуктор объявила:

— Господа, вагон дальше не пойдет, в городе всеобщая забастовка.

В городе погас свет. Рабочие с самого утра стягивались к центру, на Невский проспект.

В ночь на 28 февраля Антон не пришел домой. Из центра доносились звуки непрерывной стрельбы. Вече-

ром, не выдержав неизвестности, я пустилась на поиски мужа.

Поперек улиц были расставлены цепи вооруженных солдат, они преграждали путь к центру, в особенности мужчинам. Мне с большим трудом удалось пройти несколько цепей. Подойдя к мосту у Обводного канала, я увидела большую группу людей. Кто-то громко читал листок, отпечатанный на машинке. Это был манифест царя об отречении от престола. Тут же сообщалось, что образовано Временное правительство. Сердце радостно забилось. Сгинула, сгинула гидра самодержавия!

Каково же было мое изумление, когда в толпе я заметила Антона и нескольких его товарищей-путиловцев. Муж, увидев меня, тоже удивился:

— Как ты сюда попала?

— Тебя разыскиваю — ведь вторые сутки дома не был.

— Смотрите-ка, она меня ищет по всему Петрограду!

Он весело рассмеялся.

Антон рассказывал, как они брали арсенал (охрана большого сопротивления не оказала), затем весь день ликвидировали полицейские участки и прочие ненавистные царские учреждения. Обнаружили склады с большими запасами продовольствия — хлеба, масла, сахара. Это в то время, когда наши дети буквально голодали!

В первые дни Февральской революции мимо Нарвских ворот из Петергофа двигалось много войск. По инициативе путиловских рабочих для солдат были организованы питательные пункты, так как солдаты не получали пайка.

Организовала и я по совету Антона питательный пункт у себя на квартире. Антон зазывал проходивших мимо солдат и усаживал их за стол. Утомленные длительным переходом, голодные солдаты с жадностью набрасывались на горячую похлебку. Иные тут же засыпали.

Только придя в Петроград, солдаты узнали о свержении самодержавия. Надо было привлечь их на сторону большевиков. Антон подолгу беседовал с ними, отвечал на их многочисленные вопросы, разъяснял пути дальнейшего развития революции.

Сразу же после Февральской революции прошли выборы в районные и городские Советы рабочих и солдатских депутатов. Первого марта от Путиловского завода в Совет Нарвского района были избраны сорок два депу-

тата, в их числе и Антон. Вскоре он был выдвинут на работу в жилищный отдел районного Совета.

В эти дни Антон часто бывал в Таврическом дворце. Как-то пришел поздно ночью страшно утомленный, в насквозь промокшем зимнем пальто. Начал рассказывать, оживленно жестикулируя:

— Понимаешь, весь день одна за другой в Таврический дворец прибывали с фронта солдатские делегации. Они решительно требуют закончить войну, заключить мирный договор. Один солдат так прямо и отрубил: «Не подпишите мирный договор, тогда мы разделаемся с командирами и уйдем с фронта». Мы им, конечно, все разъяснили согласно указаниям партии.

Каждый день с утра до позднего вечера на площади у Нарвских ворот проходили бурные митинги. На трибуну выходили представители разных партий, начиная с монархистов и кончая анархистами, и каждый до хрипоты доказывал правильность политики своей партии. Особенно крикливо выступали меньшевики, обвиняя большевиков во всех смертных грехах.

Митингующих часто обстреливали с чердаков прилегающих к площади домов, люди шарахались из стороны в сторону, не зная, откуда стреляют. Только слышно было, как с жужжанием пролетают пули.

Как-то в нашу квартиру забежали солдаты, залегли на полу, выслеживая стреляющих. Они обнаружили, что дымок вьется с чердака стоящего напротив семиэтажного дома. С винтовками наперевес солдаты ворвались на чердак и обнаружили там двух переодетых стражников с пулеметом. Их обезоружили и вывели на улицу. По требованию возмущенных рабочих полицейские тут же были расстреляны.

Как потом выяснилось, пулеметы еще при самодержавии были расставлены не только на многих чердаках высоких домов, но и на колокольнях церквей.

В воскресенье 23 марта состоялись похороны борцов за революцию. Больше двухсот гробов, обшитых красной тканью, проводили рабочие Питера на Марсово поле. Многотысячная демонстрация с красными и черными знаменами медленно шла по улицам, сопровождаемая печальной мелодией похоронного марша. Иногда демонстрация останавливалась, так как в нее вливались новые колонны. Звучали горячие речи и страстные клятвы верности революции.

Руководила демонстрацией похоронная комиссия из десяти человек. В ее составе был и Антон Валек.

Похороны превратились в демонстрацию силы и сплоченности рабочего класса Петрограда.

В эти дни на долю Антона и еще некоторых членов Совета выпало трудное, но благородное задание — изъятие у буржуазии особняков и вселение туда рабочих семей. Выполняя эти свои обязанности, он сталкивался с такими курьезами, что, рассказывая о них дома, или кипел возмущением, или хохотал до слез. Антон умел, как никто, заразительно смеяться, комически передавая забавные случаи. Одни буржуи расставляли по комнатам громоздкую мебель, другие выставляли фиктивных жильцов, третьи предъявляли справки о временном отъезде родственников, а были и такие, которые просто запирались на все запоры и не впускали представителей Совета, рассчитывая этим спасти свои хоромы.

Как-то, придя с работы, Антон заявил:

— Знаешь, Рая, для работы в Совете я недостаточно грамотен, да и почерк неподходящий, так что начинаю учиться.

Действительно, его общее образование было почерпнуто в неоконченном городском училище да в лекциях, прослушанных в Томском рабочем университете. И вот теперь Антон начал брать уроки русского языка у одной учительницы.

Прошел март. Временное правительство не издало ни одного закона, который бы улучшил положение рабочих и крестьян, приблизил окончание войны; не провели и аграрной реформы. Чехарда со сменой министров не прекращалась. Вставая утром, мы шутя спрашивали друг друга: «Ну, кого премьер Керенский за эту ночь произвел в министры?» В Петроградский Совет попало много меньшевиков и эсеров, которые вели половинчатую политику, подчиняясь Временному правительству.

Ежедневно на заводах проходили митинги, на которых шла борьба разных партий: большевиков, меньшевиков, эсеров.

Не все в политике и тактике нашей партии было ясно рабочим. Вот почему все с особым нетерпением ждали приезда из-за границы Владимира Ильича Ленина.

Третьего апреля (по старому стилю) еще засветло рабочие заводов организованно, под красными знаменами, с революционными песнями направились к Финлянд-

скому вокзалу. Громадная площадь и прилегающие к ней улицы были заполнены народом.

Два часа ночи. Мы с затаенным дыханием прислушиваемся к шуму подходящего поезда. И вот по площади прокатывается громовое «ура!». Не хватает слов, чтобы выразить тот энтузиазм, то радостное, праздничное чувство, которое охватывает сотни тысяч людей, ожидающих приезда Ленина. Из вокзала выходит Владимир Ильич, его сопровождает группа товарищей, также возвратившихся из эмиграции. Они проходят на привокзальную площадь. Рабочие-путиловцы подхватывают Ильича на руки и поднимают на броневик.

Владимир Ильич, встав на площадку броневика, высоко поднимает руку. Мигом водворяется тишина. Ленин произносит краткую, но очень энергичную речь. Он поздравляет питерцев с победой над самодержавием и призывает их к борьбе за победу социалистической революции. Броневик медленно двигается с места, завертывает за угол и исчезает, увозя Владимира Ильича, а народ долго еще стоит на площади. Каждый обдумывает услышанное. Речь вождя как молния осветила дальнейший путь борьбы.

3 июня 1917 года открылся Первый Всероссийский съезд Советов. Антон присутствовал на его заседаниях.

Главным вопросом повестки дня был вопрос об отношении к Временному правительству. Эсеры и меньшевики, конечно, выступали за сохранение блока с буржуазией. Защищая эту коалицию, лидер меньшевиков Церетели заявил, что в России нет ни одной политической партии, которая могла бы взять на себя всю власть. Тогда Ленин встал с места и громко, на весь зал заявил:

— Есть такая партия!

А когда ему предоставили слово, Владимир Ильич изложил делегатам большевистскую программу и призвал передать всю власть Советам. Речь его произвела глубокое впечатление.

Рассказав мне об этом, Антон на минуту задумался, а потом решительно заявил:

— Да, я верю — мы победим. Судьба революции в верных руках!

Запомнилась мне мирная июльская демонстрация, проходившая под лозунгом: «Вся власть Советам!» Больше полумиллиона питерцев вышли на улицы города. Мы с Антоном тоже были в рядах демонстрантов. Люди шли

по улицам Петрограда с красными знаменами, пели революционные песни, выкрикивали лозунги против войны, против Временного правительства, за власть Советов. Большевики, возглавившие демонстрацию, произносили яркие, зажигательные речи.

На душе было радостно, казалось, что эта грандиозная лавина сметет с лица земли всю буржуазную накипь.

И вдруг раздались ружейные залпы и пулеметная трескотня. Временное правительство по сговору с эсерами и меньшевиками разгромило мирную рабочую демонстрацию.

Когда мы добрались с демонстрации домой, я, подавленная всем случившимся, с горечью спросила Антона:

— Ну, чего же мы добились? Напрасно повели народ под пули.

— Ты, Рая, не права,— начал возражать Антон, но я резко перебила его:

— Как это не права? Ты же сам говорил мне, что Центральный Комитет партии был против этой демонстрации. Вот если бы выступление могло привести к свержению Временного правительства, тогда другое дело...

Антон начал терпеливо объяснять мне:

— И все-таки ты, Рая, не права. Подумай как следует. Да, Центральный Комитет партии сначала был против выступления. И вовсе не потому, что у нас не хватило бы сил свергнуть Временное правительство. Нет, власть мы могли бы взять, но вот как ее удержать? Для этого у нас сил пока недостаточно. Об этом большевики прямо и честно сказали рабочим на заводских митингах, в полках и на кораблях Балтийского флота.

— Но ведь демонстрация все-таки состоялась, и во главе ее шли большевики. Как же так?

— Да, Рая, состоялась. Возмущение рабочих и солдат буржуазной политикой Временного правительства достигло такого накала, что удержать их от немедленного выступления было невозможно. И тогда Центральный Комитет решил принять участие в выступлении, чтобы превратить его в мирную и организованную демонстрацию под лозунгом: «Вся власть Советам!» Было бы неправильным и ошибочным покинуть рабочие массы в такую минуту и потерять всякий авторитет в ее глазах. Не так ли?

Против такой железной логики трудно было что-либо возразить. Я лишь спросила напоследок:

— Но ведь демонстрацию все-таки разгромили. Что же будет дальше?

— Да, разгромили,— упрямо ответил Антон.— Жаль, конечно, что еще раз пролилась народная кровь. Но Временное правительство, а вместе с ним меньшевики и эсеры окончательно разоблачили себя, и теперь рабочие и солдатские массы бесповоротно пойдут за большевиками. Так что, Раечка, у нас все еще впереди.

На том наш спор и закончился.

Наступила черная пора корниловской реакции. Была разгромлена редакция нашей газеты «Правда», арестовали многих товарищей, по городу рыскали вооруженные до зубов патрули и шпики в поисках Владимира Ильича.

По решению ЦК партии Ленин вынужден был уйти в подполье, так как прокурор отдал приказ об его аресте и предании суду за государственную измену вместе с другими большевиками. Но Ленин и из подполья руководил подготовкой вооруженного восстания.

В это тяжелое время 17 августа 1917 года у меня родился третий сын — Шурик. Естественно, что мне пришлось сидеть дома, и я не могла разделить с мужем его заботы и опасности. Мне оставались только бессонные ночи, полные тревоги за его жизнь.

От Антона я знала, что по призыву большевиков рабочие заводов организовывались в отряды Красной гвардии для отпора душителям революции, что готовится решительная схватка с контрреволюционной буржуазией.

Когда ночью раздавались тревожные гудки заводов всего города, Антон соскакивал с постели, спешно одевался и уходил на завод, как это было условлено на такие случаи. Иногда он не появлялся дома целые сутки. Что он делал в это время, можно было только догадываться. Не желая тревожить меня, Антон очень скупо сообщал мне о происходящих событиях.

В такой напряженной обстановке прошли сентябрь и октябрь.

Утром 25 октября (по старому стилю) ко мне забежал Валентин Трифонов, товарищ Антона по ссылке. Муж еще с вечера ушел на дежурство в районный комитет партии. Трифонов протянул мне листовку с воззванием «К гражданам России!».

— Читайте, Раиса, и радуйтесь! — в неописуемом возбуждении крикнул Трифонов.— Вот она, настоящая революция!

В воззвании, написанном нашим вождем Владимиром Ильичем Лениным, было сказано:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» [1].

Трифонов страшно спешил и тут же куда-то убежал.

— Некогда. Антон вам все расскажет,— крикнул он на прощание.

Вскоре ненадолго забежал с дежурства и Антон.

— Ну, дорогая моя, поздравляю тебя с победой! Свершилось! — торжественно проговорил Антон, обнимая и целуя меня и детей.— А вы, дети,— продолжал он,— отныне будете расти свободными, счастливыми гражданами Советской Республики!

Как и Трифонов, он спешил уйти.

— Куда же ты?

— Надо, дорогая. Сейчас не время сидеть дома. Иду выполнять приказ Военно-революционного комитета.

И исчез снова на целые сутки, оставив меня и радостную и обеспокоенную.

В ночь с 25 на 26 октября пал последний оплот Временного правительства — Зимний дворец.

В Смольном на Втором съезде Советов была провозглашена Советская власть, а на следующий день приняты исторические декреты о мире, о земле и создан Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась!

Улицы Петрограда буквально кипели. Стройными рядами маршировали воинские части.

В море красных знамен, перекатах революционных песен проходили колонны молодежи, рабочих, работниц,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

словно каждый, не теряя времени, торопился вложить свою долю в основание новой, свободной жизни.

Видя из окна бурный поток улыбающихся, радостных людей, я тоже не выдержала.

Одев по-праздничному старших мальчиков, взяла на руки двухмесячного Шурика и вышла на улицу, чтобы вместе со всеми встретить великое начало новой эпохи.

И вот началась кипучая, созидательная, революционная работа по созданию органов новой, Советской власти, по налаживанию ее государственного аппарата. Антон принимал в этом самое деятельное участие как депутат районного Совета.

С первых дней Октября Советская власть встретила массовый саботаж со стороны старых чиновников. Банки, почта, телеграф, адресные столы и прочие учреждения работали с перебоями. Получив от старых хозяев жалованье за два-три месяца вперед, чиновники не выходили на работу, наивно полагая, что Советская власть без них не обойдется. Но саботажники постепенно были заменены рабочими, работницами, демобилизованными солдатами, которые хотя и не без труда, но осваивали новое дело.

Петроградский Совет через печать предупреждал, что если чиновники к определенному сроку не явятся на работу, их уволят. Однако многие из них предпочли мелкую торговлю газетами, лепешками, пирожками и прочим.

С презрением наблюдали мы, как раскрашенные дамы в дорогих саках, модных шляпах и туфлях на французском каблуке торгуют на перекрестках главных улиц разной снедью.

После установления Советской власти Антон, как депутат Нарвского районного Совета и заведующий жилищным отделом, развернул активную работу по конфискации особняков купцов, крупных чиновников и буржуазии, вселяя туда рабочие семьи и учреждения.

Ему приходилось участвовать в заседаниях Петроградского Совета.

Плохое наследство оставили нам царизм и Временное правительство.

С каждым днем продовольственное положение в Петрограде катастрофически ухудшалось. Костлявая рука голода беспощадно сжимала горло питерских пролетариев.

Город не имел продовольственных запасов. По карточкам выдавали по восьмушке хлеба в день на человека.

Однажды наш пятилетний Миша укоризненно сообщил мне:

— Мама, а Сеня враз весь паек съел.

Обычно свой ломтик — пятьдесят граммов — мальчики разрезали на три порции и хранили в маленькой коробочке.

22 мая 1918 года в «Правде» было опубликовано специальное письмо Ленина к питерским рабочим «О голоде» по поводу продовольственного положения. Оно заканчивалось следующими словами:

«Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше железных отрядов сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистических хищников» [1].

Еще до опубликования этого письма В. И. Ленин после беседы с председателем закупочной комиссии Путиловского завода М. Ивановым дал Петросовету указание направить в Сибирь группу своих депутатов для организации заготовок и продвижения хлеба голодающим рабочим Петрограда. Вместе с другими в Омск в феврале 1918 года был командирован и Валек *.

По моему совету в очередную поездку в Омск 23 апреля 1918 года Антон взял с собой Сеню и Мишу, чтобы оставить их у моей сестры Рахили, которая работала в Омском военном госпитале.

Зная о тяжелом продовольственном положении в Петрограде, она в своих письмах настойчиво просила привезти к ней наших мальчиков.

ПО ЗАДАНИЮ ПАРТИИ

Антон приехал в Омск в канун первомайского праздника. И уже второго мая выступил на нескольких многолюдных рабочих собраниях как посланец Петроградского Совета. Он призывал помочь в отправке продовольствен-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 364.

* См. примечания в конце книги.

ных эшелонов для голодающих пролетариев Питера. Особенно активную деятельность он развил среди железнодорожников. Его горячие речи на митингах сыграли большую роль — хлебные эшелоны пошли в Питер.

В середине мая 1918 года я с маленьким Шуриком приехала из Питера в Омск. Встретив нас на вокзале, муж с радостной улыбкой, подкидывая на руках Шурика, сказал:

— Вот и опять вся наша семья в сборе. Только вот беда — спокойной жизни в Омске ожидать не приходится. Белогвардейское воронье поднимает голову. Так что могут быть неприятные неожиданности. Ну, да тебе к ним не привыкать. Ты ведь у меня храбрый солдат.

Как он был прав, мой Антон! Уже через неделю сбылись его мрачные предсказания.

Англо-французские империалисты спровоцировали чехословацкий корпус военнопленных, возвращавшихся на родину по Сибирской магистрали, на вооруженный мятеж против Советской России. Одновременно были организованы контрреволюционные выступления чехословацких частей в Челябинске, Кургане, Петропавловске, Новониколаевске (Новосибирске). 24 мая Омский Совет получил телеграмму, подписанную Я. М. Свердловым, с приказом разоружить мятежников. Но соотношение сил было уже неравным. Эшелоны белочехов наступали на Омск и с запада — со стороны Челябинска и с востока — из Новониколаевска. В то же время с юга на Омск двигались белогвардейские казачьи части.

25 мая на станции Марьяновка произошел первый бой омских рабочих с белочехами. Белочехов удалось оттеснить, но это стоило больших жертв. Более ста омских рабочих и среди них командир Успенский погибли в тот день на поле боя. 1 июня 1918 года в городе было объявлено осадное положение.

Рабочий Омск встал на защиту завоеваний революции, формировались новые отряды Красной гвардии, ремонтировалось и ковалось оружие. Железнодорожники оборудовали два бронепоезда. В рядах защитников Омска храбро сражалась интернациональная бригада, созданная венгерским коммунистом-интернационалистом Кароем Лигети *.

Обстановка в Омске становилась все тревожнее, вокруг города неотвратимо сжималось вражеское кольцо. А в это время меньшевики и эсеры яростно выступали против

вооруженной борьбы с интервентами, всячески стремились сорвать мобилизацию — помешать обороне города, доказывали, что сопротивление только озлобит белочехов, что лучше сдаться без боя на «милость» контрреволюции.

6 июня белочехи получили с запада новое пополнение. Генерал Гайда с ходу бросил в бой свежие части. А силы защитников Омска были уже истощены.

В эти тревожные дни Антону удавалось лишь на часок забегать домой.

Жили мы тогда у моей сестры, при госпитале, в котором она работала медсестрой. Антон не скрывал от меня, что положение создалось угрожающее.

— Еще не знаю, оставят ли меня здесь, в подполье,— говорил он,— или придется отступать с товарищами. На всякий случай запрячь получше все мои документы. Если тебе придется остаться здесь, крепись. Береги себя и детей.

На следующий день, 7 июня, Антон спешно прибыл в госпиталь с подводами для эвакуации раненых.

Последними из Омска отступили советские отряды Лобкова, Звездова и Сорокина. Погрузившись на пароходы «Тобольск», «Русь» и «Комета», они отплыли вниз по Иртышу к Тобольску на соединение с советскими частями. Антон больше не появлялся.

Я осталась одна в чужом городе, занятом врагами, без связей с товарищами, с маленькими детьми на руках. Но больше всего меня беспокоила не собственная безопасность, а судьба Антона, где он, жив ли?

В Омске с первого же дня прихода белогвардейцев воцарился террор. Чрезвычайная белогвардейская комиссия заседала круглые сутки, вынося кровавые приговоры. По малейшему подозрению и по доносам без суда расстреливали коммунистов и сочувствующих Советской власти.

Почти каждый день я ходила на пристань, в надежде узнать что-либо о судьбе эвакуировавшихся. И хотя рабочие ничего определенного сообщить мне не могли, я встречала с их стороны полное сочувствие. Однажды пожилой рабочий, не раз видевший меня на пристани, тихо сказал:

— Не горюй, гражданочка. Наши еще вернутся, недолго праздновать буржуям.

Как я была благодарна ему за эти слова!

Оставив сыновей на попечение сестры, целыми дня-

ми обходила я места заключения, разыскивая Антона. Но все мои розыски были тщетными.

И только спустя три недели я получила желанную весточку через одного военнопленного, который пробирался из Германии в Сибирь домой:

— Ваш муж жив и здоров, работает в Екатеринбурге. Скоро ждите его самого.

На душе стало легче, но все же было тревожно: «Скоро ждите его самого». Это значит, что Антону поручено организовать борьбу в тылу врага. Я и радовалась скорой встрече, и волновалась.

У себя, во дворе госпиталя, нам привелось наблюдать возмутительные картины. Здесь, в бараках, с начала германской войны проживали семьи беженцев. Бараки понадобились для размещения белочешских солдат. Беженцы со своим скарбом были выброшены под открытое небо, некоторые матери с больными детьми на руках. Были заняты войсками и школы. Детей распустили по домам. «Мы вас спасаем от большевиков, нашим солдатам нужны хорошие квартиры»,— заявили белочешские заправилы на протесты учителей.

Поджидая Антона, я раздумывала, где же устроить его. Госпиталь, заполненный чехословацкими солдатами и обслуживающими их белогвардейцами, превратился во вражеский лагерь. Да и большая часть медицинского персонала во главе с главным врачом Смирновым была настроена враждебно к большевикам.

В таком напряжении состояния я находилась почти месяц. И вдруг 20 июля вижу в окно, как смело среди бела дня из проходной будки появляется Антон и непринужденно проходит двор госпиталя. Я была потрясена его смелостью, испугана риском, которому он подвергался. Многие в госпитале знали, что он эвакуировался с большевиками. И действительно одна из медсестер, увидя Антона, прибежала к другой, к старшей: «Анна Васильевна, сейчас пришел большевик, ну тот, родственник Рониной Рахили. Я пойду скажу о нем коменданту!»

— Ты что, с ума сошла! Его же расстреляют! — воскликнула Анна Васильевна, удержав сотрудницу от легкомысленного предательства.

Оказалось, что Антон приехал еще утром, но, не имея возможности сообщить о себе, пошел навстречу риску.

— Кто ты и с чего мы начнем? — спросила я, лишь только улеглось первое волнение.

— Я — Петров Иван Яковлевич, по профессии — кооператор. А с чего начнем, дело покажет,— сдержанно ответил Антон.

Антон сообщил свой конспиративный адрес и вскоре ушел, не разрешив проводить его даже до дверей.

Как я узнала от него позже, из Омска Антон эвакуировался 7 июня 1918 года в три часа дня с последним пароходом. Достиг Тюмени, оттуда поездом прибыл в Екатеринбург. Здесь он пробыл лишь месяц и был кооптирован в члены Уралобкома партии, а 13 июля по заданию обкома снова через линию фронта направился в Омск, появившись здесь, как я уже говорила, 20 июля *.

По заданию Я. М. Свердлова была подобрана специальная сеть курьеров ЦК партии для связи с Сибирью. На эту работу охотно вызвался и Антон. Курьеры неоднократно переходили через линию фронта, передавали коммунистам, в частности омским, указания из Центра, как лучше организовать работу в тылу врага, доставляли деньги и литературу, собирали и переправляли в Москву важную информацию о военных частях врага и о настроениях трудящихся в тылу.

Выполняя ответственнейшее задание партии, Антон в Омске сразу же включился в подпольную работу. По партийной явке он связался с подпольной большевистской группой латышей, во главе которой стоял Карл Карлсон, по кличке «Коля», а через него вошел в контакт и с другими группами.

В конце июля Антон принял активное участие в подпольной партийной конференции, на которой были избраны городской и районный комитеты партии.

Большую работу вел Антон среди омских железнодорожников. С помощью старого коммуниста котельщика Татаренко он организовывал саботаж и диверсии, собирал важную информацию о движении воинских частей и грузов. На станции Карлушки был взорван эшелон с оружием и боеприпасами, что вызвало переполох у белых.

В начале сентября, находясь в Томске, Антон активно участвовал в работе подпольной Сибирской конференции, созванной по указанию ЦК партии.

Конференция приняла решение о подготовке всесибирского вооруженного восстания, избрала подпольное Сибирское оргбюро РКП(б), в которое вошли и омичи *.

После конференции Антон усилил работу по сбору военной информации. Действовал он в полном контакте

с томской подпольной организацией, во главе которой стояли испытанные большевики Александр Масленников, Арнольд Нейбут, Михаил Рабинович, Карл Ильмер, Люба Годисова и другие.

Собирать информацию в условиях подполья было не так-то просто, но Антон делал это смело и изобретательно. Он, например, занимал лучший номер в гостинице и старался завести знакомство с ее жильцами, особенно с военными. Вечерами спускался в салон, присоединялся к компании играющих в карты или сражался с кем-либо в шахматы. Иногда садился за пианино, наигрывал популярные мелодии и тем привлекал к себе новых собеседников. А в результате собирал нужную информацию, которую ночью заносил шифром в толстую клеенчатую тетрадь.

Всевозможные сведения он добывал также во время поездок на пароходах и в поездах.

Я всегда удивлялась тому, насколько быстро Антон знакомился с нужными ему людьми, как умел входить в доверие и, не вызывая подозрений, вовлекать их в откровенные разговоры. Секрет его обаяния заключался в умении держаться свободно и непринужденно, в остроумии, в общительном и веселом характере. Кто бы мог подумать, что под личиной удачливого коммерсанта скрывается опытный большевик-подпольщик?

Довольно скоро после томской конференции мы переехали в Красноярск, а затем в Иркутск — конечный город полномочий Антона в Сибири *.

В Иркутске наш Шурик, еще не совсем оправившийся после перенесенной скарлатины, снова заболел, и я вынуждена была оставить Антона и вернуться в Омск.

В середине октября муж тоже приехал в Омск. За время поездки по городам Сибири ему удалось собрать значительный материал о состоянии тыла у белых. Данное ему ЦК задание по организации подполья и сбору информации было выполнено. Антону предстояло возвратиться в Советскую Россию, сдать отчет, получить новое задание и вернуться в Сибирь.

Всю ночь обсуждали мы план перехода через фронт. Учли, что сделать это Антону одному значительно опаснее, чем с семьей. Вот почему решили переехать фронт вместе, взяв с собой Шурика — нашего постоянного спутника в скитаниях. Партийная организация Омска поручила сопровождать нас уже знакомому нам товарищу

Татаренко, который должен был выполнять роль отца нашего семейства. Он же передал Якову паспорт своего сына Михаила Татаренко, тоже рабочего железнодорожных мастерских.

Товарищ Татаренко должен был вернуться в Сибирь раньше нас со средствами и установками для партийной организации.

Моя сестра Рахиль была осведомлена о цели нашей поездки. До этого она снабжала партизан медикаментами, доставала паспорта товарищам, которые уходили в подполье. Теперь она взяла на воспитание старших мальчиков. Сестра понимала, какому риску мы подвергаемся при переходе через фронтовую полосу, знала, как враги расправляются с советскими людьми. При расставании у нее невольно потекли из глаз слезы, которые она безуспешно старалась от нас скрыть. Много тревог она пережила из-за нас. А сколько ей предстояло еще пережить!..

Итак, «семья» Татаренко из троих взрослых и одного малыша двинулась из Омска в сторону Советской России.

Благополучно миновали Челябинск, Уфу, Самару. Улицы этих городов кишели белочехами, патрули чуть ли не на каждом шагу проверяли документы. В Сызрани, прифронтовом городе, где днем и ночью слышна была орудийная канонада, мы задержались. Советские войска наступали, и мы без всякого риска могли оказаться в освобожденной Сызрани, у своих.

Однако, ожидая освобождения города советскими войсками, мы рисковали потерять много времени. Бои шли с переменным успехом, фронт то приближался, то отдалялся. Это волновало Антона. Сидеть в бездействии было не в его характере. Он спешил быстрее доставить в Москву важную информацию о положении дел в колчаковском тылу и настойчиво просил Татаренко ускорить получение пропуска и отыскать подводу для выезда из города.

Не знаю, как это удалось нашему «папаше», но он блестяще выполнил задание.

Хорошим человеком был наш дорогой товарищ Татаренко, старый коммунист и потомственный рабочий. Ему тогда было под шестьдесят лет. Среднего роста, коренастый и подвижный, он сохранял мудрое спокойствие при любых обстоятельствах. Благодаря его помощи нам удалось благополучно перебраться через линию фронта.

А. Я. Валек

Домик родителей А. Валека в Харькове по ул. Дацко, 8. Снимок 1915 года.

Группа надеждинских большевиков в 1905 году на проводах В. Н. Чащина, депутата Государственной думы. В первом ряду: второй слева — А. Чукавин, третий — Н. Гусев, четвертый — М. Серебряков; во втором ряду: вторая слева — Б. Будницкая, четвертый — В. Чащин, пятая — Р. Валек, седьмой — Ф. Баженов; в третьем ряду: первый слева — А. Тягунов, третий — Г. Носков.

А. Я. Валек (справа) с М. К. Мурановым, бывшим депутатом Государственной думы. Петроград, 1917 год.

Семья Валек: Антон, Раиса и их дети Сеня и Миша. Алапаевск, 1913 год.

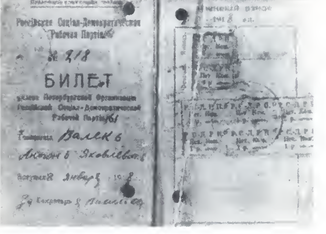
Дом в Верхней Туре по улице К. Маркса, 21а, где в 1915 году жил Антон Валек с семьей. Снимок сделан в наши дни.

А. Я. Валек и Р. И. Валек.
Алапаевск, 1914 год.

Группа членов комиссии по организации похорон жертв Февральской революции в Петрограде. Второй справа — А. Валек. Март 1917 года.

№ 218

БИЛЕТ

Партийный билет А. Я. Валека, члена Петербургской организации РСДРП(б).

Группа рабочих Путиловского завода, депутатов Нарвского районного Совета Петрограда. В первом ряду второй слева — А. Валек. Октябрь 1917 года.

Я. И. Анисимов. 1918 год.

В. Д. Тверитин. Москва, 1917 год.

Антон Валек в группе работников Особого отдела ВЧК при Третьей армии (сидит первый слева). Пермь, ноябрь 1918 года.

ВСЕРОССИЙСКАЯ
Чрезвычайная Комиссия
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
при 3 й армии
ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
по ______ части
25 июня 1919 г
№ 10912

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее удостоверение товарищу МЕРЕНКОВУ Борису Дмитриевичу в том, что он состоит на службе в Особом отделе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при 3-ей армии в должности делопроизводителя секретариата.

Товарищу МЕРЕНКОВУ разрешается ношение и хранение револьвера системы "Наган" №-...... с 30 патронами.-

Начальник Особого отдела В.Ч.К.
при III-ей армии

Секретарь

Удостоверение сотрудника Особого отдела ВЧК при Третьей армии Б. Д. Меренкова.

В. И. Еремин.

А. В. Самков.

Дом в Свердловске по улице имени Антона Валека, 14, где в 1919 году была конспиративная квартира А. Я. Валека (в полуподвале, дверь и два окна слева). Снимок 1981 года.

А. Я. Попов.

В. В. Старцев.

А. Г. Чирухин.

И. Л. Дукельский.

Г. Сушенцова.

З. Г. Устьянцева.

Расписка на 5000 рублей, выданная В. Старцеву начальником Особого отдела ВЧК при Третьей армии Бреславым. Эти деньги В. Старцеву оставил А. Валек.

З. Водовозова.

Моим милым и
родным от вашей
мамы и сестры
Раи Валек.
Апреля 13-го 1919 год

Не печальтесь и
не унывайте
Такова судьба
Ваша всегда
и везде.

Надпись, сделанная Раисой Валек после того, как ее приговорили к смертной казни.

Татаренко отыскал смелого паренька, который за высокую плату повез нас из города окольным путем. Избежав встречи с патрулем, мы подъехали к самой фронтовой полосе. Еще в городе мы распределили роли и условились о поведении каждого при переходе фронта. Активную роль предоставили «папаше». Товарищ Татаренко должен был предъявить пропуск и объяснить причину нашего переезда на советскую сторону. Компрометирующие документы — мандат Уралобкома, краткий отчет о проделанной работе, пароль и явки — хранила я. В случае крайней необходимости я должна была их уничтожить. Самая пассивная роль отводилась Антону. Полулежа в телеге в самой непринужденной позе, он щелкал семечки из купленного по дороге большого подсолнечника.

Подъехали к полевому штабу. Навстречу вышла группа белогвардейских офицеров. «Папаша» предъявил паспорт и пропуск на выезд из Сызрани.

— Зачем едете в Совдепию? — спросил стоявший впереди колчаковец.

— У меня там дом, хозяйство. Надумал продать все и вернуться обратно в Сибирь. Сына прихватил на подмогу,— ответил Татаренко.

Подозрительно рассматривая пропуск, офицер заметил:

— Вот с таким же пропуском вчера пытались пробраться комиссары-большевики в свою Совдепию. Да недалеко голубчики ушли,— показал он рукой.

Мы повернули головы и в ближайших кустах увидели голые ноги расстрелянных товарищей. Шурик громко заплакал. Это нам было на руку. Оглядев наши котомки, разложенные на телеге, женщину в платочке, с плачущим ребенком на руках, штабник махнул вознице рукой, что означало: можете продолжать свой путь. Мы со своим табором настолько не походили на большевиков, что не вызвали у него никаких подозрений.

Через час быстрой езды мы подъехали к станции железной дороги, где стоял паровоз, окрашенный блестящей красной краской. С какой радостью прочитали мы на нем крупную надпись: «Мир — хижинам, война — дворцам». Опасность миновала. Пять месяцев тревог позади!

С ликованием встретили мы на перроне бойцов с красными звездочками на фуражках. Нас окружили, узнав, что мы с той стороны фронта, засыпали вопросами о жизни во вражеском лагере.

Прошло много времени с тех пор, но радость встречи на этой станции я не забуду никогда.

В штабном вагоне нас угостили обильным вкусным обедом, обеспечили продуктами на дорогу, и вечером того же дня мы выехали в Москву. В Москве Антон представил в Отдел военного контроля Управления Революционного военного совета республики товарищу Тракману подробный отчет о поездке по тылу врага.

Привожу его в сокращенном виде:

«Заручившись документами кооператора, я выехал из Екатеринбурга 13 июля 1918 года на лошадях. Мне удалось пробраться на линию железной дороги, затем свободно до Омска, куда и прибыл 20 июля.

Первое впечатление, полученное на территории Сибири,— это злоба к бывшей Советской власти, нескрываемо проявленная различными слоями населения. Исключение в это время составляли лишь чисто пролетарские элементы фабрично-заводских и железнодорожных рабочих. Ими всеобщее ликование по поводу прихода новой «демократической» власти изжито скорее, чем этого можно было ожидать. Ко времени моего приезда они переживали период разочарования, вскоре и самобичевания за совершенную ими ошибку, выразившуюся в том, что во многих городах, слепо поддавшись на заманчивые обещания эсеров и меньшевиков, они активно участвовали на стороне чехословаков.

Вообще, Советскую власть первое время ругали за все и вовсю. Рельефно выделялось только плохое за время ее существования, часто всплывали факты, достойные внимания и теперь. Это злоупотребления и явное несоответствие своему назначению отдельных агентов власти.

Это время переживали в Сибири под знаком беспрерывных крупных военных успехов войск Временного правительства. Иркутск, Тюмень, Екатеринбург и другие города пали один за другим, что поднимало настроение, воодушевляло войска и привлекало поток добровольцев. Основу армии в это время составляли чехи и казаки. Это были мобилизованные офицеры, хорошо вооруженные и в достаточной степени снабженные военными припасами, оставленными эвакуировавшимися Советами.

В первых числах августа была мобилизация пяти возрастов казаков и башкир. Из последних был составлен один полк в Уфе.

Главное внимание противника за это время было об-

ращено на восток, где под командой Гайды основные силы стремились соединиться с владивостокской группой чехов. Препятствием этому были советские войска, занимающие линию от Байкала до Читы и дальше.

На территории Восточной и Западной Сибири и района Самары до настоящего времени существует два главенствующих правительства. Первое — так называемое Временное правительство, выделенное еще зимой областной Думой в составе: председателя Вологодского, военного министра Иванова-Рюмина, сменивших недавно Гришина-Алмазова, как несоответствующего линии правительства в его уклоне вправо, члена партии эсеров Патушинского и других. Второе — это Самарский комитет Учредительного собрания, возглавляемый в последнее время Авксентьевым. Одновременно существует ряд областных и нижепоименованных правительств, как-то: Дальневосточное во главе с Вербером, Байкальское — с генералом Хорватом во главе, с властью диктатора. Наконец, правительства: уральское, оренбургское, башкирское, киргизское. Фактически же власть находится в руках командующих чешскими частями, в частности Гайды, произведенного недавно в чин генерал-майора и идущего в контакте с «государственно мыслящими кругами», вроде съездов торгово-промышленников в Омске и Уфе.

Борьба между областной Думой и Временным правительством разрешилась 23 сентября давно ожидаемым кризисом. Дума была разогнана, а выделенный ею исполком арестован.

Таким образом, эсеровская эпопея в Сибири окончилась историческим провалом.

На территории Самарского комитета эсеры также из живают себя, что наглядно характеризуется их согласием отдать свою власть директории из пяти человек с одним лишь эсером Авксентьевым, предоставив фактическую власть — военную силу — генералам Алексееву и Болдыреву.

Таким образом, политическая ситуация на территории противника за четыре месяца определилась как диктатура буржуазных кругов, находящих пока только еще моральную поддержку в лице союзников, которым северным водным путем уже отправлен один миллион пудов хлеба в обмен на «обещанные» снаряды и прочее военное снаряжение.

Настроение рабочих и крестьян в отношении к бело-

гвардейской власти и к переживаемым событиям теперь вполне определилось и оформилось. Отмена всех декретов Советской власти; возвращение земли помещикам вместе с посевом включительно (в Сибири); введение сдельной оплаты на заводах по расценкам 1915 года; введение свободной торговли, что означает высокую цену на хлеб (Иркутск — 3 рубля за фунт хлеба); беззастенчивая эксплуатация рабочих буржуазией, ставшей господином положения; запрещение профессиональных союзов; запрещение обсуждения политических вопросов; беспощадная реакция в виде арестов за всякую попытку критики и массовый террор сделали свое дело. Сибирские рабочие, как никогда раньше, поняли и оценили Советскую власть и теперь, обессиленные, живут мечтой и надеждой на ее возвращение.

Этот процесс оздоровления коснулся глубоко даже сибирской деревни, ярким показателем чего служит отношение крестьян к только что проведенной мобилизации двух призывных годов. Без участия партийных организаций сотни деревень Сибири на мобилизацию ответили: «Для борьбы с нашими братьями солдат не дадим». В связи с этим отказом дать солдат прокатился белый террор. Деревни, волости и даже целые уезды встречали чехов и казаков косами, винтовками и даже пулеметами, как, например, в Славгородском уезде Томской губернии. Крестьяне выставили 2000 штыков, овладели городом Славгородом, образовали рабоче-крестьянский штаб и после упорных боев были подавлены с беспощадной жестокостью.

Так проходила мобилизация в Сибири, давшая, по приблизительным подсчетам, около 100 000 человек. Настроение трех четвертей призванных явно сочувственное Советской власти и враждебное к установившимся порядкам. Да это и понятно, если принять во внимание восстановление чинопочитания, введение розг в казармах и пр. В результате массовое дезертирство. На фронт не доходит и половина маршевых рот.

На настойчивую просьбу Самарского штаба (после падения Симбирска) выслать подкрепление Иванов-Ринов ответил: «Сформированный в Омске корпус весьма пока не благонадежен, не раньше двух недель рассчитываю его подчистить и прибрать к рукам».

Во всех крупных городах Сибири власти ежедневно ждут восстаний, что заставляет держать в них крупные силы.

Можно отметить стихийные вспышки рабочего движения, вроде забастовки в 7000 человек в Ново-Николаевске, на Анжерских копях, обратившихся в вооруженное восстание.

В связи с последними неудачами на самарском фронте настроение в частях противника резко изменилось к худшему: перестали поступать добровольцы, офицеры и солдаты негодуют и ропщут, что их правительство, занимаясь грызней друг с другом, не успело так много, как большевики, создавшие за это время сильную, хорошо сагитированную армию.

Источником пополнения армии служила мобилизация. Но мобилизованные массами отказываются брать винтовки. Таких в Омске сидит арестованными 2000 человек. В сентябре объявлена мобилизация всех сербских подданных. В объявлении от 1-го сентября итальянского консула в Иркутске предлагалось зарегистрироваться всем военнообязанным итальянцам.

Учитывая стремительный уклон буржуазии в сторону нескрываемой диктатуры, открытое проявление возмущения всех демократических элементов,— враждебное отношение к существующему режиму созрело даже среди русского офицерства.

Мобилизация еще нескольких возрастов коренного населения в Сибири теперь невозможна, и я берусь утверждать, что на нее правительство не пойдет, ибо оно знает о настроениях бывших фронтовиков.

О японских войсках в Сибири известно лишь о небольшой группе. По слухам, в первых числах сентября они прибыли в Читу. Дальше на запад они еще не распространились, но известно об их активном участии в преследовании наших отрядов, отступающих по Амурской железной дороге. В самарских газетах телеграммой из Владивостока от 18 сентября сообщается о десанте союзных войск: японцев совместно с французами, англичанами и итальянцами. В случае их передвижения на запад, боевые организации коммунистов решили воспрепятствовать этому всеми имеющимися средствами.

После разгрома нашего Забайкальского фронта с востока на запад переброшено за время с 1-го по 15-е сентября около 20 эшелонов чехов, казаков и белогвардейцев, численностью около 10 000 человек.

Настроение военных и буржуазных кругов Самары паническое, все надежды на союзников. Вскоре после па-

дения Казани из Самары начали вывозить все ценное. Железнодорожное движение находится в состоянии плачевном, причина: отсутствие нефти, оленафта, керосина, а также сознательный саботаж железнодорожных рабочих. Взорванные советскими войсками все большие мосты и туннели временно, но уже исправлены.

Среди железнодорожного пролетариата ведется интенсивная подготовка к всеобщей забастовке, и в общем стихийное движение нарастает. Коммунисты усиленно готовятся к вооруженному восстанию, чтобы сделать свой «сибирский Октябрь». Интернационалисты работают в подполье, эсеры и меньшевики потеряли всякий авторитет. Никто не верит в прочность власти, и на выборах голосуют лишь 7—10 процентов избирателей.

В крупных городах: в Омске, Красноярске, Иркутске и других нами созданы ячейки с целью специально разведывательного характера. Везде намечено и завязано знакомство, но полное отсутствие материальных средств не позволяет развернуть эту работу шире. С получением средств этот отдел может быть поставлен глубоко и широко. Есть надежды на установление передачи сведений из тыла противника по телефону. Пробраться в Сибирь легче всего с документами кооператора.

Противником поставлена идеальная разведка нашего ближайшего тыла. Агенты контрразведки противника пробираются на советскую территорию и обратно двояким способом: 1) пробираясь до конечного пункта, ждут занятия его противником и 2) под видом пробирающихся в Россию пассажиров, но, в отличие от остальных, снабженные пропусками не до ближайших деревень, а прямо в города Советской власти. Из Советской России им удается иногда пробраться к своим, благодаря простой халатности комендантов ближайших к фронту городов. Вроде, например, Кузнецка, откуда с пропуском коменданта приехал в Сызрань один из видных работников контрразведки, ехавший из Москвы в Омск. На это мною было обращено внимание Кузнецкого военного комиссариата.

Из Сибири в Россию мне удалось пробраться через Сызрань, воспользовавшись паникой, бывшей там во время эвакуации 1—2 октября.

Уполномоченный Валек

Октябрь, 1918 г. г. Москва»[1].

[1] Полный текст отчета хранится в фондах Свердловского партархива.

Сдав свой доклад-отчет *, Антон временно задержался в Москве, я же с сыном проехала домой в Петроград. Скоро сюда прибыл и Антон.

Имея в руках путевку ЦК партии на Восточный фронт, он сначала поехал в Петроград, чтобы отчитаться перед Советом и партийной организацией Путиловского завода о командировке и своей деятельности в тылу врага в Сибири.

А в конце октября Антон выехал на Восточный фронт, в Пермь.

Его сразу же направили в качестве оперативного работника в распоряжение начальника Особого отдела Третьей армии товарища Музыканта.

В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ПОДПОЛЬЕ

В ноябре 1918 года, получив от Антона вызов, я тоже переехала в Пермь. Всей душой стремилась я туда, чтобы в опасную минуту быть рядом с мужем. Я решила больше с ним не расставаться, делить его участь, что бы нас ни ожидало, и сразу прямо так ему и заявила. Как всегда в серьезные минуты, Антон начал ходить в раздумье из угла в угол комнаты, а потом подошел ко мне и молча прижал мою голову к своей груди.

На главных улицах еще висели гирлянды из хвои и красных флажков — следы недавнего празднования первой годовщины Великого Октября. Но город произвел на меня тяжелое впечатление. У магазинов растянулись длинные очереди за хлебом и продуктами. Враги, засевшие в снабженческих организациях, искусственно создали в городе продовольственный кризис, хотя в государственных складах хранились значительные запасы провианта. Население голодало, и это вызывало недовольство Советской властью. Контрреволюция подняла голову. В очередях распространялись антисоветские слухи о разгроме Красной Армии, о близком конце Советской власти.

Антон приходил с работы мрачный, подавленный. С чувством досады он говорил:

— Не знаешь, кто тебя окружает, где друзья, а где враги.

К половине декабря положение Перми резко ухудшилось. Измотанная тяжелыми боями, Третья армия отсту-

пала под натиском превосходящих сил колчаковцев, фронт стремительно приближался к городу.

По указанию Уралобкома партии * была спешно подобрана группа коммунистов для подпольной работы в тылу белых. В нее вошли: Яков Анисимов — инструктор обкома партии, Алексей Антропов — совработник, Гальперин (имя не помню) — бывший профсоюзный работник, Петр Хорохорин — из штаба Третьей армии, Факелов (имя не помню) — старый член партии, работавший в хозчасти обкома, и я. Руководителем группы был назначен Антон Валек.

С Анисимовым Антон познакомился весной 1918 года в Омске, в горячие дни борьбы за хлеб для Петрограда. Анисимов — в то время секретарь Омского горкома партии — вместе с другими работниками партийного и советского аппарата оказывал самое горячее содействие уполномоченному Центра в заготовке и отгрузке хлеба. После захвата Омска белочехами Анисимов одновременно с Антоном эвакуировался в Екатеринбург, а оттуда был откомандирован Уралобкомом на партийную работу в Пермь.

Было ему в то время 23 года, но из-за окладистой бороды он казался много старше. Окончив Тобольскую сельскохозяйственную школу, он переехал в 1916 году в Омск и целиком отдался партийной работе. Его хорошо знали на заводах и фабриках и в воинских частях. В партийной организации он пользовался большим авторитетом. В марте 1917 года его избрали секретарем Правобережного райкома, а в октябре 1917 года — секретарем городского комитета партии. Большую работу он вел и в Перми.

Активно работал Петр Хорохорин. Это и понятно — ведь за плечами у него был немалый опыт революционной работы. Расскажу о нем несколько подробнее.

Петр Петрович Хорохорин родился в 1892 году в Тамбовской губернии, в бедной крестьянской семье. По профессии — гравер-литограф. В революционное движение вступил еще юношей. В 1913 году активно участвовал в забастовке в типографии Гуревича в Ростове-на-Дону. В марте 1914 года был арестован и в административном порядке выслан в Томскую губернию. В 1917 году Хорохорина мобилизовали в царскую армию, и он сразу же стал активным участником Томской подпольной военной организации.

После переворота в Томске в марте 1917 года Петр Петрович был избран членом полкового суда, а позднее заместителем председателя ревтрибунала. 30 мая 1918 года он вместе с военно-революционным штабом и партийно-советским активом эвакуировался из Томска в Тюмень, а оттуда в Пермь, где тотчас же, как опытный работник, включился в борьбу с контрреволюцией на Урале.

Задание нашей группе было следующим: после того как предварительная подготовка будет закончена и группа будет обеспечена всем необходимым для подпольной работы, нам надлежало перебраться в Екатеринбург и там развернуть свои действия в глубоком тылу белогвардейцев. Екатеринбург выбрали потому, что он всегда был центром революционной борьбы на Урале, большевики пользовались там большим авторитетом среди рабочих. Нам следовало в первую очередь наладить связь с большевиками, оставшимися в подполье.

Антон каждому из нас дал задание. Анисимову и Антропову поручалось достать оборудование для будущей подпольной типографии, шрифты и бумагу. Хорохорин, как художник-гравер, засел за изготовление разных документов. Он искусно мастерил любые штампы и печати. На мою долю выпало получить из магазинов одежду для всей группы. Нужно было так экипироваться, чтобы в условиях подполья не иметь сугубо пролетарского вида.

Предстояло также сменить квартиры на «чистые», так как на старых нас знали как коммунистов. Из-за жилищного кризиса и тревожной обстановки в городе сделать это было не так-то легко. Например, нам с Антоном удалось получить не совсем «чистую» квартиру эвакуированного коммуниста — врача Демьянова.

Шла напряженная подготовка к переходу на нелегальное положение.

Антон почти не выходил из дома, чтобы лишний раз не показываться на улицах города, где его уже знали в лицо. Он очень тревожился за товарищей, подолгу тщательно инструктировал их, как вести себя в подполье *.

Мне в эти дни приходилось по разным вопросам обращаться к отдельным работникам обкома партии. Познакомилась там с Залманом Лобковым, о котором много слышала от Антона еще раньше, в Омске. Подпольщик с шестнадцатилетнего возраста, он был одним из активных участников становления Советской власти в Омске,

позднее занимал посты председателя горкома партии, комиссара финансов, организовывал отряды Красной гвардии и сам участвовал в боях на подступах к Омску, под Марьяновкой.

Замечательный пропагандист, пламенный оратор, Лобков своим словом покорял аудиторию, а как теоретик-марксист блестяще громил на собраниях меньшевиков и эсеров. Он пользовался большим авторитетом у омских рабочих, особенно в среде железнодорожников, которые знали его еще до революции.

Судьба Лобкова, как и многих наших товарищей, сложилась трагически. В начале января 1919 года он с паспортом на имя Голубева покинул Пермь и перешел фронт для руководства работой большевистских организаций в тылу врага. В Челябинск Лобков прибыл по поручению Сибирского бюро ЦК РКП(б) в начале марта 1919 года, организовал и возглавил городской подпольный партийный комитет, установил связи с городами Сибири и Урала. В середине марта 1919 года произошел провал партийной организации. Вместе с другими коммунистами был арестован и Залман Лобков. Его увезли в Уфу. Там, несмотря на зверские пытки, Лобков не назвал себя и 18 мая 1919 года был казнен под именем Голубева.

Нам в Перми, к сожалению, многого для перехода в подполье сделать не удалось. События развивались слишком быстро. В ночь на 24 декабря 1918 года белогвардейцы внезапно захватили Пермь. Поэтому мы своевременно не успели выехать из города.

В Перми «победители» праздновали свою кровавую победу. Нам пришлось быть свидетелями расправ белогвардейских палачей с коммунистами и советскими работниками. Как звери, они накидывались на первого встречного, одетого в кожаную куртку, которая являлась для них признаком комиссарства. На улицах валялись полураздетые трупы, некоторые с отрубленными кистями рук. Со стороны Камы, покрытой льдом, несколько дней доносились ружейные выстрелы. Не успевших эвакуироваться из города большевиков расстреливали.

Первые два дня мы были в полном неведении об участи наших товарищей по группе. Только 27 декабря с большими предосторожностями к нам явились Антропов и Анисимов. Последний был неузнаваем: сняв русскую окладистую бороду и оставив «клинушек», он стал похож на приказчика модного магазина.

Снабдив товарищей документами и деньгами, Антон предложил им немедленно покинуть город и пробираться в Екатеринбург. Позже мы узнали о печальной участи Анисимова. Он погиб по дороге в Екатеринбург. В пути его все же опознали белогвардейские контрразведчики и на полном ходу сбросили с поезда.

Затем, еле передвигая обмороженные ноги, явился к нам Петр Хорохорин. Он сообщил о себе следующее: утром 24 декабря Петр вышел из помещения обкома партии и был задержан белогвардейским патрулем. Вначале его отправили в комендатуру, а оттуда на какую-то заимку, верст за десять от города, где карательный отряд расправлялся с арестованными. Выручил Петра необыкновенно моложавый вид. Несмотря на свои 27 лет, он выглядел 15—16-летним юношей. Предъявив документ своего производства с печатью какого-то сельсовета, Хорохорин с удрученным видом просил помочь ему найти среди солдат брата, которого он якобы тщетно разыскивает в ротах и батальонах.

Наивный рассказ показался пьяным карателям настолько правдивым, что Петра оставили без охраны, и он бежал. До города Петр кое-как добрался, поморозив ноги. Он не рискнул вернуться в свою квартиру, где у него была настоящая мастерская по фабрикации документов, а направился в первую попавшуюся больницу, повторил там рассказ о поисках брата, и его положили на лечение. Через несколько дней, когда начала расти борода, выдававшая его действительный возраст, Петру пришлось бежать из больницы. Он явился к нам с открытыми ранами на ногах. С большим риском для себя мы его укрыли, чтобы несколько подлечить ему ноги. Потом Петр смастерил себе новый документ и ушел в город.

Антону удалось покинуть Пермь в начале января. Вместе нам выехать не представилось возможным — шли исключительно воинские поезда, в которые женщине с ребенком не сесть. На вокзале царило столпотворение. Люди неделями валялись на грязном, заплеванном полу в надежде каким-нибудь путем выбраться из города.

Только в середине января «оказией» я получила весточку от Антона. Он писал: «Добрался до Екатеринбурга в полном здоровьи, но из друзей пока никого не встретил. Сможешь — выберись поскорее!»

Меня охватила тревога. «Друзей пока не встретил...»

Неужели Антропов и Анисимов не доехали или схвачены еще здесь? «Выберись поскорее...» Но для этого нужен документ, удостоверяющий мою личность, чтобы получить пропуск на выезд. А у меня его нет. Паспорт захватил с собой Антон. Мы сейчас снова Богдановы, он — Яков Семенович, я — Зинаида Петровна. Почитай десять лет носили эту фамилию до революции. Сейчас не привыкать.

Предвидя возможные затруднения с выездом, Антон и я заранее завели знакомство с комендантом дома, словоохотливым старичком-сапожником. Часто заходили к нему под всяким предлогом. Получив весточку от Антона, я обратилась к нему с просьбой выдать справку, удостоверяющую мою личность.

Справка за подписью и печатью была получена. «Богданова Зинаида Петровна с ребенком едет к мужу в Екатеринбург и т. д.». Приодевшись, как могла, чтобы иметь «приличный вид», я направилась к коменданту города. Чиновник принял меня любезно — предложил даже сесть. Он задал ряд вопросов: куда и зачем еду? Чем занимается муж? Я не ожидала от белогвардейца любезности, но была готова к столь подробным вопросам. Видимо, мой спокойный и «солидный» вид не меньше убедил его, чем мои ответы.

В день отъезда ко мне снова явился Петр Хорохорин. Боясь провалить меня, он целыми днями бродил по улицам, ночевал в ночлежном доме. Не имея настоящих документов, каждую ночь рисковал быть захваченным белогвардейцами. Положение его было отчаянным, и не было Антона, который, казалось, из любого положения мог найти выход. Поделившись с Петром деньгами, я предложила рискнуть поехать со мной в теплушке, но Петр категорически отказался:

— О нет, подведу вас с ребенком, я один как-нибудь.

Тяжело было расставаться с этим товарищем.

Поезда шли без расписания. Состав почти весь состоял из дырявых теплушек. Стояли крепкие морозы. Стены внутри теплушек были заснежены. Железные печурки давали больше дыма, чем тепла. Народу в вагоне набилось до отказа. Публика самая пестрая — торговцы, рабочие, служащие, артисты, крестьяне. Когда отъехали от города, началась битва за места. Спор дошел чуть ли не до драки.

— Хватит, науправлялись, это вам не Совдепия! —

пронзительно визжала увесистая дама, одетая в котиковую доху.

Все же группа рабочих добилась уплотнения «чистых» пассажиров, и с десяток пожилых мужчин и женщин были перемещены на верхние нары. Устроили там и меня с ребенком.

Казалось, нашей поездке не будет конца. Поезд часто надолго останавливался среди снежного поля, паровоз пыхтел, выпуская последний пар. На остановках пассажиры выскакивали и нагружали в теплушку как можно больше дров. На шестые сутки в двадцати пяти верстах от Екатеринбурга кондуктор объявил, что дальше поезд не пойдет: на линии пробка. Потребовали освободить вагоны.

Наняв подводу, я закутала Шурика в ватное одеяло и через три-четыре часа была в Екатеринбурге по указанному Антоном адресу — на Большой Съезжей (сейчас улица имени Антона Валека *, дом № 14).

Приехав в Екатеринбург 7 января *, Антон из-за квартирного кризиса вынужден был снять комнату в полуподвальном помещении у хозяйки — ярой белогвардейки, единственный сын которой по настоянию матери пошел добровольцем в белую армию.

Евдокия Ивановна Баранова — так звали хозяйку — много лет жила экономкой у инспектора училищ, а на старости лет, незадолго до своей смерти, он оформил сожительство с ней законным браком. Крайний реакционер по убеждению, он внушил малограмотной, невежественной жене свои взгляды. Она часто обливалась слезами, крестясь перед портретом царя Николая Второго, казненного летом 1918 года.

Все предосторожности, принятые в дороге, не помогли. Еще в поезде мой Шурик заболел воспалением легких и только через две недели начал постепенно поправляться. Мне пришлось неотлучно быть около него.

Зажили по-новому, своеобразно. Для хозяйки и соседей мы коммерсанты, промышляем сахаром и мукой. Чтобы оправдать свое звание, Антон время от времени приносил сахар, купленный на рынке, и уступал его хозяйке по цене значительно ниже своей стоимости. Это подкупало Баранову.

Чтобы дать более полную картину обстановки в екатеринбургском подполье к дню приезда туда Антона Валека, приведу выдержку из статьи кандидата истори-

ческих наук И. Ф. Плотникова «Большевистское подполье Екатеринбурга в период колчаковщины»[1].

«...В Екатеринбурге в первые месяцы белогвардейского режима среди коммунистов, оставшихся в городе, должной связи не было. При отступлении из Екатеринбурга Уральский обком партии предпринял некоторые меры по организации подполья в городе, но, как выяснилось позднее, далеко недостаточные.

...Немало коммунистов остались в городе по различным причинам, помешавшим им своевременно эвакуироваться. Пламенный советский патриотизм звал коммунистов на изыскание путей к объединению и созданию подпольной организации. Для коммунистов, оставшихся на свободе, являлось настоятельной потребностью во что бы то ни стало связаться с арестованными товарищами. Первые усилия коммунистов Екатеринбурга и были направлены в эту сторону. Организовалось несколько небольших групп, ставивших на первых порах своей целью оказание материальной и моральной помощи товарищам, заключенным колчаковцами в тюрьмы, и по возможности организацию их побега. Одной из наиболее инициативных групп была группа, в которую входили Илья Дукельский, Владимир Шепелев, Моисей Брод, Аркадий Брагинский и Ефим Шепелев. Вслед за этой «пятеркой» вскоре сложилась и стала действовать подпольная военная группа. Группа И. Дукельского, В. Шепелева и других связалась с коммунистами, сидевшими в тюрьме, посылала туда хлеб, деньги, белье, изготовляла паспорта для тех, кому удавалось бежать. Связь с товарищами в тюрьме укрепилась и стала шириться после того, как И. Дукельский и М. Брод были арестованы и брошены в тюрьму. Через несколько месяцев М. Брод был выпущен из тюрьмы и явился основной нитью группы для связи подполья через И. Дукельского с тюрьмой. Так удалось узнать много подробностей о том, кто находится в тюрьме,— является ли он надежным, кто в чем нуждается, а главное — кто остался еще «на воле», его адрес для связи.

Работа группы подпольщиков ширилась, но не выходила за вышеуказанные рамки, чувствовалась неуверен-

[1] Опубликована в сборнике трудов Уральского политехнического института «Из истории Екатеринбургской организации большевиков». Вып. 1960 г., с. 86—88.

ность в действиях, отсутствие размаха и должной целенаправленности. Группа все время ощущала, как необходимы ей руководство и поддержка из Центра. После обсуждения сложившихся дел решено было непременно добиться связи с Центром и послать для достижения этой цели через фронт В. Шепелева. Но как раз в это время в Екатеринбург прибыл А. Валек.

...А. Валек сумел за короткое время связаться с екатеринбургскими большевиками. Решающее значение для развертывания подпольной работы имело установление Валеком связей с Алексеем Поповым — руководителем подпольной военной группы, с Александром Рябковым (Самковым), бежавшим из тюрьмы, и с группой И. Дукельского, В. и Е. Шепелевых и др. Работа по сколачиванию крупной подпольной организации развертывалась все шире. В руководящий партийный городской комитет — «тройку» вошли А. Валек (председатель), А. Попов и А. Самков» *.

Приехав в Екатеринбург, Антон не нашел ни одной уцелевшей явки. Что делать? Как связаться с екатеринбургскими большевиками? Антон принял правильное решение. Он пошел к тюрьме, где сидели большевики. Там ему удалось познакомиться с Лизой Коковиной, которая принесла передачу для брата Сергея Коковина. Он сидел в тюрьме с первых дней захвата Екатеринбурга белогвардейцами. Лиза в свою очередь познакомила Антона с Таней Сибирцевой и Валентиной Лебедевой — женами томских большевиков, привезенных в Екатеринбург в качестве заложников.

Лебедева, маленькая, красивая и энергичная женщина, делала очень много для помощи политзаключенным. Участвовала в благотворительных концертах как пианистка, несколько раз ездила в Томск, привозила оттуда деньги, продовольствие, одежду, белье и все это ухитрялась передавать нашим товарищам в тюрьму.

Через Таню Сибирцеву Антон связался с коммунистом Моисеем Бродом, шапочником по профессии. Тот с приходом белогвардейцев был арестован, но вскоре изза отсутствия улик освобожден. Брод входил в подпольную партийную организацию и отвечал за связь между «волей» и тюрьмой.

Удостоверившись в личности Антона, Брод свел его с группой подпольщиков — сбежавшим недавно из тюрьмы Александром Самковым (Рябковым), Андреем Пав-

лениным, Иваном Анкудиновым, Пелагеей Державиной, Зинаидой Устьянцевой и другими. Самков устроил встречу Антона с руководителем подпольной пятерки Алексеем Яковлевичем Поповым. В нее, помнится, входили Глинских, Барышников и другие.

День за днем подпольный комитет укреплял связи и расширял поле своей деятельности. Обязанности в комитете были распределены так: за Антоном, как председателем, общее руководство, помимо того он отвечал за партийную работу на железной дороге; Попов руководил печатью и, как военный человек, вел работу среди воинских частей; Самкову была поручена связь с тюрьмой, изыскание средств для заключенных и другое.

Комитет обрастал надежным активом. Так, например, работой среди молодежи занимались товарищи Илья Дукельский и Аркадий Брагинский. Дукельский, хороший пропагандист, пользовался у молодежи большим авторитетом. Брагинскому кроме агитационной работы было поручено обеспечивать паспортами и другими документами товарищей, бежавших из тюрем, или тех, которым нужно было по каким-либо причинам перейти на нелегальное положение.

С целью строгой конспирации были организованы изолированные пятерки. Связь комитета с ними поддерживалась лишь через их руководителя.

Антон часто проводил инструктивные совещания, причем мне приходилось слышать, как он учил новичков правильно держать себя в стане врагов.

— Вы провалитесь, если будете ходить на цыпочках, озираться по сторонам, с поднятым воротником пальто, надвинутой на глаза шапкой. Вы этим сами поможете шпикам разоблачить вас.

Сам он всегда ходил смело, с независимо поднятой головой, держал себя свободно, что не раз спасало его от преследования агентов. О его выдержке рассказывал товарищ Родионовский, один из руководителей пятерки:

«У нас шло совещание на конспиративной квартире по Успенской, 48 (ныне улица имени Вайнера). Обсуждали план работы подполья. Вдруг в коридоре раздался звон шпор. Антон сменил разговор, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Мы думали, что нас накрыла контрразведка. Но на этот раз тревога была напрасной. Офицеры приходили к хозяйке узнать, нет ли свободных комнат».

Скоро сеть партийных ячеек, или пятерок, расширилась, они были созданы на заводах, фабриках, мельницах, среди железнодорожников, кустарей, учащейся молодежи и даже колчаковской милиции.

Вначале наши пятерки ограничивались лишь устной агитацией. Но скоро удалось наладить печатание листовок типографским способом. Заходя в типографию под видом заказчика, Антон с помощью коммуниста Гольдберга (имя не помню) установил тесные связи с типографскими рабочими. Они охотно согласились в ночную смену печатать наши листовки. Автором первой листовки был Алексей Попов *.

«Товарищи рабочие,— говорилось в ней,— белогвардейцы ведут Россию к новой монархии. Спасайте завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей рабочий класс от гнета капиталистов. Всеми силами поможем советским войскам разгромить колчаковские полчища, очистим наши советские города от белогвардейской нечисти!»

Серьезная работа проводилась среди железнодорожников. Они всеми мерами должны были тормозить продвижение воинских поездов, идущих на фронт с вооружением и войсками. По чертежу Антона были отлиты стальные конуса, которые привинчивались к рельсам, и этим способом поезда пускали под откос.

Комитет также поставил задачу — развернуть пропаганду среди мобилизованных солдат белой армии, особенно среди чехов. Многие из них еще верили своим командирам, считали, что, борясь с большевиками, спасают Россию от варваров, разрушителей культуры и цивилизации.

Этой работой занималась пятерка товарища Попова. Они выявляли среди чехов людей, которые понимали, что их обманными лозунгами заставили воевать против Советской России. Так, например, чех Косулик своей агитацией во многом помог открыть солдатам глаза на их черное дело.

Большевистская агитация возымела действие. Чехи начали отказываться идти на фронт, требовали отправки на родину. В Екатеринбурге около семисот чешских солдат были заперты в помещении гранильной фабрики, как бунтовщики, за отказ воевать. У Кунгура чехи открыли участок фронта. В Омске две тысячи чешских солдат отказались идти на фронт. Таким образом, если чехи

вначале были основной силой колчаковщины в борьбе с Красной Армией, то теперь эта сила стала ненадежной. И произошло это в значительной степени в результате распространения большевистской правды, которая прокладывала себе дорогу к разуму и сердцу простых людей, одетых в мундиры чехословацкого корпуса.

Возникла необходимость работы среди молодых колчаковских офицеров, многие из них в узком кругу выражали резкое недовольство политикой колчаковщины. Об этих настроениях поручик коммунист Ефим Шепелев, мобилизованный в белую армию, рассказывал Антону. Тот советовал:

— Играй с ними в карты, посещай их банкеты. Да не смущайся. Это необходимый метод работы среди врагов.

Возможности для такой работы у Ефима Шепелева были. У его старшего брата на квартире жил крупный колчаковский чин. По вечерам к нему приходили офицеры, играли в карты, пили вино. Как офицер и как родственник хозяина квартиры, Ефим был вхож в эту компанию, чем и стал пользоваться очень умело.

Часовая мастерская большевика Самуила Буздеса по бывшей Успенской улице, дом № 48, служила конспиративной квартирой подпольного партийного комитета. Конспиративные явки были также в квартире большевика Вульфа Голубя на Ломаевской улице (теперь улица Февральской революции) и у Тани Сибирцевой на улице Коковинской (ныне улица Шейнкмана). Здесь готовили передачи для политзаключенных, хранили нелегальную литературу, укрывали товарищей от преследования контрразведки.

По улице Спасской в доме № 49 у молодого человека Василия Старцева была явочная квартира *. Он работал конторщиком в городской управе и с места работы доставал бланки со штампами и печатями, химические чернила и массу для шапирографа, на котором печатались нелегальные листовки.

Пелагея Державина, Галина Сушенцова, Зинаида Устьянцева и Анна Маркова состояли в одной пятерке и успешно выполняли различные задания подпольного комитета — устанавливали связи на предприятиях, распространяли листовки и билеты на спектакли и концерты в пользу заключенных. Организатором концертов был у нас музыкант Василий Родионовский.

По заданию комитета в марте 1919 года в Пермь были

командированы Самков, Павленин и Державина. Им было поручено забрать спрятанные в тайнике типографское оборудование, партийные деньги и документы и доставить все это в Екатеринбург. К великому несчастью, контрразведка выследила товарищей, устроила засаду и арестовала. Однако Самков успел передать в Екатеринбургский комитет сигнал о неблагополучии условленной телеграммой «Зина заболела». Товарищей судили и по приговору военно-полевого суда казнили в разное время.

Моисей Брод и Таня Сибирцева наладили связь с сидевшими в тюрьме томскими «комиссарами» Иваном Лебедевым, Исаем Нахимовичем, Феоктистой Жарковой, Коганом, Мараевым, Ильяшенко (имена не помню), Вениамином Вегманом и другими.

К сожалению, только одному из них — Когану — удалось устроить побег из больницы. На квартире Сибирцевой его переодели и снабдили паспортом. Из тринадцати же других томских «комиссаров» в живых остались лишь Ильяшенко, Жаркова, Вегман и Лебедев. Остальные погибли при эвакуации на восток.

Колчаковские тюремщики были вынуждены периодически разгружать донельзя переполненные тюрьмы. Партии по 60—100 человек отправлялись в разные города на восток. Происходило это вечером или на рассвете.

Подпольная организация умело использовала такие разгрузки. К тюрьме мы посылали группу товарищей, преимущественно женщин. С корзинами и узелками, выдавая себя за родственников отправляемых, они с криками и плачем кидались к строю, прорывали цепь конвоиров, стараясь наделать как можно больше шума и суматохи. Когда озверевшие конвоиры, действуя прикладами, выталкивали «провожающих» из рядов, вместе с ними ускользало несколько заключенных. Таким образом, в частности, был в свое время устроен побег Александра Самкова (Рябкова).

Часто, вернувшись домой, Антон выражал неудовольствие:

— Медленно все-таки двигается наша работа. А фронт требует быстрой, немедленной помощи.— Помолчав, он тут же давал новое поручение: — Собери руководителей «пятерок» назавтра к шести по Успенской, сорок восемь. Будь осторожна, не приведи «хвостов».

Сбор парторганизаторов Антон обычно поручал мне.

Так в напряженной, кропотливой и опасной работе

большевистского подполья прошло почти три месяца. И каждый прожитый день можно было считать нашей победой. За это время большевики-подпольщики сделали многое, расшатывая и разлагая колчаковский тыл *.

Работать приходилось в очень тяжелых условиях. Мы все время ходили по краю пропасти. А обстановка становилась все накаленнее. Часто в разговоре кое-кто завидовал тем, кто воюет на фронте. Там, по крайней мере, все на виду, борьба идет в открытую. На это Антон неизменно отвечал:

— Трудно, конечно. Ну что ж, тем больше чести для нас. Мы стоим на том посту, куда нас поставила партия. Значит, и разговаривать не о чем.

В конце марта 1919 года из Челябинска прибыли в Екатеринбург Мария Оскаровна Авейде и Владимир Вожаков. Им было поручено принять у Антона дела и остаться здесь для руководства подпольем. Антону же надлежало выехать в Омск и другие города для укрепления сибирского подполья.

Мария Авейде была хорошо известна екатеринбургским и самарским рабочим как стойкий борец против самодержавия, активная участница еще первой русской революции. Антон мог спокойно передать дело в ее надежные руки.

Но переехать в Сибирь нам не удалось.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Случилось непоправимое — Екатеринбургская подпольная организация в конце марта 1919 года была раскрыта *.

Мы с Антоном арестованы. В нашей квартире в засаде остались агенты. На другой день туда пришел Брод и узнал о нашем аресте. Агенты не арестовали Брода, а стали за ним следить. На другое утро он пошел к Брагинскому сказать о случившемся, а тот в свою очередь предупредил Владимира Шепелева и Дукельского, после чего все они были арестованы.

В упомянутой уже мною статье «Большевистское подполье Екатеринбурга в период колчаковщины» сообщаются такие подробности провала:

«А. Валека и многих других выдал предатель С. Логинов, знавший о прошлой и настоящей революционной

деятельности «Якова». Помимо С. Логинова предателем оказался и М. Вейнберг. Неопровержимым доказательством их предательства является протокол белогвардейского суда. Из протокола белогвардейского военно-полевого суда в г. Екатеринбурге от 26 апреля 1919 года следует, что Логинов объяснял приезд в Екатеринбург своим будто бы исключительно тяжелым материальным положением, заставившим его взять 300 тысяч рублей от ВЦИК. Суд отметил, что Логинов о подпольной организации «своевременно не донес». Отсюда ясно, что он донес, хотя и не так быстро, как хотела бы контрразведка Колчака. Логинов, пресмыкаясь перед судом, стремясь во что бы то ни стало сохранить свою шкуру, слезно, как говорится в протоколе, «взывал к чувству офицеров, просил даровать ему жизнь, обещая в бою отдать ее на благо родины».

10 апреля 1919 года уполномоченным командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбургском, Пермском, Кунгурском, Камышловском, Шадринском, Красноуфимском, Ирбитском и Верхотурском уездах был издан приказ, в котором говорилось: «Объявляю для сведения, что в первых числах апреля текущего года Военным контролем г. Екатеринбурга была обнаружена полностью преступная большевистская организация, во главе которой стоял Антон Валек, состоявший начальником контрразведки красных всей Сибири до Иркутска включительно и главой тайной коммунистической организации г. Екатеринбурга. 4 апреля восемь человек из этой организации командующим Сибирской армией были преданы военно-полевому суду по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 51, 100 и 108 Уголовного уложения. Военно-полевой суд приговорил всех обвиняемых к смертной казни. Приговор, утвержденный командующим Сибирской армией, приведен в исполнение 8 апреля сего года»[1].

Эти восемь человек были: Антон Яковлевич Валек, Мария Оскаровна Авейде, Владимир Алексеевич Вожаков, Вульф Аронович Голубь, Моисей Шлемович Брод, Франц Оттович Вальтер, Самуил Моисеевич Буздес и Елизавета Константиновна Коковина *.

[1] Из истории Екатеринбургской организации большевиков, с. 96—97.

А теперь, как очевидица этих событий, расскажу, как все это было.

В ночь на 31 марта раздался протяжный, прорезавший ночную тишину звонок у нашего подъезда. Антон вскочил, прислушался — звонок повторился.

— Уже! — только и сказал Антон, накинул поверх белья пальто и пошел к парадному.

Вскоре он вернулся и шепотом сообщил:

— Это Логинов... В Челябинске провал... Он просит выйти на улицу... сообщит подробности. На всякий случай приготовь «спички».

«Спичками» у нас называлась коробочка с секретными документами.

Наскоро надев брюки и обувь, Антон открыл дверь, но тут же раздался окрик:

— Стой! Руки вверх! Вы арестованы.

В комнату ворвался десяток белогвардейцев с револьверами в руках. Вслед за ними с видом побитой собаки вошел и Логинов. Я в потемках впопыхах накинула платье и шаль и со «спичками» в левой руке подошла к Антону.

— Лампу! — крикнул колчаковский офицер.

Хозяйка вышла из своей комнаты с зажженной лампой. Поняв, в чем дело, истерически завопила:

— Боже! В моем доме большевистское гнездо!

Она хотела запустить лампой в Антона, но стоявший рядом конвоир схватил ее за руки, отобрал лампу и выставил из комнаты.

Короткий допрос, и белогвардейцы приступили к обыску.

Обыск длился около трех часов. Выстукивали стены, приподнимали доски пола, расшвыряли книги, постель, заставили поднять беспечно спавшего Шурика. Но обыск ничего компрометирующего нас не дал.

Колчаковец, утирая платком вспотевший лоб, обратился к Антону.

— Неважно, что при обыске ничего не обнаружено. Мы знаем все: вы не Богданов Яков Семенович, ваша настоящая фамилия Валек и зовут вас Антоном. Паспорт у вас подложный, находитесь вы здесь по заданию вашего большевистского центра для свержения существующего строя.

Такая осведомленность контрразведки нас ошеломила больше, чем сам арест. Было ясно, что это не обычная

уловка врага. От какого же провокатора эта информация? Неужели Логинов? Какова его роль в нашем аресте? Случайно ли он оказался у наших дверей именно сейчас? Кружилась голова от мучительных мыслей.

Уже позднее, в контрразведке, мне стало ясным многое. Непосредственным виновником нашего ареста был безусловно Логинов. Еще до того, как выдать нас, он указал агенту контрразведки адрес М. О. Авейде и В. А. Вожакова, только что прибывших из Челябинска. Будучи арестованным, Логинов сам вызвался указать квартиру руководителя подполья Антона Валека, рассчитывая благодаря этому получить снисхождение от колчаковского суда.

Эти сведения я получила от арестованной вместе с Логиновым жены З. Лобкова О. Д. Гержеван-Латти.

Несомненно также, что провал челябинского подполья и арест в Перми наших товарищей Самкова, Павленина и Державиной тоже дали в руки контрразведки кое-какие нити для раскрытия Екатеринбургской подпольной организации. Хотя наши товарищи, несмотря на зверские пытки, никого не выдали, все же колчаковцам стало ясно, что в Екатеринбурге действует крупная большевистская подпольная организация.

И все же решающий удар нанесло нам предательство Логинова и Вейнберга, что с полной очевидностью доказывают ставшие известными материалы белогвардейского военно-полевого суда *.

Но все это стало известно позже, а сейчас мы с Антоном мучительно думали об одном: в чем причина провала? Как далеко это идет?

Улучив момент, Антон шепнул мне:

— Крепись. До расстрела будут пытать.

Окрик конвоира заставил Антона отодвинуться.

Я не забывала, что у меня в руках «спички» (партийные явки, отчеты о работе и пр.), если их обнаружат — неминуемая казнь... Я обратилась к офицеру Куржанскому:

— Разрешите выйти на минуту.

Тот молча кивнул головой конвоиру, он с шашкой наголо провел меня до уборной во дворе.

Коробочка брошена в яму. С болью в сердце вернулась я в комнату — уничтожила то, что свято хранила, как партийный билет.

Встретив встревоженный взгляд Антона, глазами ответила: все в порядке.

Нас несколько удивлял колчаковец капитан Куржанский, проводивший допрос и обыск. Он сравнительно вежливо обращался с нами, а в конце концов даже пустился в философию: «Мы-де тоже социалисты, только к цели идем медленнее, постепенно. Позже я узнала, что за либеральность он попал в опалу.

Обыск был окончен, но чего-то ждали. Уже с рассветом в квартиру вихрем ворвались два колчаковских офицера. Один в светло-серой шинели, с бледным хищным лицом — заместитель начальника контрразведки Шуминский, другой в солдатской шинели — комендант Верх-Исетска, палач Ермохин.

— Ну, где оружие, где деньги? — зло закричал Шуминский.

Куржанский виновато развел руками — не обнаружено.

— Разложить обоих вот здесь и пороть, пороть, пока не скажут, где спрятано,— орал Шуминский.

Однако пороть нас здесь не стали. Для этого был свой застенок. Нам приказали собираться.

Пока мы собирались, Ермохин в поисках улик как одержимый метался по квартире, при этом его длинная нагайка, надетая на руку, постукивала о пол свинцовым наконечником. Лицо его с опущенными вниз углами рта и серо-мутными глазами походило на морду бешеного животного.

Сначала в сопровождении Шуминского, Ермохина и части конвоиров увели Антона, вслед за ними отправили Логинова. Под охраной белочеха и двух конвоиров я осталась в квартире.

Незаметно подошла я к окну нашей комнаты, раздвинула занавеску в обе стороны, что означало — «к нам заходить нельзя».

Как вечность тянулось время ожидания. Шурик безмятежно спал, он был слишком мал, чтобы понять, какая беда постигла его родителей.

Часа через два меня с ребенком на руках в сопровождении вооруженной охраны увели в колчаковский застенок на Главном проспекте. Встречные изумленными взглядами провожали странное шествие — женщину с ребенком на руках в сопровождении конвоиров с шашками наголо.

Поместили меня в комнату, расположенную, как оказалось после, рядом с той, где находился Антон. Здесь, в комнате машинисток, стояло старое кресло, которое я с Шуриком и заняла.

В нашей квартире была оставлена засада, чтобы поймать в паутину новые жертвы. Нам грозил расстрел. Другого мы не ждали. Мысль о товарищах, которые, быть может, тоже стали жертвой предательства, не давала покоя. Что на воле, одни ли мы арестованы или раскрыта вся партийная организация?

Разные предположения, как тяжелые камни, ворочались в голове. Логинов... Его появление совпало с приходом колчаковцев... Странная случайность. Во время обыска и нашего ареста он сидел в углу проходной комнаты, потупив голову, не смотрел в нашу сторону и усиленно курил.

Логинова мы знали мало. Бывший офицер царской армии, он вступил в партию после Октября, работал в Омске в финансовом отделе. Знали, что он был направлен из Москвы через фронт для работы в большевистском подполье *.

Вечером нам разрешили свидание. Антон пришел в сопровождении конвоира. Спокойный на вид, он внимательно расспросил о моем самочувствии, о том, как мы с сыном провели день, упрекнул, что я забыла о еде, передал мне свежую сайку.

Как много было вопросов и как мало можно было сказать... Заметив, что я смотрю на его опухшие руки, улыбаясь, сказал:

— Это результат первой «бани», которая, наверное, повторится еще не раз.

Говорить о чем-либо серьезном не пришлось. Рядом стоял колчаковец, он торопил нас.

Уже поздно вечером в контрразведке стало тихо, стук машинок постепенно смолк. И тогда я услышала стоны в соседней комнате. Что это, неужели то страшное, что предвидел Антон? Я невольно закрыла глаза, и мне представился человек, распластанный на полу, с заткнутым ртом, извивающийся под ударами шомпола.

Выйдя на следующий день во двор под конвоем, я увидела Антона, лежавшего на скамейке у крыльца. На земле виднелись пятна крови.

— Да, да, снова пытки. Скорее бы они кончились,— ответил он на мой безмолвный вопрос.

Обычно пытки проводились по ночам. Присутствующие при этом палачи Шуминский и Ермохин часто не доверяли карателям, подозревая их в жалости к избиваемым, вырывали из их рук нагайки, зверея, принимались сами истязать свои жертвы.

Тело Антона покрылось черными пятнами, кровавыми подтеками. Он до суда получил более 400 ударов нагайкой.

Прошел еще один день. Контрразведка гудела, сотрудники — военные и штатские — бегали из комнаты в комнату, машинки стучали беспрерывно. Помещение кишело охранниками с эмблемой смерти на груди (череп и кости). В смежную, большую проходную, комнату приводили все новых и новых арестованных. Знакомых среди них не было. Здесь же, видимо за недостатком помещения, допрашивали людей, обвиняемых в сочувствии Советской власти, большевикам. Это были в большинстве случаев перепуганные обыватели, задержанные по доносам таких же обывателей.

При следующем свидании я увидела на Антоне новые, свежие следы пыток. Улучив момент, он засучил рукава пиджака и показал арестованным свои руки. Они были сплошь покрыты черными подтеками.

— Они жалеют, что у меня только одна жизнь, наслаждаются муками своих узников,— сказал он и, обернувшись к двери, с ненавистью добавил: — Ну что ж, палачи, бейте, плетки и шомпола в ваших руках. Но не долго вам властвовать. Наши придут!

Когда мы остались одни, Антон, заботясь о моей участи, учил, как мне вести себя здесь. Настойчиво предлагал скрывать причастность к подпольной организации.

На мой вопрос, знает ли он, кто виновник нашего провала, Антон без колебаний ответил:

— Предатель мой сосед — Логинов.

Логинова, оказывается, поместили в той же комнате, что и Антона, перегородив ее шкафами.

— Логинов, видимо, не знает о твоем участии в работе, а те из арестованных, которые знают тебя, не выдадут. Зачем давать врагам лишнюю голову,— убеждал Антон.

До сих пор я как-то не задумывалась над своей участью, все мои мысли сосредоточились на Антоне. Вспоминалось, что он всегда был крайне чувствителен к физической боли. Это сказывалось нервное напряжение дол-

гих лет подполья, тюрем и ссылок. И вот сейчас он выносит такие адские, нечеловеческие муки! Глядя на лицо Антона, хотя и спокойное, но измученное, я силилась найти слова утешения и поддержки. Да разве слова имели сейчас какое-либо значение? Хотелось разделить страдания мужа, принять на себя часть мук. Силой воли я удерживалась от слез, они причинили бы ему дополнительную боль.

Меня перевели в другую комнату. Здесь находились арестованные по нашему делу Мария Оскаровна Авейде и Ольга Даниловна Гержеван-Латти. Сюда же перевели и Логинова. Здесь я узнала подробности провала.

30 марта днем к Логинову пришел молодой человек, поздоровался и сказал: «Привез вагон железа, принимайте». Это был условный пароль. Назвавшись Ивановым, он присел, ножом приподнял подошву ботинка, вынул записку от Залмана Лобкова. В ней сообщалось, что товарищ посылается для связи и помощи в работе.

Иванов поинтересовался делами подполья, узнал у Логинова, где проживают приехавшие из Челябинска Матвеева (Авейде) и Вожаков. Пришедшей Ольге Даниловне, которая проживала в той же квартире, для конспирации изображая жену Логинова, тот передал записку от ее мужа Лобкова и скоро ушел.

Вечером того же дня Иванов снова пришел к ним, но... уже в форме колчаковского офицера. Коротко приказал:

— Следуйте за мной, вы арестованы.

Предварительно он произвел обыск в их комнате, потребовал чемодан с «двойным дном», вынул из него крупную сумму денег, полученную Логиновым в Москве на нужды партийной работы, и повел арестованных в контрразведку.

Через час приведенный к Ольге (как бы на свидание с женой) Логинов шепотом спросил у нее адрес Антона. Та с удивлением и испугом спросила: «Зачем тебе нужен его адрес?» Логинов промямлил: «Хочу его предупредить, здесь есть свой человек».

Ольга не поверила и сказала, что наш адрес ей неизвестен. Логинов, зная, что белогвардейцы не пощадят его за связь с подпольем, решил предательством спасти свою шкуру. Приблизительно он знал, где мы живем. Он проплутал с отрядом колчаковцев до полуночи и все же привел их к нашей квартире.

На следующем свидании я сообщила Антону, что Логинов, видимо, предал не только нас, что схвачены и Авейде и Вожаков, а может быть, и многие другие...

— Ну, что же,— устало проговорил Антон,— спасется от белых, получит возмездие от красных!

Марию Оскаровну Авейде я раньше не встречала. От мужа знала, что по заданию Урало-Сибирского бюро она приехала из Челябинска принять дела подполья от Антона. Жила она на нелегальном положении, с паспортом на имя Марии Петровны Матвеевой. Хорошо я ее узнала только сейчас, находясь с ней в одной комнате в контрразведке. От ее серо-голубых глаз, от круглого с веснушками лица исходила удивительная теплота и добродушие. Мне казалось, что мы давным-давно знакомы.

Авейде всецело принадлежала делу революции, активно участвовала еще в первой русской революции 1905—1907 годов. При колчаковщине Мария Оскаровна, оставив троих детей у знакомых, не покладая рук работала в подпольных организациях. В Самаре была арестована и отправлена в Сибирь в «поезде смерти». По дороге ей удалось бежать.

Тогда-то она и вернулась на Урал, чтобы снова бороться с врагами. Екатеринбург ей был знаком хорошо. Да и рабочие здесь знали ее как пропагандиста и ласково называли «наша Оскаровна».

С первых часов ареста Мария Оскаровна была избита нагайками, с трудом сидела, со стоном ложилась на скамейку, подложив под себя дешевенькое драповое пальтишко. Сидя как-то и рассматривая недавно купленные простые черные кожаные ботинки, она, покачивая головой, тихо проговорила:

— Вот купила, потому что старые совсем износились, а зачем они мне сейчас?

Сама мать и бывшая учительница, она все дни забавляла Шурика всякими шариками, игрушками, сделанными из простой газетной бумаги. Играя с ребенком, она забывала, что ей так мало осталось дышать, видеть солнце, жить!

Как-то вечером мы вышли вместе под конвоем во двор, Мария, глядя на небо, на звезды, тихо вздохнула: «Мир так велик, жизнь так прекрасна, а я будто нахожусь в глухой глубокой яме, где нет и не будет света и воздуха».

Здесь же, в комнате, где мы сидели, белогвардеец подозвал ее к столу на допрос.

— Ну, скажи, комиссарша, как ты комиссарила в своей Совдепии и что ты делала у нас?

— А я не комиссарила, я учительница, работала в школе, учила детей.

— Ну, положим. А сейчас?

— И сейчас поступила в школу учить детей,— спокойно отвечала она, слегка облокотившись на стул.

— Ну... а в бога веришь, священник тебе нужен будет?

Она, помолчав, спокойно ответила:

— В бога я не верю, а священника... вы себе припасите, он вам скоро понадобится.

Был ли это официальный допрос или очередное издевательство над арестованной? Но последние слова Марии Оскаровны заставили беляка поморщиться. Сидя невдалеке и слушая вопросы беляка и спокойные ответы Авейде, я восхищалась ею и думала: «Разве можно победить народ, где есть тысячи таких, как Мария Оскаровна, стойких женщин?»

В нашу комнату однажды ввели арестованную Лизу Коковину. Это была невысокого роста шатенка, остриженная по-мужски, голубоглазая, с крупными веснушками на лице. Войдя, она огляделась вокруг и поздоровалась с нами. Лизу я знала хорошо. Это через нее Антон установил связь с политзаключенными, через нее же мы организовывали передачи в тюрьму. Ее брат Сергей сидел там как активный участник подполья.

Сергея Коковина арестовали на конспиративной квартире по улице Водочной, 97 (ул. Мамина-Сибиряка) вместе с хозяйкой квартиры Бораковой и ее грудной дочкой. В контрразведке он попал в руки палача Ермохина. Они в свое время вместе учились в четырехклассной школе. Ермохин подверг Сергея зверским пыткам. Но никаких признаний добиться не мог.

До своего ареста Сергей официально не был оформлен в партии. И вот, когда ему объявили о вызове на суд, он обратился к товарищам по камере:

— Товарищи! Если я буду приговорен к смертной казни, считайте меня большевиком.

После того как ему был вынесен смертный приговор, на обратном пути из суда в тюрьму Коковин громко крикнул на всю улицу:

— Да здравствует Советская власть! Мы победим!

За это охранники избили его прикладами.

Лизу арестовали за записку, найденную в хлебе для передачи заключенным. В конспирации она была новичок, да к тому же излишне простодушна.

Когда в комнате не было охранника, я ее предупредила:

— Лиза, вы здесь никого не знаете и я вас не знаю. Поняли?

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Как это... ведь я у вас несколько раз была? Вы разве забыли?

Продолжать разговор не пришлось, нам помешали. Офицер подозвал Лизу к столу для допроса.

— Ну, скажи, зачем ты запекла записку в хлеб?

— У меня ее так не приняли бы, вот и запекла.

— А кто тебя этому научил?

— Никто, сама.

— Ну, а Якова Семеновича Богданова ты знаешь?

У меня дух захватило в ожидании ответа.

— Да, знаю,— простодушно ответила Лиза и этим самым вынесла себе смертный приговор.

Больше вопросов офицер не задавал. Лиза была причислена к группе Антона Валека.

4 апреля в одной из комнат контрразведки с полдня заседал военно-полевой суд.

Судили первую группу подпольщиков из восьми человек. Вернее, это была формальная процедура с заранее предрешенным исходом.

Из нашей комнаты вызваны были на суд Мария Оскаровна Авейде и Елизавета Коковина. Авейде молча простилась со мной и несколько раз поцеловала Шурика, очевидно, мысленно прощаясь со своими детьми.

Суд продолжался до вечера. Затем всех осужденных перевели в отдельную комнату, так называемую комнату смертников.

Прошла тревожная бессонная ночь. Мы напряженно прислушивались к шорохам в комнате, где находились осужденные, хотелось услышать их голоса, голоса еще живых.

6 апреля я начала просить встречи с мужем. Свидание мне разрешили только около трех часов дня. А утром охранник из комнаты смертников принес мне полбутылки фруктовой воды и пирожное.

— Это вам от мужа. Он просил принести ему сына.

Охранник взял мальчика на руки, а минут через десять вернулся с ним обратно.

Получив разрешение на свидание, я долго думала, как мне держать себя. Хватит ли силы, чтобы сохранить спокойствие, не причинить Антону лишнюю боль. Я представляла себе людей, которым осталось жить несколько часов, убитыми горем. Мне хотелось выглядеть стойкой, приветливой, что могло принести Антону и его товарищам некоторую отраду. В то же время я чувствовала, что мне это плохо удастся, слишком глубоко было мое горе.

С сыном на руках в сопровождении конвоира я подошла к дверям комнаты смертников. Часовой отворил дверь и пропустил меня. Навстречу поднялся Антон. Он наклонился и, целуя меня и Шурика, тихо проговорил:

— Рая, больше спокойствия и бодрости. К тому же у нас сегодня большая радость...

Меня окружили товарищи, у них были оживленные лица. А я ничего не понимала — какая может быть радость у приговоренных к смерти?

Авейде обняла меня и, протягивая газету, спросила:

— Читала? В Венгрии революция, провозглашена Советская власть!

— Да, Рая, поздравляю! И по этому случаю выпьем.

Антон поднес мне стакан с фруктовой водой.

— Сейчас революция в Венгрии, а там, глядишь, и в других странах!

Осужденные на смертную казнь переживали последнюю радость в своей жизни, уверенные, что дело, за которое они умирали, восторжествует во всем мире.

Антон взял из моих рук сына, высоко поднял его.

— Товарищи, наш Шурик — дитя революции, у него и у братишек не будет скоро родителей, но их воспитает наша партия, Советская власть, она скоро и обязательно победит!

Не верилось, что у этого человека, полного сил и веры в счастливое будущее, белогвардейские палачи скоро отнимут жизнь.

— Не вешать головы, товарищи. Нас не будет, но наше место в строю займут тысячи и продолжат дело революции до полной победы над врагом, до коммунизма!

Заметив тень грусти на моем лице, он посмотрел мне в глаза:

— А ведь мы, Рая, славно пожили с тобой. Жаль, мало сделать удалось.— Помолчав, Антон продолжал: — Если ты останешься в живых, воспитай наших мальчиков большевиками, борцами за Советскую власть. Расскажи им, как мы боролись и умирали.

Его слова прервал окрик охранника:

— Свидание окончено. Выходи!

Я не в состоянии была сдвинуться с места, хотелось остаться рядом с мужем, с товарищами до конца. На меня напало какое-то оцепенение, не находилось нужных слов.

На всю жизнь запомнилось постаревшее за эти страшные дни, давно не бритое, отекшее лицо Антона, поседевшие виски и белая пуговка на его расстегнутой серой в полоску рубашке.

Ко мне подошли проститься Авейде и другие товарищи. В последний раз всматривалась я в дорогие лица боевых соратников Антона.

Вот стоят они рядом, его близкие друзья: Владимир Вожаков, Самуил Буздес, Вульф Голубь, Мария Авейде, Франц Вальтер, Моисей Брод.

Раздался вторичный окрик охранника.

— Ну, родная, прощай и не горюй,— ласково сказал Антон.— И помни все, что я тебе сказал.

Охранник грубо вытолкнул меня из комнаты смертников. Я вышла опустошенная, обессиленная, словно у меня внутри оборвалось что-то.

Вернувшись в свой угол, дала волю слезам, но они не облегчили меня.

Незабываемое впечатление оставило у меня это последнее свидание. Снова и снова вставали перед моими глазами осужденные на смерть товарищи.

Удивительные люди! Они спокойно говорили об ожидающей их казни, как будто речь шла не о них.

— А чего еще можно ожидать от смертельных врагов,— рассуждала Мария Оскаровна Авейде,— тем более что Красная Армия громит их на всех фронтах.

Антон и Мария Авейде держались особенно спокойно и уверенно, они все время подбадривали остальных осужденных, особенно Лизу Коковину.

Вся короткая жизнь Антона снова прошла перед моим мысленным взором. Баррикадные бои, подполье, тюрь-

мы, ссылки, побеги и бесконечные скитания. Антон никогда не считал свои действия героическими, он просто, как солдат революции, делал то, что приказывала партия, шел туда, куда она посылала. Всегда бодрый, жизнерадостный и готовый преодолеть любые трудности, он смело шел по тернистым дорогам революции. И я тоже как-то не представляла его героем. Но вот сейчас, выйдя из комнаты смертников, с особой остротой поняла, что Антон — человек необыкновенный. Перед его стойкостью и мужеством, верностью идее, которой он служил, можно было преклоняться.

Многое, очень многое передумала я в эти скорбные дни!

Назавтра в свидании с Антоном мне было отказано.

— Начальством не разрешено,— коротко ответил прапорщик Григорьев.

Тогда я обратилась к Шуминскому, но и от него получила категорический отказ.

Вечером сквозь отдушину из комнаты смертников я услышала голоса. Там что-то громко читали, вероятно, приговор. Затем раздался голос Антона, просившего бумагу и чернила, чтобы написать жене последнее письмо. (Однако письма я так и не получила.) Минут через десять раздался топот, хлопнула дверь — осужденных уводили из помещения контрразведки.

На рассвете 8 апреля 1919 года в теплый весенний день на опушке леса за Верх-Исетским заводом в присутствии палачей Шуминского и Ермохина была совершена казнь. Вместе с Антоном Валеком были казнены отважные коммунисты-подпольщики: Мария Авейде, Моисей Брод, Самуил Буздес, Вульф Голубь, Франц Вальтер, Владимир Вожаков, Елизавета Коковина.

По рассказу одного из карателей, охранявших нас в контрразведке, накануне казни солдатам выдали водки, и они, пьяные, верхом на конях, шашками рубили осужденных.

Шуминский распорядился Антона казнить последним: «Пусть главарь видит казнь своих дружков». Но сердце Антона, подорванное тюрьмами, ссылками, а сейчас пытками, не выдержало: при виде казни своих товарищей у Антона произошел разрыв сердца, белогвардейские звери издевались уже над его мертвым телом.

После казни восьмерых белогвардейцы занялись второй группой, в которую вошли братья Шепелевы — Вла-

димир и Ефим, Илья Дукельский, Аркадий Брагинский, Александр Самков, Иван Анкудинов, Сергей Коковин и я.

Начались бесконечные допросы, пытки. Особенно зверски истязали Владимира Шепелева и Илью Дукельского как руководителей групп.

Несколько раз меня допрашивал какой-то беляк, вызывали на допрос к Шуминскому в два-три часа ночи. Каждый раз он допытывался о моем непосредственном участии в подпольной организации.

— Я уже вам сказала: ничего не знаю о работе большевиков. Мы намеревались открыть фотографию, а пока муж занимался коммерческими делами. Я собиралась ехать в Омск за своими двумя мальчиками.

— Вы валяете дурака! — кричал Шуминский.— Прожили с мужем больше десяти лет и не знаете, что он участвовал в революции, в свержении монархии? Не знаете, что он здесь готовил восстание против существующего строя?

Мои сравнительно спокойные ответы выводили палача из себя. Последние вопросы он задавал, стуча кулаком по столу.

— Вы знаете всех членов преступной большевистской организации. Кто они?..

Не добившись ничего, он меня отпускал, чтобы назавтра снова повторить допрос.

Скрывать свою причастность к подпольной организации настойчиво советовал мне Антон. К тому же вскоре я убедилась, что положение складывается для меня благоприятнее, чем я думала.

За время нашей работы в Екатеринбурге я редко бывала на конспиративных квартирах. По мнению Антона, мне не следовало показываться на людях, и это в значительной степени облегчило сейчас мою участь.

Очные ставки с домохозяевами, где были наши конспиративные квартиры, оказались в мою пользу. Они, внимательно глядя на меня, качали головами: «Нет, этой женщины у моего квартиранта я не видела», «Этой женщины у нас не было». Но все же я ожидала худшего.

16 апреля военно-полевой суд судил вторую группу подпольщиков.

Зашумела контрразведка, забегали чиновники, усилилась охрана. Вся группа, кроме меня, находилась в проходной комнате, но им не разрешали общаться друг с другом, попытки перекинуться несколькими словами

пресекались грубыми окриками карателей. Свидания с родственниками не были разрешены.

Военно-полевой суд приговорил к смертной казни Илью Дукельского, Владимира Шепелева и Сергея Коковина. Аркадий Брагинский был оправдан, так как всю вину взял на себя его дядя Владимир Шепелев. Дело Ефима Шепелева, как офицера, было выделено особо. Позднее по решению суда его отправили на фронт, откуда он перебежал к красным и в июле 1919 года вместе с советскими войсками вернулся в освобожденный Екатеринбург.

В ночь с 16 на 17 апреля 1919 года Владимир Шепелев, Сергей Коковин, Илья Дукельский были зверски зарублены шашками в лесу возле Верх-Исетского завода.

Владимир Шепелев был руководителем пятерки, которая вела работу среди рабочих и кустарей. Активный участник революции 1905—1907 годов Владимир в городе Чернигове работал в нелегальной типографии, которая находилась за городом в пещере. Из-за тесноты помещения и чтобы не оставались следы типографской краски на одежде, он и его товарищ работали в одном белье. При подавлении революции в 1906 году Шепелев был зверски избит полицией, шрам от нагайки остался на его лице на всю жизнь. Это был человек большой, благородной души.

Самым молодым из группы казненных был Илья Дукельский, очень красивый юноша: высокий, стройный, с шевелюрой черных вьющихся волос и лицом южанина. Он уже вторично попал в лапы белогвардейцев. Ученик 8-го класса гимназии Дукельский после установления Советской власти в Екатеринбурге, как активный организатор, был избран председателем ученического комитета. Вскоре после белогвардейского переворота в Екатеринбурге он был арестован и заключен в тюрьму, где почти ежедневно в течение шести месяцев подвергался зверским избиениям.

Когда Дукельский заболел туберкулезом, его освободили из заключения. Друзья и родные советовали ему уехать из Екатеринбурга, уверенные, что контрразведка его и дальше не оставит в покое. Но Илья категорически отказался отстраниться от подпольной работы в родном городе, стал руководителем партийной пятерки, продолжал пропагандистскую работу среди учащейся молодежи.

С провалом большевистской организации Илья был

снова арестован, снова подвергся пыткам. На запрос контрразведки директор гимназии Янец ответил: «Бывший ученик 8-го класса гимназии Илья Дукельский — ярый большевик...»

...Итак, в сопровождении прапорщика Григорьева и двух конвоиров меня привели на суд. У стола сидели три военных старика, увешанные медалями и крестами. Председательствовал полковник Власов. Здесь же присутствовал постоянный член военно-полевого суда Шуминский. Последовали знакомые вопросы: о моем участии в преступной большевистской организации, знала ли о революционном прошлом мужа. Процедура суда, вернее инсценировка, длилась не более десяти минут. Огласили приговор — к смертной казни. Чего же другого можно было ожидать?

Прапорщик Григорьев вывел меня из комнаты суда, передал тем же конвоирам. В коридоре один из гайдовцев, саженного роста солдат, зашипел на меня: «У, большевичка!» — и ударил прикладом в спину. У меня потемнело в глазах, и, чтобы не упасть, я схватилась за ручку дверей, ожидая следующих ударов. Меня это даже не удивило. В колчаковском застенке я достаточно насмотрелась пыток и издевательств над арестованными.

Вернувшись с заседания суда, я сообщила сидевшим со мной о приговоре и стала ждать конца.

Я сидела на подоконнике, товарищи окружили меня. Из сумочки вынула фотокарточку и на обороте написала: «Хорошая моя сестра Рахиль, это последнее, что я тебе пишу. Мои дети остаются пока на твоем попечении. Но я знаю, их не забудут.

Мои мальчики, Сеня и Миша! Ваш отец казнен, таков наш удел в борьбе. Ваша мама».

Что еще? Послать телеграмму сестре о немедленном приезде за Шуриком. Пусть уж все трое будут у нее... Пока. А там после нашей победы ей помогут... Мысли путаются, я не могу подобрать нужных слов, чтобы не убить известием сестру.

Ко мне подошел Логинов. Вкрадчивым голосом, чуть ли не шепотом, волнуясь, проговорил:

— Не беспокойтесь, я ваших детей не оставлю, я их обеспечу.

И пояснил, что своевременно успел перевести часть партийных денег матери в Омск. Какая подлость! Слов-

но мерзкий слизняк прикоснулся ко мне. Я резко ответила:

— Мои дети в опекунах-предателях не нуждаются, есть кому их воспитать.

Логинов, смущенный, отошел и дрожащими руками начал протирать очки.

Вскоре ко мне подошел чиновник контрразведки и начал успокаивать:

— Ваш ребенок будет устроен в приют.

— А меня это не касается,— с вызовом ответила я.

Мой ответ его поразил. Он посмотрел на меня как на невменяемую.

— Но ведь это ваш ребенок.

— Да, мой, пока я жива. Надеюсь, вы у живой его не заберете. Ну, а ведь мертвой все равно!

Прошла еще одна бессонная ночь. Шурик, словно чувствуя состояние матери, был особенно беспокоен, часто просыпался, плакал. Поздно ночью в комнату вбежал Шуминский. С лицом, искаженным злобой, рявкнул:

— Уймите своего крикуна, он мешает мне работать!

Я пожала плечами.

— А что же мне делать? Вы тоже были ребенком.

Он что-то промычал и выскочил из комнаты.

В мучительных переживаниях прошли еще два дня. Ночь. С Шуриком на руках, прижимая его к груди, хожу из угла в угол, ожидая рассвета... и казни. Жду без особой тревоги. Все пережитое за последние две недели притупило остроту страха перед казнью. Тревожит молчание сестры. Неужели контрразведчики не отправили мою телеграмму? И мой маленький пойдет по чужим, может быть, враждебным рукам. Ведь это же неправда, что мне безразлична участь моего ребенка!

Остановилась у окна и долго смотрела на пустынный Главный проспект. Редкие прохожие торопливо проходили мимо страшного колчаковского застенка.

Вдруг к подъезду подкатила легковая машина. Из нее выскочили двое военных в серых шинелях. Послышался гулкий топот по каменным ступеням, вот сильно хлопнула дверь.

«Уже?» — подумала я, и сердце часто-часто забилось. В комнату быстро вошли Шуминский и Ермохин.

Обращаясь ко мне, Шуминский зло крикнул:

— Смертная казнь вам заменена каторгой.

Видя мое безразличие, Шуминский, тряхнув бумажкой, которую держал в руках, громче повторил:

— Вы поняли, казнь вам заменена каторгой!

— Да, я поняла. А на какой срок? — вяло поинтересовалась я.

— Сроком на двадцать лет.

После ухода палачей я начала приходить в себя и почувствовала радость. Двадцать лет, а почему не сто? Они рассчитывают существовать так долго? Владеть советскими городами? Не выйдет! Я еще крепче прижала к себе Шурика. Конечно, ему, маленькому сынку, обязана я своим спасением.

Меня еще несколько дней продержали в контрразведке, и здесь я стала свидетельницей суда над предавшим нас Логиновым. Его и Ольгу Даниловну Гержеван-Латти судили последними.

Красивая, обаятельная женщина, хороший товарищ, Ольга и в условиях контрразведки была остроумна и находчива, не теряла бодрости духа. Придя однажды с допроса, смеясь, передала мне слова Шуминского: «Неужели такие красивые женщины, как вы, бывают большевичками? Вы так плохо одеты, а с вашей наружностью только в шелках ходить!» — «Да, большевички у нас есть и гораздо красивее. А насчет одежды не беспокойтесь. Победим и оденемся получше»,— ответила она. Только ей сходили такие ответы.

Играя с Шуриком, Ольга весело смеялась, что было так необычно в колчаковском застенке. За все время сидения с Ольгой в контрразведке я лишь один раз видела ее слезы. Придя со двора, где она сорвала с куста ветку с молодыми, еще не распустившимися почками, она прижала ее к груди.

— Весна,— проговорила она, и крупные слезы потекли из ее прекрасных черных глаз.

На суд она пошла спокойная и решительная. Повязала свои черные пышные волосы красной шелковой косынкой, из кармана поношенного платья выпустила уголок пестрого платочка (умереть, так хоть красивой) — и с высоко поднятой головой последовала за прапорщиком, вызвавшим ее на суд.

Ее приговорили к бессрочной каторге.

Логинов в контрразведке был на особом положении.

По утрам колчаковцы любезно здоровались с ним, осведомлялись, как он изволил почивать. В то время как

все мы, арестованные, голодали, питались сухим черным хлебом, запивая его водой, ему по утрам приносили пирожки, а днем обед из двух-трех блюд. Из прачечной он получал чистое, накрахмаленное белье. Все говорило о том, что военно-полевой суд, учитывая «заслуги», пощадит его, оправдает или в крайнем случае ограничится мягким приговором.

Дольше обыкновенного Логинов находился в комнате суда. И вот наконец двери раскрылись, и предателя пропустили вперед. Нас всех поразил его вид. За полчаса он резко изменился: сгорбился, побледнел, еле передвигал ноги. Он дошел до стула, тяжело сел и обеими руками закрыл лицо, скрывая катившиеся из глаз слезы.

Без слов было ясно, что его ждет. Приговор как громом поразил его. Невольно пришло сравнение с осужденными уже подпольщиками, которые спокойно приняли смертный приговор, геройски шли на казнь.

На суде предатель молил о пощаде, обещал, как русский офицер, в дальнейшем служить контрреволюции верой и правдой. Но колчаковский суд не поверил ему, и Логинов был приговорен к смертной казни. На этом же заседании военно-полевого суда были вынесены смертные приговоры арестованным подпольщикам Анкудинову, Павлепину, доставленному из Перми Хорохорину.

Суд состоялся 26 апреля.

Через десять минут все осужденные, кроме Гержеван-Латти, были уведены из помещения контрразведки, а на рассвете 27 апреля приговор был приведен в исполнение. Логинов за свое гнусное предательство получил от врагов лишь отсрочку на двадцать дней.

Дешево он продал свою совесть! Типичный шкурник, из личной выгоды он втерся в партийную организацию и при первом нажиме врагов расчетливо избрал предательство.

После некоторых формальностей нас, двух политкаторжанок, меня и Ольгу Гержеван-Латти, перевели в тюрьму № 2 на Сенной площади.

В небольшой камере для политических, куда нас поместили, находилось восемнадцать человек. Койки стояли почти вплотную, на некоторых спали по два человека. «Старожилы» сидели здесь с первых дней колчаковщины. «И наверное, будем сидеть до самого ее конца»,— говорили они, смеясь, подразумевая освобождение города Красной Армией.

Тюрьма была переполнена. Внешне она ничем не отличалась от тюрем царских времен. Старые, царские тюремщики, которых здесь было большинство, сохраняли прежний режим. Тот же «дух» шагал по коридору, часто заглядывал к нам через волчок.

Стирали белье мы в общей бане, которая буквально кишела вшами. Книг нам не давали. Да их и не было в тюрьме, за исключением нескольких рваных романов без начала и конца и затасканных потрепанных библий. Занимались кто чем мог.

Большое удовольствие многим доставлял мой Шурик. Он стал общим любимцем. Но тюремное питание и отвратительный воздух скоро дали себя знать, малыш стал вялым, неохотно играл, редко смеялся.

Наша еда состояла из фунта черного сырого хлеба и «супа» — мутной воды, без соли, заправленной ржаной мукой. Заключенные, которым с воли не было передач, голодали. К ним принадлежала и я. В результате длительного заключения развивалась тяжелая форма цинги — ноги покрывались черными пятнами, зубы шатались, десны кровоточили. Многие товарищи за время заключения перенесли тиф. Но, несмотря на эти условия, камера не унывала. Наоборот, пульс жизни усиленно бился.

Через железные решетки и двери с тяжелыми замками к нам с воли проникала струя свежего воздуха. Тюремный надзиратель Самодуров тайно передавал нам газеты, в которых, несмотря на маскировку, угадывалось ухудшение положения белых на фронте. Один из часовых, проходя мимо наших решеток, кидал нам комочки бумаги с радостными весточками.

Чем лучше были вести для нас, тем свирепее, придирчивее относились к нам тюремные фараоны. И доставалось же нам, особенно в последний месяц заключения! В середине июня мы пережили трагический случай, повлекший за собой гибель двух товарищей. Часовой без предупреждения выстрелил в заключенного, стоявшего у окна верхней мужской камеры, и убил его наповал. Второго, стоявшего сзади, тяжело ранило.

Одним из издевательств, практикуемых чаще всего, было вселение к нам, политзаключенным, уголовных преступниц. И что еще хуже, из нашей камеры «провинившихся» кидали в камеру уголовниц на несколько дней.

Уголовницы в нашем окружении поначалу дичились, пускали в ход весь свой отборный нецензурный лексикон. Но через несколько дней, видя дружелюбное отношение к ним, смиряли свою озлобленность. Школьная работница, сидевшая с нами в камере, решила даже заняться просветительной работой — учить грамоте женщин-уголовниц. Те согласились. Дело оставалось за букварем. Но в нем учительнице отказали. «И так слишком грамотны»,— ответил начальник тюрьмы.

Скоро нас с Ольгой перевели в тюрьму № 1 по Московскому тракту, где готовилась партия к отправке в Иркутскую централку. Поместили в маленькую камеру с пятью уголовницами, осужденными на каторгу.

Подготовка к этапу была несложной. Вызвали нас в контору тюрьмы, заполнили проходной лист с указанием особых примет, сняли оттиски с пальцев обеих рук, сфотографировали в профиль и анфас — вот мы и готовы.

Ожидая отправки, я часами тренировалась. Нагрузив на себя котомку, с Шуриком на руках шагала по камере взад и вперед до полного изнеможения, высчитывала, какое расстояние смогу сделать без отдыха.

Но отправка наша оттягивалась неизвестно почему. Видимо, не до нас было.

В конце июня тюрьма заволновалась. Беготня, шум, не прекращающиеся днем и ночью телефонные звонки. Нас не стали пускать на прогулку. Началась массовая эвакуация заключенных. Партии отправлялись спешно, днем и ночью.

Последняя партия заключенных эвакуировалась 10 июля, за пять дней до вступления в Екатеринбург Красной Армии. С этой партией было намечено отправить Ольгу и меня. Но тюремная надзирательница Спицына, которая сочувствовала политзаключенным, меня на построение не вызвала, что было обнаружено сразу же при перекличке.

— Почему не вызвана Валек? — крикнул начальник надзирательнице.— Сейчас же привести!

Но не успела надзирательница отойти, как во дворе тюрьмы разыгрался конфликт, который избавил меня от эвакуации и от верной гибели. Из выстроившейся партии выступил вперед политзаключенный — фамилии его не знаю — и обратился к начальнику с просьбой оставить больных цингой и другими болезнями в тюрьме, так как

они не в состоянии ходить. Просьба товарища вызвала ярость у начальника.

— Ах вы, мерзавцы, хотите дождаться своих красных? Так не бывать этому! — он размахнулся и ударил просящего по лицу.

Тот упал на камни двора, и струйка крови потекла у него изо рта. Поднялся шум, сильнее всего со стороны уголовных, которых тоже эвакуировали из тюрьмы.

— Что же это, к старому режиму возвращаемся? По мордасам опять бить! Незаконно это! — бурно негодовали они.

Тюремщик струхнул, конфликт мог вылиться в бунт. Забыв о своем приказе вывести меня к партии, он скомандовал: «Марш!». Надзирательница использовала этот момент и спряталась за выступ надворной постройки.

Открылись ворота, и партия в триста заключенных, окруженная конвоем, ушла из тюрьмы. С этой последней партией удирало все тюремное начальство, служившее белым.

В первую же ночь после отправки последней партии мы пережили тяжелые, кошмарные часы. Группа белогвардейцев обходила камеры мужчин. При свете фонаря выкрикивали фамилии политзаключенных, уводили их из тюрьмы и расстреливали.

В ночь на 15 июля нам сообщили, что рядом с тюрьмой расположили шесть пушек, готовится бой.

— Но вы не беспокойтесь, если вам будет угрожать опасность, мы вас переведем в нижний этаж. Там никакой снаряд нестрашен,— заявила нам надзирательница.

Мы напряженно прислушивались к шуму, доносившемуся через стены тюрьмы. Залпы. Один, другой, третий. Раздался надрывный крик, похожий на плач. Потом наступила мертвая тишина. По-видимому, белые отступили, побросав оружие. Чуть дыша, ловили мы каждый шорох с воли. Прошел час, два. Наконец... что это? Да, да, сомнений нет, издалека доносится пение «Интернационала». Пение все близится и наконец врывается к нам в окна через железные решетки. Бурная радость охватила заключенных всех камер. Криками «ура!» встретили мы своих избавителей. Это подошли к тюрьме части 28-й дивизии под командованием В. М. Азина.

Солдаты с красными звездочками на фуражках вошли к нам в камеру. Трудно передать ликование, охватившее всех нас. Заключенные, а сейчас свободные граж-

дане, плакали, смеялись. Красноармейцы жалели, что нашли в тюрьме лишь небольшую часть заключенных, около 180 человек. Из 2000 заключенных, эвакуированных из тюрем № 1 и 2, живыми дошли до Иркутска лишь 160 человек, остальные погибли в дороге от болезней и расстрелов.

Утром 15 июля из наших освободившихся товарищей была выделена комиссия *, которая занялась роспуском бывших заключенных. Получив справки с приложением тюремной печати, все начали расходиться кто куда. А я, подхватив Шурика, поспешила к дому, где помещалась колчаковская контрразведка, надеясь разыскать материалы по нашей подпольной организации.

Войдя в дом через настежь открытые двери, я увидела картину полного разгрома. Удирая, враги целыми оставили только стены. Обои висели клочьями, сорвана была электропроводка, выбиты стекла. На каменных плитах двора лежали кучи пепла. Жильцы соседнего дома объяснили мне, что контрразведчики перед отступлением целую неделю день и ночь жгли свои архивы. Костер все время охранялся часовыми.

Так колчаковцы пытались уничтожить следы своих кровавых дел, сотворенных за год власти в нашем городе.

Июльский теплый, солнечный день. Казалось, и природа вместе с нами радуется освобождению города от вражеского нашествия. Хотелось увидеть родные улицы, знакомые дома, пруд.

Я обходила улицу за улицей, глубоко вдыхала чистый воздух.

Страстно хотелось поделиться с друзьями своим настроением, радостью освобождения, горечью утрат.

Я несказанно обрадовалась, увидя на одном из перекрестков Симу Дерябину. Мы обнялись и крепко расцеловались, как будто не вместе покинули недавно стены тюрьмы. Решили пойти за город. Усевшись на полянке ближнего лесочка, мы заговорили о пережитом, о настоящем, о будущем. Во имя погибших товарищей хотелось сегодня, сейчас же заняться восстановлением всего того, что разрушили враги. Сима до колчаковщины вела большую работу в области социалистической культуры. Говоря о будущей нашей деятельности, Сима вынула из сумочки исписанные листочки, которые она успела подготовить для первого номера газеты «Уральский рабочий».

Она также прочла мне незаконченную пьесу «На заре новой жизни», начатую еще в тюрьме.

Так мы и просидели с Симой Дерябиной до сумерек, делясь своими планами и мечтая о том, какой хорошей будет жизнь на свободной советской земле.

В первые же дни после освобождения города мы с группой товарищей, потерявших за время колчаковщины своих родных и близких, ходили по верх-исетскому лесу в поисках расстрелянных. Мы обнаружили немало трупов казненных советских людей, так как белогвардейские палачи перед бегством из города без суда и следствия группами расстреливали заключенных. Но отыскать тела казненных товарищей нам так и не удалось, хотя мы и знали, где приблизительно находится место казни.

В лесу за Верх-Исетским заводом было болото. Позднее стало известно, что наиболее «опасных преступников» колчаковские палачи казнили именно на берегу этого болота, а затем сбрасывали их в зыбкую трясину.

Видимо, где-то здесь и покоятся тела моего незабвенного Антона и его боевых соратников.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Великое дело революции, за которое всю свою недолгую жизнь боролся Антон Валек, восторжествовало.

Более четверти века я в меру своих сил участвовала в социалистическом строительстве, пока на склоне своих лет не ушла на пенсию.

Из трех моих сыновей до наших дней дожил только один Миша. Младший сын Шурик умер осенью 1920 года от воспаления легких. Здоровье его было подорвано во время наших скитаний в подполье и заключения в тюрьме.

Старший сын Сеня после окончания горного института некоторое время работал на угольной шахте, а затем воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Он погиб, храбро защищая Родину, как и подобало сыну большевика.

Средний сын Миша вернулся с фронта коммунистом, работает инженером-химиком.

Мое время делится как бы на две половины: одну я отдаю своим внучатам, другую — общественной работе. Несмотря на то что мне уже идет восьмой десяток, я часто встречаюсь с рабочими, студентами, школьниками, солдатами Советской Армии и рассказываю им о незабываемых днях революционной борьбы за победу Советской власти, за социализм. Хочется хотя бы в малом быть полезной нашей советской молодежи, которая строит коммунизм.

Именно для советской молодежи я писала эти свои воспоминания. Я считаю, что молодые строители коммунизма должны знать, как их отцы и деды, не жалея сил и самой жизни, боролись за великое дело социализма, как они, ведомые нашей партией во главе с ее мудрым гением В. И. Лениным, свергли самодержавие, совершили социалистическую революцию, а затем с оружием в руках на фронтах и в тылу врага отстаивали молодую Советскую власть *.

Я не ученый и не историк и, конечно, не претендую

на глубокий анализ событий тех исторических лет. Мне просто хотелось рассказать о том, что я видела и пережила, рассказать о славных героических делах рядового солдата революции Антона Яковлевича Валека и его боевых соратников. И если мне это в какой-то степени удалось, если моя книга окажется полезной молодым строителям коммунизма, я буду считать, что выполнила свой партийный долг.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1963 году в нашем издательстве вышла книга Раисы Исааковны Валек «Жизнь в борьбе». Вы прочитали сейчас второе издание этой книги, исправленное и дополненное ее автором.

Прошло двадцать лет со дня выхода первого издания. Раиса Исааковна умерла. Долгие годы вела она поиск материалов об уральских революционерах, их жизни и борьбе за Советскую власть, за светлое будущее.

Ее дело продолжили сын — Михаил Антонович Валек и внук — Игорь Михайлович. Они встречались с ветеранами партии, записывали их восноминания, исследовали сотни архивных документов. Во многом помогла им старший научный сотрудник Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея Людмила Федоровна Муртазалиева.

Результатом этой работы явились новые дополнения к тексту книги, которые даны в примечаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 58

По заданию партии Антон Валек не однажды выезжал в Омск, чтобы ускорить заготовки продовольствия. Как посланец Петроградского Совета, он выступал на рабочих собраниях, на заседаниях Омского Совета.

О выступлении А. Валека 9 марта 1918 года на заседании Омского Совета в газете «Известия» от 20 марта 1918 года сообщалось: «Приветствуя идейных работников Советского правительства на местах, от имени рабочих всего Петрограда приносит горячую благодарность за ту работу, которая сделана омскими рабочими со дня Октябрьского переворота, и выражает глубокое восхищение умению схватывать каждый штрих, намеченный Советской властью Центра, и умело проводить его в жизнь. Тов. Валек кратко обрисовал настоящее, крайне тяжелое положение российского пролетариата и перспективы русской революции. Мы делаем отчаянные усилия ради спасения Советской власти, а вместе с ней и мировой революции. Мировой империализм положил на нас свою тяжелую лапу, и перед нами встает вопрос — жить или умереть. Вы, товарищи, должны напрячь все усилия для спасения революции. Приветственное слово представителя от петроградских рабочих покрывается шумными аплодисментами».

Стр. 59

Карой-Шандор Лигети, военнопленный, находясь в Омске, издавал на венгерском языке революционную газету «Форрадалом» («Революция»). Отряд интернационалистов, к которому на помощь прибыли красногвардейцы из Перми и Омска, во главе с К. Лигети сражался с белочешскими войсками под Новониколаевском (Новосибирском).

В Омске свято чтут память героя гражданской войны коммуниста-интернационалиста Кароя Лигети. Здесь ему установлен памятник, аналогичный памятник омичи отправили на его родину, в Венгрию.

Стр. 62

29 мая 1918 года в Екатеринбурге в связи с захватом белочехами многих городов Урала и Сибири был образован революционный штаб Уральской области, куда вошли председатель Уральского областного Совета А. Г. Белобородов, окружные военные комиссары Ф. И. Голощекин и С. А. Анучин, представители штаба Резерва Красной Армии и Екатеринбургского Совета. Штаб разработал план первоочередных мероприятий по организации борьбы с белочехами и объявил мобилизацию революционных сил в Красную Армию.

13 июня 1918 года на совместном совещании прибывших в Екатеринбург членов Высшей военной инспекции с представителями Уралобкома РКП(б) и окружного военного комиссариата было принято решение об образовании Северо-Урало-Сибирского фронта. 15 июня 1918 года приказом № 1 объявлялось о назначении члена Высшей военной инспекции Р. И. Берзина командующим фронтом, членами коллегии стали Д. Н. Надежный и С. А. Анучин.

В июне ЦК РКП(б) направляет на Урал и в Сибирь для работы в тылу белых С. А. Черепанова и М. И. Сычева-Суховерхова, которые в Тюмени проводят совещание с находящимися здесь видными коммунистами — Г. А. Усиевичем, З. И. Лобковым, К. П. Ильмером, К. М. Молотовым, А. Я. Валеком и И. С. Дмитриевым. Совещание образовало Организационное бюро РКП(б) в составе С. А. Черепанова, М. И. Сычева и К. М. Молотова. Членам бюро было поручено объехать промышленные центры Сибири, выявить уцелевшие партийные организации и отдельных работников партии и произвести выборы делегатов на 1-ю Сибирскую подпольную конференцию.

В Тюмени Антон Валек принял участие в работе военно-оперативного штаба, созданного для обороны от наступающих белогвардейских войск. Штаб возглавлял Григорий Александрович Усиевич.

* * *

22 июня командующий фронтом Р. И. Берзин в докладе штаба фронта Высшему военному совету и главкому сообщал: «Организация штаба закончена. Все отделы работают... Разведывательным отделом разослан целый ряд агентов для организации разведки на местах. Контрразведкой послан целый ряд агентов в расположение противника... При штабе фронта имеется контрразведывательный отдел, работающий в полном контакте с ЧК».

13 июля 1918 года в числе других из Екатеринбурга выехал в Сибирь уполномоченный штаба Северо-Урало-Сибирского фронта А. Я. Валек с документами кооператора И. Я. Петрова для организации разведки и постановки боевой работы в тылу противника.

18 июля 1918 года приказом № 50а Северо-Урало-Сибирский фронт преобразуется в Третью армию Восточного фронта.

* * *

15 июля 1918 года Уралобком РКП(б), готовясь к эвакуации Екатеринбурга, оставил в городе для подпольной работы группу коммунистов во главе с В. Д. Тверитиным. Конкретные задания ему были даны А. Г. Белобородовым и Н. Г. Толмачевым. В группу входили К. П. Ильмер, И. И. Брысов, К. П. Чудинова, А. Н. Никифирова, И. К. Клементьева, Г. Л. Ульман, В. И. Еремин, В. П. Мельников, И. С. Григорьевич (из Томска), связная Соня Морозова, рабочий-железнодорожник П. М. Морозов, наборщик А. С. Вяткин, хозяйка конспиративной квартиры М. Н. Боракова и другие.

Через несколько дней после падения Екатеринбурга, 30 июля 1918 года, В. Д. Тверитин был арестован и вскоре расстрелян.

* * *

Вениамин Доментьянович Тверитин родился в 1898 году в Тюмени. Он рано, еще будучи гимназистом, стал серьезно изучать марксистскую литературу. Большое впечатление на Тверитина произвели письма сверстников, призванных в армию в связи с начавшейся первой мировой войной. Его возмущало бесправие простых солдат и произвол офицерства в царской армии. С 1915 года

Тверитин в партии большевиков. Вел подпольную революционную работу в Москве. Накануне Октябрьской революции был членом Московского городского районного комитета партии. После Октября — заместитель председателя Омского Совета и комиссар Степного края, позднее — комиссар Ялуторовского укрепленного района.

* * *

После занятия Екатеринбурга белочехами в городе стали организовываться группы товарищей для оказания материальной и моральной помощи коммунистам, находящимся в застенках, а также тем, которым удалось бежать из тюрем. В одну из таких групп входили И. Дукельский, В. А. Шепелев, Е. А. Шепелев, М. Ш. Брод, А. Брагинский. Брод и Дукельский вскоре были арестованы. Через них установилась связь группы с тюрьмой.

Стр. 62

1 сентября 1918 года в Томске открылась 1-я Сибирская нелегальная большевистская конференция. Делегатами конференции были К. М. Молотов, М. И. Сычев-Суховерхов, М. М. Рабинович, И. С. Дмитриев, А. А. Алексеева, С. Г. Стукин, С. А. Дитман, А. Тепляков, К. П. Ильмер (делегат от Екатеринбурга) и А. Я. Валек (делегат от Омска). Конференция избрала Сибирский областной комитет РКП(б) во главе с К. М. Молотовым.

* * *

Делегат от Екатеринбургской партийной организации на 1-й Сибирской нелегальной конференции Карл Петрович Ильмер родился в 1892 году в Латвии. Член партии с 1908 года. Активный участник революционного движения в Латвии и России. В 1914 году был сослан в Нарымский край, в 1916 году бежал в Петроград. После Февральской революции работал в латышской рабочей газете «Циня» («Борьба»). В декабре 1917 года был командирован в Западную Сибирь за продовольствием. В связи с чехословацким мятежом и эвакуацией Омска приехал в Екатеринбург. После захвата Екатеринбурга белочехами в числе других был направлен на подпольную работу в Сибирь. Вместе с женой и соратницей Гельминой Людвиговной Ульман перешел фронт. (Из автобиографии Г. Л. Ульман. Личный архив семьи Валек.)

На 1-й Сибирской конференции в Томске К. П. Ильмер избран кандидатом в члены областного комитета РКП(б). В марте 1919 года схвачен колчаковцами и замучен.

Стр. 63

По поручению Сибирского областного комитета РКП(б) Антон информирует коммунистов Красноярска и Иркутска о решениях конференции, формирует подпольные группы для сбора военных сведений и организует деятельность большевистского подполья, а также готовит явки для подпольной работы.

Стр. 71

Кроме доклада Антон Валек одновременно представил в Отдел военного контроля и в ЦК РКП(б) список явок и паролей, который приводится полностью:

«Девушка» (Е. С. Федорова).

Иркутск, Большая Трапезниковская, № 8, 3-й этаж, Абрам Веникаменев, пароль «Москва», ответ «Мушка».

Иркутск, общество «Мазут», Бортник. От Федоровой.

Красноярск. Биржа труда, Фабрикант.

Уфа. Связи нет, надо связаться через интернационалистов в профсоюзе.

Челябинск. Районный железнодорожный комитет, через интернационалистов.

«Яков» (А. Я. Валек).

Омск. Волошинская ул., 18, угол Перевозной, квартира Болтутиса. От Якова.

Омск. Степная, № 1, квартира Богоявленской. От Якова.

Барнаул. Газетный киоск печатников на рынке. У продавца спросить тов. Алексееву. От Якова с конференции.

Красноярск. Благовещенская, 104, у Брутковского спросить Франца (М. И. Сычев-Суховерхов). От Омского Якова.

Красноярск. Всесвятская, правление кооператива «Самостоятельность», спросить Канцелярского. От Омского Якова.

Томск. ЦК Западной Сибири, бюро горнозаводских рабочих при совете профсоюзов, спросить делопроизводителя Волкова или Малиновскую, а через них отыскать

Костю (К. М. Молотова), Сергея (С. А. Дитмана) или Рабиновича. От Якова Омского.

Томск. Акимовская, 13, шапочная мастерская, спросить Кошкина, у него Виктора (В. С. Митряева). От Якова Омского.

Томск. Кривая, 27, кв. 2, спросить Митряева. От Якова Омского.

Иркутск. Жандармский переулок № 2/10, в бакалейной лавке спросить Цветковскую. От Якова.

Иркутск. Саламатовская, 64, спросить Виникаменева. От Веры Клементьевны.

* * *

Томск. Высшие женские курсы, О. Николаева.

Омск. 34-я Предтеченская, Е. Федорова.

Иркутск. 1-я Солдатская, 10, С. Огнетов; Луговая, 34, кв, 4, Мосин; Мельниковская, 32, А. Рябикова.

Никольский поселок, Веревкинская ул., д. Шуменкова. Ружье (пароль); Совет Союза, д. Гашина; Люблинский проспект, Юров — организатор.

Феодосия, Дворянская ул., Вассербер, спросить Якова Будницкого.

Вена — Инсбрук... № 55, спросить Проханского, печатник, сослаться на Хайкевича из Феодосии (См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918—1920 гг., Новосибирск, 1978, с. 298.)

Стр. 72

По согласованию с Сибирским бюро ЦК РКП(б), которое было создано 17 декабря 1918 года в Уфе по указанию Я. М. Свердлова для организации подпольной работы в колчаковском тылу. Руководил бюро Ф. И. Голощекин.

Стр. 73

В декабре 1918 года в Москву В. М. Косаревым были доставлены материалы 2-й Сибирской подпольной конференции, письмо за подписью членов ЦК РКП(б) Сибири и мандат на имя В. М. Косарева, З. И. Лобкова, А. Я. Валека следующего содержания: «ЦК РКП(б) Сибири назначает Вас своими коллективными представите-

лями для сношений с учреждениями Советской России, ЦК РКП(б) и предлагает Вам организовать своими силами регулярно присылку денег, информации и настоять перед ЦК РКП о высылке в Сибирь активных товарищей.

ЦК РКП(б) Сибири»

(См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918—1920 гг., с. 11.)

В структуре Сибирской подпольной организации предусматривалось также создание и функционирование в Екатеринбурге и Челябинске Бюро по сношению с Советской Россией. (См.: В борьбе с контрреволюцией. Сб. док. материалов 1918—1919 гг. Омск, 1959, с. 92.)

Стр. 77

Улица Большая Съезжая была переименована в улицу имени Антона Валека на торжественном заседании Екатеринбургского городского Совета 7 ноября 1919 года.

Стр. 77

В январе приехал в Екатеринбург и А. А. Антропов из пермской подпольной группы.

Стр. 79

А. Самков до захвата белочехами Екатеринбурга работал в профсоюзе служащих. Имел в городе широкие связи, много знакомых, надежных товарищей. За подпольную работу был арестован. Из заключения бежал в начале января 1919 года. С приездом в Екатеринбург А. Валека принял активное участие в подпольной работе.

Стр. 81

А. Я. Попов родился в 1893 году на Урале. В 1914 году был взят на военную службу, во флот. Служил в Кронштадте. В 1916 году вступил в партию. В Екатеринбургской подпольной организации, находясь на военной службе у белых, возглавлял подпольную работу в воинских частях. Был арестован в апреле 1919 года. Подвергся жестоким пыткам. Бежал с группой товарищей. Позднее А. Я. Попов жил в Ленинграде. Умер в 1943 году (Из автобиографии А. Я. Попова. Личный архив семьи Валек.).

Стр. 82

Подпольный комитет располагал и другими явочными квартирами, например, на улице Уральской, 83 (ул. Сакко и Ванцетти), Водочной, 97 (ул. Мамина-Сибиряка), Клубной, 10 (ул. Первомайская), на улице Шарташской, 24 (винный склад) и другими.

Стр. 84

Городской подпольный партийный комитет создает несколько изолированных друг от друга подпольных организаций: городскую под руководством А. Я. Валека, железнодорожную под руководством А. П. Самкова, военную под руководством А. Я. Попова, в лагере военнопленных под руководством Ф. О. Вальтера. Казначеем партийного комитета был назначен В. В. Старцев. После изгнания колчаковцев из Екатеринбурга он передал оставшиеся у него 5000 рублей партийных денег начальнику Особого отдела Третьей армии товарищу Бреславу.

Работу среди рабочей молодежи возглавлял Василий Еремин, среди учащейся молодежи — Илья Дукельский и Аркадий Брагинский.

* * *

Василий Еремин, рабочий завода Ятеса (ныне завод имени Я. М. Свердлова), в ноябре 1917 года был избран первым секретарем Уральского обкома Союза рабочей молодежи, сотрудничал в журнале «Юный пролетарий Урала». С падением Екатеринбурга остался в городе. Устроился работать писарем в оперативном отделе штаба генерала Гайды. Имел связь с подпольщиками. Большевистскую литературу, изъятую белогвардейцами у арестованных и передаваемую ему для уничтожения, припрятывал и распространял вновь. Печатал на пишущей машинке листовки против колчаковщины. Листовки размножались на гектографе на конспиративной квартире (ныне улица Луначарского, 211) мобилизованными в колчаковскую армию К. П. Воробьевым, И. Ф. Скорыниным, В. Ф. Чемодановым и А. А. Кожевниковым. В. Еремин имел связь со сбежавшим из тюрьмы Сергеем Ивановым и через него держал связь с молодежной группой гимназистов — И. Дукельским и С. Морозовой.

В воспоминаниях активный член подпольной большевистской организации Екатеринбурга, руководитель пятерки В. Л. Радионовский рассказывал, как на одном из совещаний А. Я. Валек заявил, что «в штабе армии был уже наш товарищ, услугами которого наша организация уже пользовалась». Это был В. И. Еремин («писарь с Мельковки»)

Незадолго до прихода Красной Армии в город В. Еремин был арестован и после жестоких пыток расстрелян.

* * *

Вся подпольная организация города строилась по территориально-производственному признаку. Город был разбит на районы, которые делились па участки, а последние на кварталы. Каждое из этих звеньев возглавлялось пятеркой. Пятерки были на крупных предприятиях — Верх-Исетском заводе, заводе Ятеса, фабрике Макаровых, а также на ряде мелких предприятий, в типографиях, больницах.

Пятерка А. П. Самкова, куда входили В. Радионовский, Ф. Курилов, А. Кочкин, П. Титова, З. Г. Устьянцева, М. Г. Вейнберг (впоследствии оказавшийся предателем), проводила диверсии на железной дороге, изготовляла поддельные документы, приобретала оружие и боеприпасы, вела разведку, вовлекала в подпольную организацию новых членов.

Пятерка А. Я. Попова, куда входили А. Чирухин, А. Глухих, В. Птухин, П. Батин, В. Барышников, каждый из которых возглавлял свою пятерку, проводила работу по разложению колчаковской армии. Особенно благоприятной почвой для большевистской агитации были недавно мобилизованные в армию и особенно бывшие солдаты, испытавшие гнет царизма и ужасы первой мировой войны. В результате деятельности подпольщиков стало массовым дезертирство из колчаковской армии. В некоторых полках и подразделениях была совершенно разложена воинская дисциплина. Все это существенно помогло Красной Армии в разгроме и изгнании белогвардейцев с Урала.

Пятерка В. А. Шепелева, куда входили Е. А. Шепелев, А. Брагинский, И. Дукельский, М. Ш. Брод, кроме работы среди учащейся молодежи вела агитацию в белогвардейских частях и организовывала связь с коммунистами, находящимися в тюрьмах.

Молодежная группа под руководством Василия Еремина была численностью до 20 человек, в нее входили Н. Прохоров, М. Тарантин, В. Ф. Самодуров, А. и Ф. Луговых, А. Кочутин, П. Коблов, Н. Норов, П. Шушканов, А. А. Кожевников, Т. Чирухина, Р. Полежаева и другие. Группа сыграла немалую роль в разложении белогвардейских частей и организации побегов политзаключенных из колчаковских застенков. Член молодежной группы В. П. Мельников хранил тайный склад с оружием, Т. Чирухина и Р. Полежаева помогали старшим товарищам на Верх-Исетском заводе.

Возникла сеть пятерок также на железнодорожном узле. Железнодорожники выводили из строя подвижной состав, засыпая в буксы песок, организовывали крушения воинских поездов. Добывая оружие, готовилась к восстанию, вела среди рабочих агитацию одна из групп, в которой состояли машинист Ларионов, Башмаков, Деменчук, Ипатов и другие.

Пятерка В. Ф. Барышникова, куда входили А. П. Глухих, А. Проскуряков, В. А. Бархаленко, серб Мила Волжанин, добывала сведения о готовящихся арестах, выявляла провокаторов.

Пятерка А. Проскурякова, «служившего» в милиции, вела разведывательную работу в милиции, в войсках, на предприятиях. В пятерку входили Эзонталь, Оборин, Королев, Колегов.

А. Павленина, З. Г. Устьянцева, З. Водовозова, М. Хволос, О. Шихова, А. Д. Маркова, Г. А. Сушенцова организовывали побеги политзаключенных, когда их партиями вели по городу на станцию Шарташ для отправки на восток.

Екатеринбургский подпольный комитет поддерживал связь с рядом городов Урала — Пермью, Челябинском (через А. А. Григорьева, М. С. Иванова, В. А. Вожакова), Нижним Тагилом, Туринском, Полевским, Сысертью, Уфалейским заводом. Связь с Омском и Томском поддерживалась через В. Р. Лебедеву, Т. П. Сибирцеву, К. И. Власову, Т. Грязных, А. В. Пискунова.

В своих воспоминаниях руководитель одной из пятерок В. Л. Радионовский сообщает, что Антон Валек часто собирал руководителей пятерок. На таких встречах он информировал товарищей о положении на фронтах, о внутреннем положении. Давал конкретные индивидуальные задания: изготовление удостоверений, паспортов;

сбор оружия, патронов; сбор сведений о настроениях трудящихся, о широком развитии связей и т. д. «Все эти задания умел своевременно проверять т. Яков и напоминать, давать советы в тех случаях, когда возникали затруднения»,— говорит В. Л. Радионовский.

О работе екатеринбургского подполья в 1919 году в книге доктора исторических наук И. Ф. Плотникова «В белогвардейском тылу» (Свердловск, 1978, с. 74—78) говорится: «Весной 1919 года Екатеринбургская организация, по самым скромным подсчетам, насчитывала не менее 100 человек». И далее: «...организация под руководством Антона Валека встала на крепкие ноги. Развернулась подготовка вооруженного восстания. Екатеринбургский комитет считал целесообразным выступить одновременно с Челябинском, Омском, Томском и другими городами. Выступление в городе намечалось примерно на середину апреля.

К восстанию готовились и рабочие, и солдаты, и военнопленные. Подпольщики настойчиво собирали, покупали, отнимали у солдат и милиции оружие, прятали его в надежных местах. Так, визовские рабочие хранили часть оружия непосредственно в цехах завода. На нескольких квартирах были устроены склады с оружием. Часть его хранилась в пригородных местах.

Таким образом, Екатеринбургская большевистская организация, возглавляемая талантливым коммунистом, организатором Валеком, постоянно ширилась, укреплялась, готовилась к решающей борьбе, упрочивая связи с массами и подпольем в других городах».

Стр. 84

Была и ранее попытка колчаковской контрразведки раскрыть Екатеринбургскую подпольную организацию. Так, белогвардейский агент Софья Коробова выследила конспиративную квартиру часовщика Буздеса и, встретившись с ним, заявила, что ей нужно передать важное сообщение «главному» подпольной организации большевиков. Валек встретился с Коробовой, заявил ей, что «главный» поручил ему вести с ней переговоры, и убедился, что Коробова — провокатор. Комитет поручил А. Самкову ликвидировать Коробову, но этому помешал ряд обстоятельств. Коробова понесла заслуженное наказание после победы над колчаковцами.

Стр. 85

10 апреля в Екатеринбурге были арестованы из военной группы подпольной организации А. Попов, А. Чирухин, А. Глухих, В. Барышников, В. Птухин, П. Батин и П. Паршин, которым в июне удалось убежать из тюрьмы.

Помогавшие им бежать (передали запеченную в хлебе пилку для распиливания решетки в камере) сестра А. Попова — Валя Чупина, Таня Чирухина и Рипа Полежаева были колчаковцами схвачены и замучены.

16 апреля военно-полевой суд приговорил к смертной казни В. А. Шепелева, А. П. Самкова, И. Л. Дукельского, С. К. Коковина, И. И. Анкудинова. К 20-летней каторге была приговорена Р. И. Валек.

26 апреля были приговорены военно-полевым судом к смертной казни А. А. Павленина, П. П. Хорохорин. К каторге без срока была приговорена О. Д. Гержеван-Латти.

Враг нанес сильный удар по подпольной организации Екатеринбурга, но не смог ликвидировать ее совсем. Система конспирации позволила сохранить многие ее звенья и обеспечить дальнейшую борьбу с белыми. Продолжалась подготовка к вооруженной борьбе с колчаковщиной.

Центральный Комитет партии продолжал уделять неослабное внимание работе большевистского подполья в колчаковском тылу. Так, в записке, доставленной в Сибирь курьером ЦК партии Любовью Годисовой, Я. М. Свердлов писал: «Мы ни на минуту не забываем о вас... Принимаем сейчас все меры к постановке прочной связи с вами... Внутренне мы крепче, чем когда-либо. Возможны временные неудачи, но значения они не могут иметь. Мы победим!»

9 апреля в Екатеринбург с мандатом Уралобкома партии прибывает С. И. Дерябина.

В мае — июне 1919 года Сибирское бюро ЦК РКП(б) направляет в Екатеринбург для организации нового подъема подпольной работы Ф. Г. Коркодинова, В. Н. Воробьева, А. Ф. Ивакина; в Челябинск — Г. Л. Гудырева с женой Фаиной, Ф. Ф. Вожакова, Г. А. Кантуганова, Х. К. Богданова.

Стр. 87

Обстоятельства провала Екатеринбургской подпольной организации до сих пор неясны.

Однако следует считать установленным, что нити провала вели из Челябинска. 24 марта 1919 года в Челябинске была арестована группа левых эсеров после проведенного ими террористского акта. У руководства группой стояли Н. Образцов и И. Зыков. В ходе следствия И. Зыков, а затем и Н. Образцов выдали белым сведения о Челябинской и Екатеринбургской подпольных организациях и о пребывании в Екатеринбурге С. Г. Логинова (И. И. Дмитриева). 24 марта в Челябинске был арестован председатель подпольного комитета РКП(б) З. И. Лобков, а вскоре и руководящие работники подполья А. А. Григорьев, С. А. Кривая и ряд других товарищей. В конце марта колчаковская контрразведка, получив в свои руки сведения о пребывании С. Г. Логинова в Екатеринбурге, направляет к нему под видом подпольщика офицера контрразведки Иванова. О дальнейшем подробно пишет Р. И. Валек.

1 апреля колчаковской контрразведкой были арестованы А. Я. Валек, Р. И. Валек с сыном, М. О. Авейде, В. А. Вожаков, С. М. Буздес.

Несколькими днями ранее, 27 марта, в Екатеринбурге по доносу Гончарова были арестованы А. Павленина, З. Устьянцева, З. Водовозова, М. Хволос и О. Шихова, но их арест нитей к другим звеньям организации белым не дал.

Стр. 89

А. А. Григорьев, С. Г. Логинов и О. Д. Гержеван-Латти с заданиями Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б) выехали 15 января 1919 года из Вятки в Челябинск, куда приехали в начале марта. Они привезли с собой письма Я. М. Свердлова и Ф. И. Голощекина. С. Г. Логинов 7 февраля доставил в Екатеринбург в чемодане с двойным дном 100 000 рублей на партийную работу. Приехав в Екатеринбург, он активной подпольной работы не вел. Сменив квартиру, не поставил об этом в известность А. Валека, как это полагалось сделать. Поведение Логинова не внушало к нему доверия, А. Валек не сообщал ему свой адрес. Логинов узнал, где живет А. Валек, через

одну из членов подпольной организации, которая как-то, проходя недалеко от квартиры А. Валека, указала на нее Логинову, не подозревая, конечно, к каким последствиям это приведет.

Стр. 107

В состав комиссии входили товарищи Я. Я. Скарпе, А. Н. Сабакин, И. И. Брысов, Ф. П. Акулов, Сиютин.

Стр. 109

Уральцы свято чтут память о героях гражданской войны, о тех, кто боролся и погиб за победу Советской власти на Урале. Именами героев названы многие улицы города Свердловска.

В увековечение их памяти вложила свой вклад и молодежь. Так, например, группа альпинистов Свердловска, подготовленная В. И. Земеровым, в 1966 году совершила восхождение на неизведанные пики Памира. Альпинисты назвали несколько безымянных вершин именами уральских революционеров. Пик высотой 5287 метров назван именем Антона Валека.

СОДЕРЖАНИЕ

Валек Р. И.

В15 А. Я. Валек.— Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1983.— 128 с., 16 с. ил.

25 к. 10 000 экз.

В книге воспоминаний старой большевички Раисы Исааковны Валек рассказывается о героическом пути ее мужа, одного из выдающихся уральских революционеров Антона Валека.

Адресуется широкому кругу читателей.

В $\frac{10202-010}{М158(03)-83}$ 0902030000

ББК 66.61(2)8
ЗКП1(092)

Раиса Исааковна Валек

А. Я. ВАЛЕК

Редактор С. И. Казанцев
Художник А. В. Вохмин
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. В. Меньщикова
Корректор М. А. Казанцева

ИБ № 968

Сдано в набор 25.06.82. Подписано в печать 25.10.82. НС 12 670. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,6. Усл. кр.-отт. 8,0. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 10 000. Заказ 358.
Цена 25 коп.

Средне-Уральское книжное изд-во, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны в производственном объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20.

25 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1983

